

ПИОНЕР 12

ДЕКАБРЬ ● 1978 ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

«...КРАСНОЕ ЗНАМЯ — СИМВОЛ РЕВОЛЮЦИИ, СИМВОЛ САМООТВЕРЖЕННОЙ БОРЬБЫ ЗА СВОБОДУ И СЧАСТЬЕ ЛЮДЕЙ ТРУДА.

ВРУЧАЯ НАШЕЙ ЮНОЙ СМЕНЕ КРАСНОЕ ЗНАМЯ, МЫ, КОММУНИСТЫ, ТВЕРДО УВЕРЕНЫ: ЛЕНИНСКИЙ КОМСОМОЛ С ЧЕСТЬЮ БУДЕТ И ВПРЕДЬ ОПРАВДЫВАТЬ ДОВЕРИЕ ПАРТИИ, ОТДАВАТЬ ВСЕ СВОИ СИЛЫ НА БЛАГО НАШЕЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ОТЧИЗНЫ!

БУДЬТЕ ВСЕГДА ВЕРНЫ ЗНАМЕНИ РЕВОЛЮЦИИ!»

(Из выступления товарища Л. И. Брежнева на торжественном заседании в Кремлевском Дворце съездов, посвященном 60-летию ВЛКСМ)

СМЕЛЕЙ ВПЕРЕД И ТВЕРЖЕ ШАГ!

В нашей стране есть одна добрая и славная традиция — поднимать алые флаги, зажигать красные звезды в честь трудовых побед. Ты и сам не раз был свидетелем, когда в дни уборки урожая лучшим героям жатвы вручались красные вымпелы, а на комбайнах появлялись новые красные звезды и красные флажки. Строители Саяно-Шушенской ГЭС в местах, где отбывал ссылку вождь революции — Владимир Ильич Ленин, начали заполнять водами Енисея новое огромное море в Сибири. И снова на башенных кранах, над плотиной взметнулись красные флаги. По новым километрам магистрали века — БАМу идут первые поезда, обязательно украшенные флагами и транспарантами. А когда шахтеры Донбасса ставят рекорды добычи угля, над шахтой в ночном небе всплывает красная звезда. И твой отряд, если он добился права носить звание правофлангового, награждается красным вымпелом. Хорошая это традиция, и жить ей вечно!

Каждая трудовая победа на заводах и фабриках, на колхозных и совхозных полях, в космосе и в лаборатории ученого — вклад в наше общее дело, в выполнение планов десятой пятилетки. Кирпич за кирпичом мы строим здание нового коммунистического общества, строим, как говорил твой любимый писатель Аркадий Гайдар, «жизнь совсем хорошую». И с приметами этой жизни ты сталкиваешься каждый день. Ты ходишь в новую школу, включаешь по вечерам телевизор, читаешь интересные книги, ездишь в пионерский лагерь и бесплатно занимаешься любимым делом в кружке Дворца пионеров или станции юных техников. Так было с первого твоего шага по земле. Но давай вместе подумаем: а всегда ли так было и сколько усилий нашего народа потребовалось для того, чтобы наша страна стала могучей и богатой. Представь, что мы совершаем путешествие в прошлое. Сравним его с настоящим. Тридцать лет назад в нашей стране было изготовлено всего 200 телевизоров, а сегодня мы производим более семи миллионов! Только за один день в прошлом году в стране выпускалось 5720 автомобилей, 1559 тракторов, 16 000 холодильников. Каждый день тридцать тысяч семей въезжают в новые квартиры. В нашей стране работает одна треть врачей и четверть научных работников всего мира. Электроэнергии мы производим по сравнению с первым годом революции в 500 раз больше. Вот какими семимильными шагами идет наша Отчизна по пути к коммунис-

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

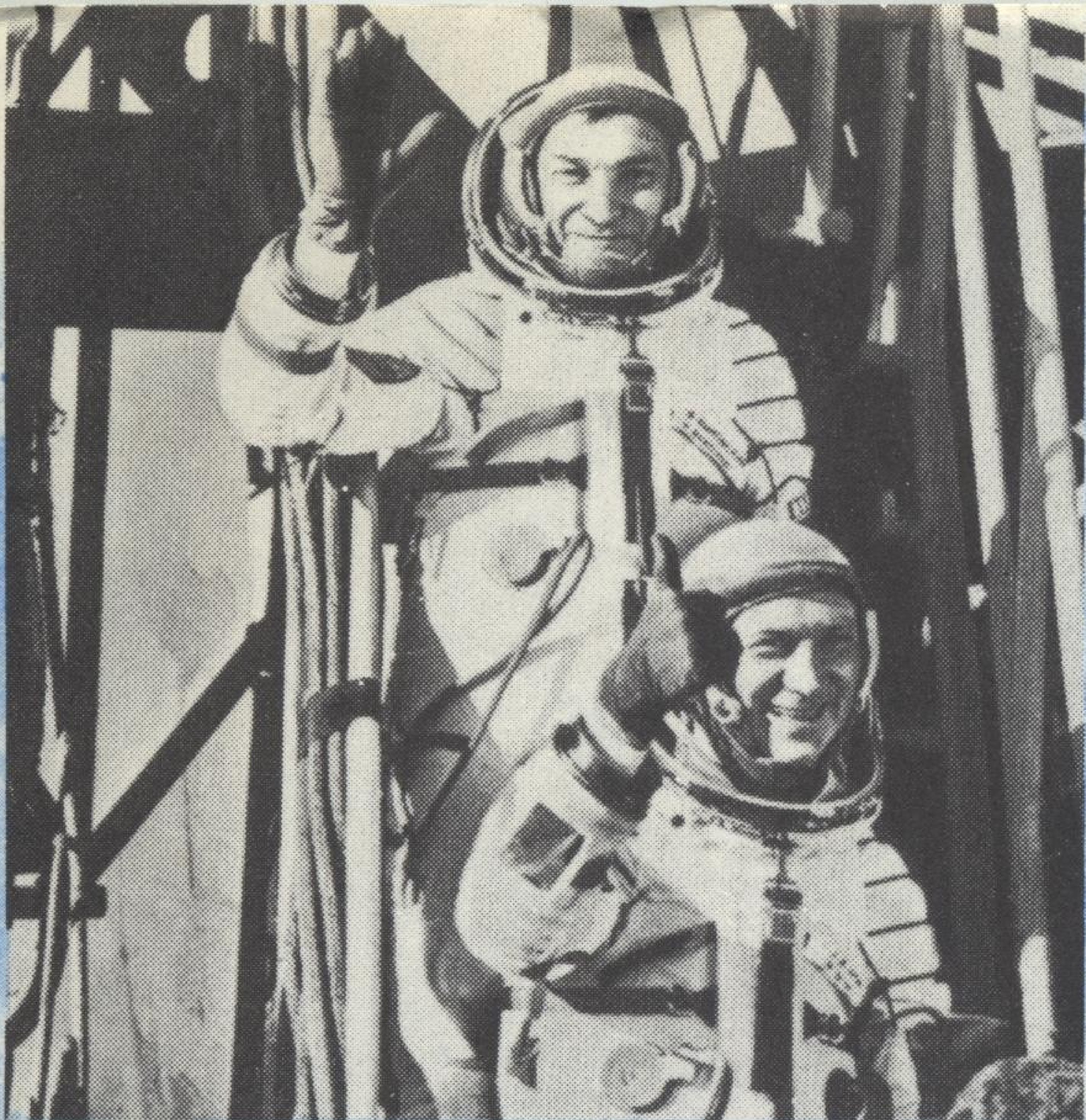
Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ДЕКАБРЬ 12

Москва 1978 г.

Издательство «Правда»

Космическую вахту в этом году впервые несли интернациональные экипажи. На снимке — экипаж космического корабля «Союз-31»: командир корабля Валерий Быковский и космонавт-исследователь Зигмунд Йен, гражданин ГДР.

му! Идет уверенно, под Красным знаменем Октября!

Красное знамя было, есть и остается символом борьбы за новый мир, за счастливое будущее народа. Оно гордо реяло на баррикадах Парижской коммуны. Под Красным знаменем собирались ивановские ткачи на свои рабочие маевки, с ним шли на первомайские демонстрации, не страшась ни пуль, ни нагаек. В дни Октябрьского вооруженного восстания его крепко держали в руках военные моряки и красногвардейцы. С ним они шли на штурм Зимнего, и свершили под руководством партии Ленина величайшую в истории Революцию.

Красное знамя всегда впереди — и в бою и в труде. Красными знаменами награждались славные революционные полки, которые громили белогвардейцев и интервентов. Красные знамена вручались ударным бригадам, которые проявляли чудеса мужества и стойкости на Днепрогэсе и Магнитке, на Турксибе и в Комсомольске-на-Амуре. С Красным знаменем наш народ шел на подвиг в годы Великой Отечественной и водрузил его над рейхстагом.

Наше Красное знамя — самое мирное знамя на земле, знамя дружбы народов Советской Отчизны, братства и солидарности. И это знамя мира наш народ несет высоко и уверенно.

В истории Ленинского комсомола произошло радостное и большое событие. Твой испытанный

В горячие дни уборки на помощь взрослым механизаторам приходили ваши сверстники. Рядом с отцами и старшими братьями они несли свою трудовую вахту.

вожатый в год 60-летия ВЛКСМ награжден памятным Красным знаменем Центрального Комитета нашей партии. Награжден за бессмертные подвиги и трудовые свершения во славу нашей Родины.

Ты и твой отряд тоже шагает под пионерским знаменем дружины, а вся наша организация под Знаменем Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. Это знамя венчают две орденские ленты. Два ордена Ленина на знамени твоей организации. Так наша партия и правительство отметили заслуги пионерской организации. И тебе, пионеру наших дней, продолжать замечательные традиции твоих друзей-сверстников.

Когда утром ты повязываешь галстук и идешь в школу, ты всегда помнишь, что твой галстук — частица Красного знамени. И увереннее твой шаг. И ты становишься более ответственным за каждый прожитый день, за каждый свой поступок. Красный галстук — символ революционного единения трех поколений — коммунистов, комсомольцев и юных ленинцев. Будь же всегда и во всем достоин гордо носить на груди красный галстук. И наш народ твердо верит в то, что настанет такой день и в честь твоих трудовых свершений будут подняты красные флаги, будут зажжены красные звезды.

Здесь будет одна из станций Байкало-Амурской магистрали — Нижнеангарск-2. Строительную площадку в тайге расчищает комсомольско-молодежная бригада лесорубов Станислава Климашевского из отряда имени XVIII съезда ВЛКСМ.

Фотографии ТАСС, И. ГАВРИЛОВА

ТАК РАБОТАЮТ НА АТОММАШЕ

В. БЛИЗНЕНКОВА

С Георгием Фоменко я познакомилась на XVIII съезде комсомола. Но и прежде я много слышала и читала о нем. Знала, что он бригадир строителей, сейчас работает на Атоммаше, а до этого строил КамАЗ, откуда его отпустили чуть не со слезами.

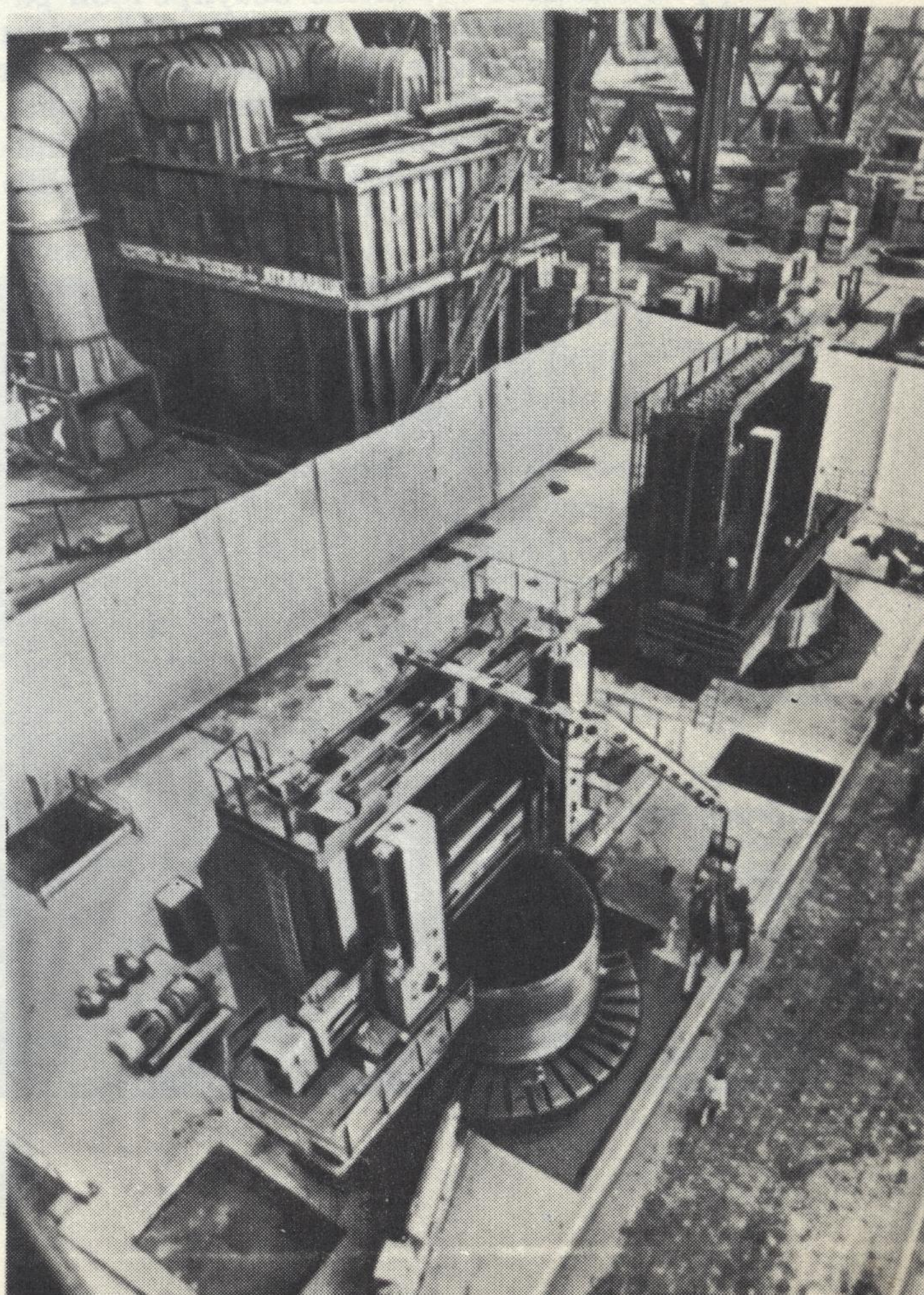
Но Фоменко не из тех, кто ходит во всеобщих любимчиках — это я поняла, поговорив с ним. Работать с ним, человеком очень организованным и требовательным, сразу видно, не просто. Даже интервью взять и то было нелегко — настолько занят он был и в праздничные дни съезда, настолько жестко был рассчитан по минутам каждый его день в Москве. И здесь он работал — уже как командир Всесоюзного ударного комсомольского отряда имени XVIII съезда ВЛКСМ. Он должен был привезти к себе на Атоммаш эшелон молодых ребят, будущих строителей.

Недолго продолжался наш разговор с Георгием тогда на съезде, но и за это время нельзя было не почувствовать его великой гордости за свой Атоммаш. Она была и в его манере держаться — спокойно и уверенно, и в том, что он знал цену своему времени, и в том, как говорил о стройке. Было ясно, что нет для него сейчас места на земле дороже и прекраснее, чем степь меж Волгой и Доном, где встают белые корпуса гигантского завода.

— Что мы здесь увидели три года назад? — энергично начал он свой рассказ.— Голую степь. Бродили овцы, стояли поля кукурузы. Нас было четыре тысячи тогда — первый десант строителей в Сальских степях. А сейчас, когда возведен красавец главный корпус, на стройке трудится 25 тысяч человек! И это не предел для Атоммаша — до конца года наш коллектив еще вырастет почти вдвое!

Приедут и бойцы Всесоюзного ударного отряда. Где они будут работать? Известно, на жилищном строительстве. Это наше твердое правило: приехал на стройку, поработай сначала в нашем Волгодонске, в его новых кварталах, обеспечь жильем себя и товарищей, а потом можешь переходить в заводские цехи. У нас с первых дней никто не жил в палатках и вагончиках — выручал старый город. А сейчас, когда на берегу Цимлянского моря вырос новый Волгодонск, город строителей Атоммаша, всех ждут многоэтажные дома, просторные квартиры, светлые школы, детские сады, библиотеки. Словом, делается все, чтобы молодые строители могли здесь создавать семью, растить детей и никуда не уезжать...

Один из цехов Атоммаша. Посмотри, какими крошечными кажутся люди рядом с мощными станками, которые будут обрабатывать детали атомного реактора.

Я тоже начинал с того, что строил жилые дома и только потом перешел на завод. Конечно, на заводе интереснее — ведь здесь все делается впервые.

Дело в том, что **Атоммаш — завод, равного которому нет еще нигде в мире. Название его полностью звучит так — Волгодонский завод тяжелого (атомного) машиностроения.** В стране сейчас быстро растет число атомных электростанций, и наш завод уже в конце десятой пятилетки начнет массовый выпуск атомных печей, реакторов.

А знаете, сколько весит каждый реактор? Тысячу тонн! Представляете, каким же гигантом должен быть наш завод! Значит, мы, строители, должны возвести такое здание и заложить такой фундамент, которые выдержат тысячетонное оборудование и тысячетонную продукцию.

Под главным корпусом, например, где как раз будет работать мостовой кран весом в 1200 тонн, мы сооружали свайный фундамент. Сваи собирали в «кусты» по 32 штуки и загоняли их в землю на глубину 24 метра. Каждая свая рассчитана на нагрузку в 200 тонн. Умножьте теперь 32 сваи на 200 тонн и узнаете, какую небывалую тяжесть может выдержать наш фундамент!

Но теперь эта работа уже позади, главный корпус давно готов, сейчас там стоят станки и вытачиваются детали будущих реакторов. А мы строим рентгеновскую камеру — тоже гигантское сооружение, где будут проверять готовые реакторы. Рентген покажет, как сварены швы, а это очень важно: каждому реактору завод дает гарантию безупречной работы. И под камерой мы тоже закладываем надежный фундамент, ведь рентген будет прощупывать те же тысячетонные махины. Кроме того, мы строим так, чтобы защитить от вредного излучения рентгеновского аппарата тех, кто будет там работать. Мы кладем стены шириной в три-четыре метра и высотой в 24 метра. А всего наша бригада сейчас выполняет невиданный объем бетонных работ — на миллион рублей!

...Я слушала Георгия и думала, что не случайно его бригаде поручают самые ответственные задания. Он прекрасно умеет организовать работу, увлечь работой каждого. А ведь у него в бригаде — тридцать шесть человек, тридцать шесть мастеров своего дела. Каждый владеет **тремя** строительными специальностями, а Фоменко в совершенстве знает все эти профессии и может научить или заменить любого. И главное — бригадир увлек своих товарищей четкостью, ловкостью — одним словом, красотой в работе.

— Стройка — это как фронт. А какая армия без дисциплины? Вот почему у нас сейчас состав постоянный, да и не всякого мы примем к себе, — продолжал рассказывать Фоменко. — У нас механизмы работают без простоев, стараемся вести счет на минуты. К примеру, после смены рабочий не бросает сварочный аппарат, а передает его из рук в руки сменщику. Казалось бы, что значат какие-то минуты? Но у нас их экономят, о них думает каждый из тридцати шести человек, а это совсем немало!

И бригада по-прежнему перекрывает сроки и нормы, по ней равняются на стройке. А у бригадира на груди — орден Трудового Красного Знамени...

Тридцать шесть ребят в бригаде Фоменко. Но есть и тридцать седьмой, зарплата которого идет каждый месяц в Фонд Мира. Это Юрий Гагарин. Право считать его почетным членом своей бригады ребята Георгия Фоменко завоевали своей работой на Атоммаше, Всесоюзной ударной комсомольской стройке.

В бескрайних Сальских степях встал белый красавец Волгодонск — город строителей Атоммаша.

Фотографии ТАСС, С. ПЕТРУХИНА

Юрий КАЧАЕВ

ГРОЗА НАД МАШУКОМ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ
О КОМСОМОЛЬСКО-ПИОНЕРСКОМ ПОДПОЛЬЕ В ПЯТИГОРСКЕ

Окончание. Начало в № 10.

Рисунки С. ТРОФИМОВА

Провал

Карпуня не помнил, как очутился на другом берегу Подкумка. Он бежал в сторону Горячеводска и вдруг на дороге увидел верхового в форме полицая. Не сознавая, что делает, Карпуня свернул с проселка и бросился наутек. Это его и погубило.

— Стой! — крикнул полицай.

Остановись тогда Карпуня и соври что-нибудь, все могло кончиться по-другому. Однако проклятые ноги сами несли его, и подозрение полицая переросло в уверенность: парень что-то натворил.

На открытом месте от конного далеко не уйти. Вскоре Карпуня услышал за спиной лошадиный храп и шею ему обожгла крапивная боль. Он оглянулся: сидевший на коне полицай — он казался огромным — снова поднял плеть для удара.

— Дяденька, не бейте! — прохрипел Карпуня, прикрывая руками голову.

— А зачем тикав, бисов сын? Давай топай, в полиции разберемся.

Карпуня помертвел, увидев перед зданием полиции знакомую машину с дубовым листом на борту. По пути он успел сочинить историю о хромовых ботинках, которые обновил только сегодня. «Скажу, что украл на базаре у какой-то бабы. Потому, дескать, и кинулся бежать от полицейского. Все просто и понятно. Ну, отлают за воровство, пусть даже надают подзатыльников, переживу».

Так думал Карпуня, постепенно приходя в себя от пережитого страха. И вот этот план рухнул в один миг. Что говорить теперь? Как оправдываться? Ведь он даже не знает, что пропало из этой чертовой машины. Что же делать?

Так ничего и не решив, Карпуня в сопровождении полицая вошел в какую-то комнату.

За столом сидел широкоплечий пучеглазый мужчина в русской гимнастерке без погон. Он мельком взглянул на полицая.

— Что у тебя, Гришан?

— Вот подывитесь, ваше благородие, на этого хлопца.

— А чего мне на него смотреть?

— Тикав вид мэнэ. Дивлюсь, бежит по шляху на Горячеводск, як скаженный...

— Ага. — Мужчина встал, подошел к Карпуне и взял его за подбородок. — Так это, значит, ты был на Провале, у Телечеевских ванн.

«Знает, все знает», — с тоской подумал Карпуня и непроизвольно кивнул.

— Оч-чень хорошо, — обрадовался пучеглазый и снял телефонную трубку. — Барышня, Колесников говорит. Попросите ко мне господина обер-лейтенанта... Да, с переводчицей.

Вскоре вошел офицер-летчик и с ним Вера Вайнштейн.

— Ты можешь идти, — сказал Колесников Гришану и обратился к девушке: — Скажите господину обер-лейтенанту, чтобы он внимательно присмотрелся к этому парню. Мы подозреваем его в ограблении вашей машины.

Вера заговорила по-немецки. Летчик оглядел Карпуню с головы до ног, покачал головой и что-то сердито ответил.

— Господин Зауэр говорит, что этого мальчика он не видел, — перевела Вера. — Там действовали двое других, поменьше ростом. Они были босые.

Карпуня тупо посмотрел на свои новые ботинки и вдруг понял, что совершил непоправимую ошибку. Никто из ребят не пойман, летчик видел только Шагораша и Бондаревского, Карпуня мог бы наврать пучеглазому с три короба, и никто бы не уличил его во лжи. Свидетелей-то нет! Ребята на свободе, а он, как последний дурак, сунул голову в петлю.

Пучеглазый что-то говорил немцу, кажется, извинялся. В речи летчика повторялись два слова: «ди Маппе» и «камера».

«Маппе» — это портфель, папка, — понял Карпуня, — из-за нее меня посадят в камеру».

Офицер с переводчицей ушли, и Карпуня остался один на один с Колесниковым.

— Садись, парень, — сказал тот и подмигнул выпуклым синим глазом. — Приступим сра-

зу к делу. Ответь на мои вопросы и пойдешь домой. Согласен?

Карпуня молчал.

— Итак, вопрос первый: кто из твоих дружков обчистил машину?

— Я не видел никакой машины.

— Но ты же был на Провале?

— Был.

— Так. И машина там была только одна. Получается нескладно. И зачем ты туда ходил?

Колесников говорил доброжелательно, и Карпуня немного успокоился, собираясь с мыслями.

— Так зачем?

— Туда часто приезжают немцы фотографироваться. Ну, и после них остается кое-что. Хлеб, мясо в банках... На донышке, конечно...

— Стало быть, подкармливаетесь? И заодно шарите по машинам?

— Я ни разу ничего не украл.

— Верю А твои приятели?

— За приятелей я не отвечаю.

— Правильно. Человек отвечает только сам за себя, за свою голову. А голова-то у тебя одна...

Карпуня молчал. Он был зол на себя: так глупо попался в ловушку. Теперь спасти его может только одно: надо говорить правду. Но если он расскажет про проколотые шины, листовки, которые они с Валей Котельниковым расклеивали, это пахнет расстрелом.

— Долго мы будем играть в молчанку? — спросил Колесников. — Что ж, не хочешь по-хорошему, дело твое. Придется познакомить тебя с гестапо. Там умеют развязывать языки. Поразмысли до завтра...

Гестапо... Тело Карпуни покрылось липкой испариной.

Палачи

Утро пятого сентября выдалось тихое. Просвеченный солнцем туман заполнял улицы, в нем темными тенями двигались сотни людей. Они брели к старым Кавалерийским казармам, толкая впереди себя ручные тележки и тачки с пожитками. Было много детей и стариков.

Юра Бондаревский, Витька Дурнев и Эдик Попов стояли на улице Анджиевского и вглядывались в лица проходивших мимо людей. Среди них были знакомые.

— Смотри, Женька! — Юра дернул Эдика за рукав.

Женя Каган учился с ними в одном классе. Он шел рядом с матерью, держа за ручку четырехлетнюю сестренку. Девочка хныкала. Он сердито совал ей в руки плюшевого одноухого зайца.

— Перестань канючить. Скоро придем, там и достанем твоего Мурзика. Он у мамы в котомке сидит. И помалкивает, не то что ты.

Юра подошел к Жене.

— Слушай, Жека, ты вот что: сворачивай в первый же двор. Мы тебя спрячем. Ведь скоро наши придут.

Женя глянул на мать. Он колебался.

Тогда Бондаревский сказал:

— Анна Осиповна, отпустите Женю с Людкой...

— Почему? — устало и безразлично спросила мать.

Юра мучительно подыскивал слова, чтобы убедить.

— Ты, Юра, дальше не ходи, — сказал вдруг Женя. — Там оцепление...

В конце улицы, по обеим сторонам, выстроились солдаты с автоматами наизготовку. Некоторые из них держали на поводках рослых, откормленных овчарок.

Юра повернулся и пошел назад, до хруста сцепив зубы.

У Кавалерийских казарм, напротив кладбища, стояли десятки грузовиков, крытых зеленым брезентом. Просторный плац, кишевший людьми, был оцеплен жандармами и полицаями.

Подъехала легковая машина. Из нее вышел штурмбанфюрер Пфайфер с мегафоном в руке.

— Приказываю все вещи оставить здесь. Багаж будет доставлен следом за вами. За его сохранность отвечает командование. При посадке на машины соблюдать очередность и порядок.

И посадка началась.

Набитые до отказа машины, одна за другой уходили с площади. К часу дня около трех тысяч человек были доставлены в Минеральные Воды.

Ни в чем не повинных людей убивали с часу дня до позднего вечера. Руководил расправой штурмбанфюрер Пфайфер[1]. Одним из самых ретивых его помощников был Колесников: он жаждал заслужить доверие оккупантов.

Падение

Когда Гришан привел в полицию перепуганного насмерть парнишку, Колесников даже не предполагал, что первый же его вопрос, заданный наобум, попадет в точку. Мальчишка не пытался отрицать, что был на Провале. Правда, потом он опомнился и отказался назвать своих дружков-приятелей. Но, судя по всему, орешек этот не из крепких, расколется. И тогда Винц заткнется со своими попреками. Ему самому пока хвалиться нечем, а «русское» гестапо уже ухватило ниточку и скоро размотает весь клубок. Не исключено, что и к листовкам этот парень имеет какое-то отношение.

После «акции» в Минводах Колесников сра-

[1] Поскольку на страницах повести этот выродок больше не появится, сообщаем читателю, что 25 апреля 1947 года Роберт Пфайфер, скрывавшийся под чужим именем, был арестован, и Военный трибунал провинции Саксония приговорил гестаповца к расстрелу. Приговор был заменен тюремным заключением на 25 лет. В 1954 году нацистский палач умер в тюрьме.— Примечание автора.

Нина Елистратовна сидела бледная, сложив на коленях руки.

зу же поехал в полицию и велел вызвать арестованного.

— Ну, ты не передумал? Зря... Ладно, пошли.

У подъезда стояла легковая машина марки BMW. Колесников посадил Карпуню на переднее сиденье, а сам сел на место шофера. На улице было совсем темно, и Колесников включил фары.

Ехали молча.

«А что если броситься на него? — лихорадочно соображал Карпуня. — Нет, ничего не выйдет. Мне с ним не справиться... А может, выпрыгнуть на повороте?»

Словно угадав его мысли, Колесников сказал:

— Не вздумай валять дурака, сразу станешь покойником.

Машина подъехала к гестапо. Колесников, взяв Карпуню за руку, повел его по лестнице куда-то вниз.

В подвале горели тусклые лампочки. Они освещали ряд железных дверей. Внезапно из-за одной двери раздался душераздирающий крик, от которого у Карпуни волосы встали дыбом.

Еле переставляя ноги, Карпуня вошел в соседнюю дверь, которую Колесников открыл своим ключом.

Камера была ярко освещена. Карпуня поднял глаза и увидел в углу камеры подвешенного за руки обнаженного мужчину. Лицо его было сплошным кровоподтеком, тело исполосовано багровыми полосами. В голове у Карпуни зазвенело, стены камеры качнулись, и он потерял сознание.

Очнулся он в какой-то комнате, на диване. За столом сидел Колесников и при свете лампы с зеленым абажуром что-то писал.

— Очухался? — спросил он. — Тогда садись к столу. Чаю хочешь?

— Хочу, — сказал Карпуня.

Чай был крепкий и сладкий. От него по телу разливалось тепло.

— Ну, а теперь к делу. С кем ты был на Провале?

И неожиданно для себя Карпуня назвал... Котельникова.

Почему именно эту фамилию, он и сам не знал. Ведь Вальки с ними не было. Были Бондаревский, Шагораш и Димка Корабельников.

— Так, Котельников Валентин, — записал Колесников. — Где живет?

— Улица Красная, пять.

— Вы были вдвоем?

— Да.

— Куда вы дели фотоаппарат?

— Бросили в кусты. И портфель бросили.

— А зачем вам понадобился портфель?

— Думали найти что-нибудь из еды.

— Шоколад, например?

Карпуня кивнул. Ему казалось, что все складывается удачно. Даже если Вальку арестуют, тот ничего не сможет сказать: ребят он не знает. И они останутся на свободе. Вальке, само собой, достанется на орехи, но не убьют же его полицаи. А фотоаппарат и портфель, конечно, не найдут — мало ли кто мог их подобрать.

Карпуня вздохнул свободнее: ловко сумел он провести врага. Но тут Колесников молча положил перед ним листок бумаги с отпечатанным на машинке текстом. В нем было оставлено несколько пропусков. Карпуня пробежал листок глазами:

«Заявление-обязательство
от 6 сентября 1942 года

Я. . . . ., проживающий . . . . ., даю добровольное обязательство активно помогать германским властям в деле установления нового порядка и сообщать им обо всех известных мне лицах, опасных для нового строя. Мне известно, что за разглашение данного обязательства я буду привлечен к строгой ответственности.

Подпись:
Присвоенный псевдоним»

Колесников с интересом наблюдал, как меняется у Карпуни выражение лица. Изумление сменилось ужасом, ужас — растерянностью.

— Ну, давай, парень, — спокойно сказал Колесников, подавая Карпуне автоматическую ручку. — И не волнуйся: красные не вернутся.

Карпуня заплакал. Глотая слезы, он заполнил пропуски. «Все равно я никого предавать не буду, — твердил он про себя. — Как только выпустят, убегу куда глаза глядят».

Колесников взял листок и вслух прочел:

— «Я, Карпов Юрий Семенович, проживающий по улице Верхняя, 38, даю добровольное обязательство...» Присвоенный псевдоним...

Колесников задумался и написал: «Глаз». Потом он снял телефонную трубку.

— Господин капитан, с парнем все в порядке. Да, назвал фамилию и адрес.

На воле и в гестапо

Передавая матери портфель с документами, Юра рассказал все без утайки.

— Как ты думаешь, ма, это была ловушка или просто случайность?

Нина Елистратовна сидела бледная, сложив на коленях руки. Ей было не по себе. Сердце сжимало какое-то предчувствие.

— Случайность? — переспросила она. — Это можно проверить: немедленно отнести портфель Никитиной, и пускай Федор разберется, насколько важны тут документы. А вам затаиться, ничего не предпринимать. Кстати, как ребята?

— Как и приказано. Отсиживаются по домам.

— А этот ваш новенький... Карпов, кажется?

— Он молодцом. Сердится на нас, что не поручаем ему ничего серьезного. Вроде не доверяем.

— Не спешите. Вы все знаете друг друга с детства, а он человек почти незнакомый.

— Но проверить его можно только в деле! — горячо возразил Юра и умолк: в дверь постучали.

Вошел Витька Дурнев и, не здороваясь, спросил:

— Долго мы еще будем бездельничать? Забились по своим норам, как кроты. Сидим, штаны просиживаем...

— Кроты, между прочим, штанов не носят, — попробовал отшутиться Юра, но Шагораш уже закусил удила:

— Тебе все хаханьки. А нас Карпуня трусами обозвал. Это как?

— Он что, был у тебя? — насторожилась Нина Елистратовна.

— Был недавно. Звал на «охоту».

— А приказ?

— Приказ, приказ... — проворчал Витька, но тон заметно сбавил. — Обидно же сидеть сложа руки. А Карпуня обещал принести мину, у него есть.

— Откуда?

— А откуда они у нас взялись, когда мы душегубки взорвали? Ясное дело, у немцев спер.

— Что-то раньше он про мину не говорил, — недоверчиво заметил Юра.

— Не было мины, и не говорил, а теперь есть.

Нина Елистратовна решила прекратить бесполезный спор.

— Вот что, ребята, я еще раз повторяю, никакой отсебятины. А если ваш Карпуня будет разводить самодеятельность, то организации он больше не нужен. Так ему и передайте. Без дисциплины мы провалимся с треском. Я сейчас ухожу. До моего возвращения ни шагу из дома.

Нина Елистратовна вынула из портфеля бумаги, сунула их в хозяйственную сумку и ушла.

Юра и Шагораш, чтобы убить время, сели играть в шашки.

— Когда же наши-то вернутся? — заговорил Витька. — Терпение лопается. Веришь, каждую ночь снится, будто выхожу на улицу, а там ни одного фашиста. И все по-старому. Дураки мы были, ох и дураки...

— Ты о чем?

— Да хотя бы о себе. Это надо же, на уроки из-под палки ходил... Ну теперь дудки. Землю носом рыть буду, а выучусь. И в Одессу, в мореходку, махну.

Юра хмыкнул:

— Раньше ты вроде в киномеханики собирался.

— Киномехаником — тоже лафа. Только чтоб на передвижке работать. Ну, какой, скажи, интерес торчать на одном месте? Жизнь пройдет, и ничего не увидишь. А я дальше Пятигорска нигде еще и не был.

— А я бы учителем стал. Как мама...

ИЗ БЕСЕДЫ С СЕСТРОЙ ВАЛЕНТИНА КОТЕЛЬНИКОВА ВЕРОЙ ФИЛИППОВНОЙ ПОНОМАРЕВОЙ

«...7 сентября 1942 года меня, маму мою Феодосию Федоровну и бабушку — ей было 75 лет — арестовали.

На рассвете во двор нашего дома пришел немец в военной форме, с ним два полицая и парень по имени Юрий Карпов, друг моего брата Валентина. Спросив, где Валентин, и получив ответ, что он дома не ночевал, они арестовали нас и отвезли в подвал под армянской церковью.

Где был в эту ночь Валентин, я не знаю, но на следующий день его бросили в подвал, избитого, окровавленного. Он рассказал, что его взяли на улице, возили домой, делали обыск, искали оружие...

Как только привели Валентина, меня, маму и бабушку вызвали наверх и отправили в комендатуру. Поместили в одну из комнат, где уже находилась мать Карпова. Она заявила, что долго ее держать не будут.

Мою маму вызывали на допрос и истязали. Требовали сказать, с кем из подпольщиков связан Валентин. Говорили, что у нас нашли оружие. Мама отвечала: «Не может быть». Два дня спустя нам отдали ключи и под конвоем полицая отвели домой.

Мама носила Валентину передачу до 14 сентября, а потом его не стало, и по сей день о его судьбе ничего не известно... Когда мы сидели в подвале, Карпова Юрия там не было».

Его действительно там не было. Потому что он все еще находился в гестапо. Очную ставку его с Валентином проводил Колесников.

Когда Вальку ввели в камеру, Карпуня его не узнал. Изуродованное, отекшее от побоев лицо казалось маской, одна рука висела, как плеть.

— Твой товарищ все нам рассказал! — сказал Колесников. — Может, и ты теперь соизволишь открыть рот?

Валька заплывшими глазами посмотрел на Карпуню и помотал головой. Он не верил, что его предали.

— Оставьте нас одних, — отводя взгляд в сторону, попросил Карпуня.

— Будь по-твоему. — Колесников вышел и звякнул засовом. Валентин сел на пол, прислонившись спиной к стене.

— Про какой фотоаппарат допытываются? — тихо спросил Валентин. — Ведь ты его взял?

— Нет. — Карпуня оглянулся на дверь и быстро зашептал: — Взяли Бондаревский и Дурнев. А я сказал, что ты.

— Зачем?

— Понимаешь, они грозились меня расстрелять, если не скажу, с кем был у машины. И я назвал тебя. Ты маленький, поплачь хорошенько — и сойдет. Ну, чего ты молчишь?

Карпуня подошел к Валентину и сел перед ним на корточки.

— Скажи им, что мы оставили «лейку» и портфель с бумагами в кустах. Мы должны спасти ребят. Слышишь?

— Слышу... Жалко... — чуть внятно отозвался Валя.

— Что жалко?

— Жалко, что не могу дать тебе по морде: рука сломана. Ты сволочь. И ребят ты уже продал. Или еще не успел? — Опершись на здоровую руку, Валя подался вперед и плюнул Карпуне в лицо. — Отойди от меня, шкура продажная, и успокойся: я все приму на себя... А ты поживи... До прихода наших...

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

«В течение ночи 6 сентября наши войска вели бои с противником северо-западнее и юго-западнее Сталинграда, северо-западнее Новороссийска и в районе Мозерка.

На Западном фронте наши войска вели наступательные бои и заняли несколько населенных пунктов. Уничтожено до 400 солдат и офицеров противника.

Наши летчики совершили успешные налеты на вражеские аэродромы. На одном аэродроме уничтожено и повреждено 30 немецких самолетов. Кроме того, советскими истребителями сбито 4 самолета противника. На другом аэродроме советские летчики уничтожили 20 немецких самолетов».

Ребята, не дыша, следили за самолетом.

ИЗ СООБЩЕНИЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ О ЗЛОДЕЯНИЯХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

«Особенно нужно остерегаться повсюду снующих мальчишек советской организации — пионеров».

Из приказа генерала фон Клюге.

Подготовка к новой операции

Целых четыре часа просидела Нина Елистратовна у Никитиной в томительном ожидании, да так и не дождалась ее. В голову лезли мысли одна страшнее другой: вдруг Екатерина Александровна угодила в облаву и портфель с документами попал в руки врагов. А может, Федора и Анатолия арестовали?

Однако все страхи оказались напрасными. Ничего плохого не случилось. Скорее наоборот. Партизанская разведка готовилась нанести оккупантам чувствительный удар. Все говорило о том, что сведения Федора верны.

Возвращаясь в смятении домой, Нина Елистратовна увидела у входа в гостиницу «Бристоль» [1] группу немецких офицеров. К гостинице то и дело подъезжали легковые машины, из них выходили все новые и новые чины, среди них были даже генералы.

У своего дома Нина Елистратовна ощутила смутное беспокойство. Она оглянулась исподтишка: неподалеку, у перекрестка, стоял невзрачный человек и читал наклеенную на заборе афишу. В ее сторону он не глядел, но Нина Елистратовна почувствовала неладное. Неужели за нею установлена слежка? Чепуха! Просто сдают нервы. Однако не мешает проверить...

У Бондаревских сидели Дурнев и Лева Акимов.

— Здравствуй, сосед, — сказала ему Нина Елистратовна. — Ты чего такой невеселый?

— Да мать шумит, — нехотя отозвался Лева. — Даже к вам насилу пустила. Грозится на ключ запирать.

— Тебя запри, так ты дверь на себе унесешь, — заметил Юра и повернулся к матери: — Ну что?

Она присела к столу.

— Начну по порядку. Документы, которые вы добыли, исключительно ценные. В них есть сведения о вражеских аэродромах. Они сразу же уйдут по назначению. И еще всем вам большущий привет, угадайте, от кого... От лейтенанта Маркова.

— Так, значит, он партизанит?

— Где вы его видели? В городе?

Нина Елистратовна улыбнулась и тут же построжала:

— Отставить! Вы громче кричать не можете?

[1] Ныне гостиница «Мацук».

— Я бы даже сплясал, — вставил Витька.

— Спляшешь при встрече. А сейчас я вам дам задание.

Ребята сразу притихли.

— Завтра в двенадцать начнется совещание немецкого командования. В театре. Большая земля об этом знает и пришлет авиацию. Наше дело — помочь летчикам, навести их на цель. — Нина Елистратовна вынула из сумки и положила на стол пистолет-ракетницу. — Вот ваше оружие. Вы подниметесь на Машук и, как только появятся наши самолеты, пустите три ракеты в сторону театра. Просигналите и немедленно скроетесь. Приказ ясен?

— Ясен, — за всех ответил Лева Акимов.

— Ты, самый старший, назначаешься командиром. Всего предвидеть нельзя, поэтому поступай по обстоятельствам.

Лева слегка побледнел, отчего на лице у него еще отчетливее проступила россыпь веснушек.

— На Горячей горе, — продолжала Нина Елистратовна, — будет другая наша группа. Это на тот случай, если с вами произойдет что-нибудь непредвиденное.

— Хорошо бы заминировать театр, — сказал Юра.

— Идея хорошая, но, увы, невыполнимая. Гитлеровцы — пуганые вороны. Обшарили в театре каждую щелочку и при входе всех обыскивают. И артистов и служащих.

— А что в городе? — спросил Витька.

— Очень много приезжих офицеров. Тем не менее очередную сводку Информбюро наши вывесили.

Когда Витя и Лева ушли, Нина Елистратовна сказала сыну:

— Пойди прогуляйся с Игорьком. Посмотри, нет ли там поблизости человека в клетчатом пиджаке. Кажется, он за мной следит.

Юра и Игорь вернулись через полчаса.

Мать вопросительно посмотрела на старшего. Он отрицательно покачал головой.

«Выходит, померещилось», — подумала Нина Елистратовна и пошла на кухню делать «затируху» — кипяток, заправленный кукурузной мукой. Восемь стаканов этой муки она выменяла вчера на свое праздничное шерстяное платье.

Генерал-полковник фон Клейст принял Винца неласково. Он даже не предложил ему сесть.

— Это безобразие, капитан, — разразился он гневной тирадой, — вы работаете спустя рукава. Не можете обеспечить элементарного порядка во вверенном вам районе. По дороге сюда меня дважды обстреляли партизаны, и если бы не бронетранспортеры... — Генерал досадливо махнул рукой и прервал самого себя: — Ладно, речь сейчас не о моей персоне. Меня просто изумляет, что творится повсюду у нас в тылу.

Генерал расхаживал по комнате, и Винцу все время приходилось вертеть головой.

— Да, изумляет и возмущает, — продолжал Клейст. — Армейской разведкой установлено: происходит постоянная утечка информации. Русским становятся известны планы самых секретных операций, и операции эти проваливаются. У вас под носом работают радиостанции красных, а вы и ваши молодчики заботитесь только о том, как бы отправить в Германию побольше посылок.

Генерал опустился в кресло и разрешил сесть Винцу.

— Вы понимаете, капитан, какое сейчас время? Соотношение сил на нашем участке фронта постепенно складывается в пользу противника. Это именно так, и не делайте, пожалуйста, большие глаза. Все наши попытки прорваться к Грозному, к нефти, ни к чему не привели. Наш бронированный кулак, занесенный над Кавказом, остановлен. Русские перемалывают нашу армию, ведут пока оборонительные бои, но готовятся к контрнаступлению. Не сумев проникнуть в Алханчуртскую долину, мы предприняли обходной маневр — двинули танковые соединения в долину Сунжи, чтобы ворваться в Грозный. Но и это не удалось. Мы несем огромные потери и скоро будем вынуждены перейти к обороне. Да-да, к обороне. — Фон Клейст понизил голос: — На совещании об этом не будет сказано ни слова, но служба безопасности обязана знать все. Я прямо вам говорю: если нам не удастся удержать Кавказ, надо успеть выкачать

из этого края как можно больше материальных и людских ресурсов. А вы, насколько мне известно, до сих пор не вывезли в Германию ни одного десятка молодых рабочих. Я вами недоволен, капитан. Говорят, у вас в городе все заборы обклеены большевистскими листовками, а на улицах подрываются наши машины!

Винц похолодел. Кто успел настрочить на него донос — Бибуш, Фишер или Пфайфер?

От дальнейшего разноса Винца спас адъютант фон Клейста.

— Ваше превосходительство, осмелюсь напомнить, через полчаса начало спектакля. Публика уже собралась, — сказал он, войдя в номер.

— Да-да, я помню. Приготовьте мне парадный мундир. Надеюсь, вы проводите меня, капитан? — обратился генерал к Винцу.

— Сочту за честь, генерал. — Винц щелкнул каблуками.

ИЗ АКТА КОМИССИИ
ПЯТИГОРСКОГО ГОРСОВЕТА

14 января 1943 года

«За время пребывания немецко-фашистских войск в Пятигорске с 9 августа 1942 года по 11 января 1943 года были уничтожены все культурные учреждения...

...Захватив город, фашисты надругались над памятью великого русского поэта М. Ю. Лермонтова. В первые же дни в доме-музее были размещены солдаты, а имущество и документы музея штаб Розенберга реквизировал для отправки в Германию. Здесь же, в Лермонтовском домике, хранились экспонаты Ростовского музея изобразительных искусств. Среди вывезенных немцами экспонатов находились произведения лучших русских и иностранных художников».

Ракеты над городом

Ранним утром ребята кружными путями пробрались на Машук. Это отняло много времени, зато им не встретился ни один патруль. Для сигнального поста они облюбовали пулеметное гнездо, откуда месяц назад наши десантники вели огонь по наступавшему противнику.

Весь город отсюда был виден как на ладони. Цветник, Дом пионеров, а вон серовато-розовое здание городского театра.

Сентябрьское солнце пригревало совсем по-летнему, и с окрестных полян поднимался светло-сиреневый парок, рядом в кустах прочищала горло зарянка. Кругом было так мирно и спокойно, будто война давно кончилась и на этой ласковой осенней земле нет больше ни страданий, ни слез, ни смерти...

...Самолет появился не с востока, откуда его ждали ребята, а с юга, из-за гор. Облитый солнечным светом, он медленно и беззвучно, словно бумажный голубь, плыл к городу.

— Наш? — спросил Юра. — А почему один?

— Одному легче прорваться через линию фронта, — спокойно пояснил Лева Акимов и до боли в пальцах сжал в руках ракетницу.

Самолет пошел на снижение. В городе взахлеб затявкали зенитки. Вокруг самолета стали распускаться белые тугие клубки — словно лопались какие-то круглые шары, набитые пухом или ватой.

Ребята, не дыша, следили за самолетом.

Лева Акимов взглянул на часы, которые ему дала Нина Елистратовна: они показывали ровно половину двенадцатого.

Самолет, увертываясь от разрывов, упрямо шел к центру города.

— Даю сигнал, — сказал Лева и поднял пистолет.

Три красных ракеты, одна за другой, взмыли над Машуком и по широкой дуге ушли в сторону театра. Почти одновременно из-за горы Горячей прочертили небо шнуры зеленого цвета. Зависнув над крышей театра, ракеты рассыпались колючими звездами, бледными при свете солнца.

Вслед за этим над Цветником выросли исполинские оранжево-черные кусты и до слуха ребят донесся грохот фугасок.

— Уходим, — приказал Лева.

И мальчишки, используя ходы сообщения, которыми был изрыт Машук, побежали вниз.

В тот же день они попытались проникнуть в центр города, посмотреть, куда упали бомбы. Но ничего не вышло: все прилегающие к театру улицы оцепила фельджандармерия.

В очередях и на базаре народ только и говорил, что о налете.

— Это ж надо — прямо в «Бристоль» бомбато ахнула.

— И театр зацепило...

— Дождались и мы праздничка, слава те господи...

Слухи ходили самые разноречивые. И только через несколько дней ребятам удалось узнать все точнее: одна из бомб угодила в офицерский санаторий рядом с театром, куда со всех фронтов приезжали отпускники. Убитых и раненых гитлеровцев было около сотни.

Совещание в театре так и не состоялось: фон Клейст не решился еще раз подвергать опасности жизнь своих командиров и штабистов. Он уехал разгневанный, и Винц понял, что на карту поставлена не только его, Винца, карьера, но и голова. Слова, сказанные генералом на прощание, не оставляли в том ни малейшего сомнения:

— Если в ближайшее время вы не поймаете ракетчиков и всю подпольную агентуру, пеняйте на себя, капитан.

И по городу снова покатилась зловещая волна арестов и обысков.

«Вот беда так беда»

Несчастье свалилось как снег на голову. После обеда к Бондаревским, у которых сидела Шура Павленко, прибежал Дима Корабельников и, заикаясь, сказал:

— Федор и Анатолий... с-схвачены.

— Сядь.— Нина Елистратовна принесла стакан воды.— На, выпей и приди в себя.

Сделав несколько глотков, Дима достал из кармана смятый клочок бумаги.

— Это от них. Принес какой-то пацан, я его не знаю.

В записке говорилось:

«Мы с Ф. арестованы. Немедленно уходи из города — нас могли видеть вместе. Передай сестре: нас выследил Волобуев. Прощай. А.».

— Где этот мальчик? — спросила Нина Елистратовна.

— Ждет во дворе.

— Позови.

Дима вернулся с мальчиком лет десяти, в большой шапке и рваных тапочках. Нина Елистратовна за руку подвела его к столу, поближе к свету.

— Кто тебе передал записку?

— Дяденька. Он в подвале сидит, в полиции.

— На Университетской?

— Ага. Там решетки на окнах, а стекла выбиты. Он меня подозвал и говорит: «Отнеси». И адрес сказал. Я сразу и понес.

— Что же там охраны нет?

— Почему нет? Полицай стоит. Но которые не боятся, подходят. Еду передают. Там, в подвалах, людей много, а полицаи их вовсе не кормят, только воду дают. Вот народ и приносит.

Мальчик говорил неторопливо и рассудительно, как маленький старичок. И личико у него было старенькое, наверное, от голода. Нина Елистратовна дала ему ломоть хлеба.

— О записке никому ни слова. Понял?

— Что ли я похож на дурака, — буркнул он и ушел.

— Дима, тебе в самом деле надо уехать к сестре, — сказала Нина Елистратовна. — Вот беда так беда. Не чаяли, не гадали...

— Как этого подлеца только земля носит, — вмешалась в разговор Шура. Она закурила и посмотрела на Нину Елистратовну. Глаза у нее блестели сухо и холодно. — Только и слышу: Волобуев расстрелял, Волобуев арестовал, Волобуев избил. Весь город боится его, как чумы... Кстати, кто был связан с Федором и Анатолием?

— Никитина. Я сейчас же бегу к ней. — Нина Елистратовна стала одеваться.

— Постой, — сказала Шура. — А если она уже арестована и в квартире засада?

— Что ты предлагаешь?

— Пойду я. Без тебя ребята наделают глупостей и пропадут. Не бойся, я буду осторожна. Для начала порасспрошу соседей.

Шура ушла вместе с Димой.

Вернулась она к вечеру. Усталым движением сняла с головы платок, потом порылась в своей сумочке и положила на стол револьвер.

— У Никитиных никого нет, — сказала она и глухим голосом добавила: — Нина, из этой штуки я застрелила Волобуева...

Нина Елистратовна слабо охнула и опустилась на стул.

ИЗ АКТА КОМИССИИ
ОТ 25 ИЮНЯ 1943 ГОДА

«За время пребывания немцев в городе они насильно отправили в Германию тысячи жителей города Пятигорска (так 2, 4 и 7 декабря были отправлены несколько эшелонов советских граждан, среди которых было 800 человек молодых людей и девушек).

На протяжении всех пяти месяцев оккупации немцы вывозили все пищевые продукты из Пятигорска и его окрестностей, обрекая жителей города на голод».

«Пора захлопнуть западню»

Винц подошел к окну и раздвинул шторы. Было уже за полночь. Над городом висел двурогий чеканный месяц. В его неживом свете деревья на улице казались угольно-черными.

В дверь осторожно постучали.

— Да. — Винц быстро обернулся: видно, кого-то ждал.

Вошел Колесников.

— Вы хоть привели бы себя в порядок, — брезгливо сказал Винц, глядя на забрызганную кровью гимнастерку Колесникова.

Тот равнодушно махнул рукой.

— Вам хорошо говорить...

— Ну, что эти двое?

— Молчат. Прошли через все, а толку никакого... Дайте сигарету, у меня кончились... — Колесников закурил, руки у него дрожали. — Знаете, господин гауптштурмфюрер, я временами начинаю сомневаться в их виновности.

— А докладные покойного Волобуева? — возразил Винц и, порывшись в бумагах, достал несколько листков. — Вот написано черным по белому: 18 августа Федор уходил за город в сторону Юцы. Вернулся поздно. 25 августа часа на четыре отлучился из общежития Анатолий. А вот встречи Федора с Никитиной: 17 августа на базаре и 25-го в театре. Сопоставьте эти свидания и исчезновения ваших полицейских.

— Да, свидания. — Колесников вздохнул. — Бердюков утверждает, что просто пытался ухаживать за ней. Никитина и в самом деле красивая женщина...

— И жена крупного партийного работника...

— Бывшая, — поправил Колесников. — Бывшая жена. Они развелись четыре года назад, и Никитин переехал в Ставрополь к другой семье.

— И после развода они не встречались?

— Почему же... Никитин довольно часто приезжал повидать сына.

— Вот видите. Между ними могли сохраниться чисто деловые отношения.

Колесников криво усмехнулся:

— Что вы, ей-богу, выдумываете. Какая женщина станет хоть в чем-то помогать человеку, покинувшему ее? Это противоестественно.

— Не думаю. У таких людей духовные связи бывают очень прочными. Я знаю это по личным наблюдениям. И еще одна неувязоч-

ка. Зачем Никитина осталась в городе? Почему она не эвакуировалась? Супруг мог ей в этом помочь хоть ради сына?

Колесников молчал.

— Ну, хорошо, — сказал Винц. — Когда вы думаете брать Никитину?

— Когда прикажете. Я выполнял ваш приказ — не трогать ее до выяснения связей. А что выяснили? Что к Никитиной в ее отсутствие приходила какая-то женщина. Волобуев пошел за ней и в самом людном месте, на базаре, получил три пули в живот.

— Это ваша ошибка. Нужно было послать не одного Волобуева.

— А где я возьму людей? — огрызнулся Колесников. — Вы всех забрали на облавы и обыски.

— Надо расширять контингент. В средствах мы вас не ограничиваем.

— Расширять! Можно подумать, что от желающих поступить в полицию отбою нет. Вы не хуже меня знаете, какого сорта люди приходят к нам — только те, которые не ждут от Советов ничего, кроме виселицы. А после убийства Волобуева, боюсь, и они начнут разбегаться. Весь город считает, что это акт возмездия, публичная казнь, если хотите. Схваченные свидетели, когда их спрашивали, как выглядела убийца, лгали с явным удовольствием: то это была брюнетка в шляпке, то блондинка в голубом платке, то старуха в черной фуфайке...

— Собственно, на что вы жалуетесь? — перебил Колесникова Винц. — Работать тяжело? Население относится враждебно? Это мне известно и без вас, не на облаке живу. И вообще хватит паниковать, Александр Акимович. Надо работать. Сегодня же арестуйте Никитину. Я убежден, что она через этого Федора связана с партизанами. Это — первое. И второе: детской бандитской организацией руководит кто-то из взрослых, и похищение документов, и перерезанный кабель, и сигналы при налете большевистской авиации, и радиосводки — все это дело малолетних преступников. Подобные организации существуют почти в каждом русском городе, занятом нашими войсками... Кстати, советские сводки, развешенные по городу, подлинные. Значит, их принимают по радио. А что с этими мальчишками, которых назвал Карпов?

— Они ему не доверяют.

— Из чего это следует?

— Если ваше предположение, что сигналы самолету подавали они и их товарищи, правильно, то Карпов не мог не знать об этом. Выходит, он вышел из доверия.

— Ну что ж, тогда арестуйте и их родителей. Пора захлопнуть западню. Те, кто останется на свободе, будут нервничать и наверняка наделают ошибок. Как только Никитина и Бондаревская будут у нас, устройте им очную ставку. И с Федором тоже. У Никитиной любой ценой узнайте фамилию женщины, которая убила Волобуева. Любой ценой! Вы мне сегодня не нравитесь. Ступайте отдохните и подключите к работе Фишера и Рахима. Заключенные их очень «хвалят».

— Слушаюсь.

Колесников вышел.

Аресты

Вечером в доме номер 5 на улице Сакко и Ванцетти захлопали двери, заскрипели половицы, забухали тяжелые кованые сапоги.

В квартиру Бондаревской ввалились обер-ефрейтор, небольшого роста, рыжий и кривоногий, и трое полицаев. Одного из них знал весь Пятигорск: это был Рахим.

— Ни с места, — предупредил обер-ефрейтор, и Рахим перевел: — Это ваши сыновья?

Нина Елистратовна посмотрела на Юрия и сказала:

— Да, это мой сын.

— А этот? — Рахим кивнул на Витю Дурнева.

— Сосед. Он в пятнадцатой квартире живет.

— Станьте все лицом к стене и поднимите руки. Быстро! Где у вас спрятано оружие и фотоаппарат?

— Я не знаю, о чем вы говорите, — не поворачивая головы, ответила Бондаревская.

— А если мы найдем?

— Ищите...

В это время раздался стук в дверь, и вошла Дурнева. Увидев немца и полицаев, она словно окаменела...

ИЗ БЕСЕДЫ С ДУРНЕВОЙ ЕВДОКИЕЙ СЕМЕНОВНОЙ

«Я жила в то время с двумя детьми: дочерью Валей и сыном Виктором. Старший сын Петр был на фронте. Младший, Виктор, до войны учился в школе. Он был высокий, русый, глаза карие, на щеке — шрам. Ребята Витю любили, друзей у него в городе было много. Чаще всего они собирались на чердаке нашего дома. Ход на чердак через крышу, прямо с горы Горячей.

Близкими товарищами Виктора были Бондаревский Юра — худощавый, низкорослый, нос вздернут, лицо чистое, светловолосый, и Лева Акимов — рослый, конопатый, молчаливый.

Еще сын дружил с Лисичкиным, Колотилиным, Темирбековым с улицы Теплосерной, с Котельниковым и Митей Корабельниковым.

В начале сентября Виктор, Юра, Корабельников и Карпов забрались в немецкую легковую машину. Откуда-то вынырнул офицер и стал стрелять. Ребята убежали. А через несколько дней к нам в дом нагрянули полицаи. Их привел Карпуня. Так ребята называли Карпова. Я в это время была в городе. Пришла домой и заглянула к Нине Елистратовне. Когда я приоткрыла дверь, на меня заорали: «Куда лезешь?» Потом один из полицаев крикнул: «Стой, как твоя фамилия?» Я ответила, и он сказал: «Заходи».

Я зашла, и мне приказали повернуться к стене лицом. При обыске все перерыли. Под кроватью обнаружили новые сапоги. Немец выхватил их из рук полицая и стал бить Нину Елистратовну по голове. Юрий не выдержал и кинулся на ефрейтора с криком: «Не смей, фашистская морда!» Тот схватил его и ударил кулаком. Полицаи сложили в ме-

В квартиру Бондаревской ввалились обер-ефрейтор и трое полицаев.

шок мыло, свечи, сапоги, платья Нины и другие вещи и вынесли из комнаты.

Потом меня, Бондаревскую и наших мальчиков отконвоировали в Дом туриста. Мы с Ниной остались, а Витю и Юру куда-то увели.

В подвале, сыром и темном, с каменным полом, сидело много людей: дети и женщины. Детей сильно избивали на допросах и все допытывались о связях с партизанами. Карпуня, видимо, рассказал и о других ребятах, так как их постепенно, одного за другим, арестовывали и свозили в подвал: Акимова, Темирбекова, Лисичкина и других. У Левы Акимова при обыске был найден пистолет. Потом фашисты пригнали во двор Витю, Юрия и Леву и заставили пой-

ти на чердак. Там были обнаружены еще три пистолета. Дети были ужасно избиты. Сын мне сказал: «Чем терпеть все время такую боль, лучше бы сразу расстреляли. Ну, ничего, придут наши — они за нас рассчитаются».

На допросах от меня требовали: «Говори, для кого ваши дети похищали оружие и документы? Нам об этом рассказал один из арестованных».

«Вот у него и спросите. А я ничего не знаю. И зря вы мучаете детей. Оружие они, наверное, брали для игры».

Кривоногий немец и один русский полицай начали меня избивать палками, приговаривая: «Скажи, что это за организация. Где она? Кто руководитель?» И так каждый день.

Выпустили меня 10 октября.

Через неделю был арестован Колотилин и еще один парень, ребята звали его Артистом, фамилии не знаю. Их схватили, когда они расклеивали листовки».

ИЗ БЕСЕДЫ С ВИКТОРОМ ФОМИЧОМ ГРОМЫКО, СТАРШИМ МАСТЕРОМ ОБУВНОЙ ФАБРИКИ, ЧЛЕНОМ КПСС

«...Провал пришел неожиданно. В первых числах сентября в городе начались повальные аресты подростков. Были схвачены и мои товарищи. Одни раньше, другие позже. Первыми были арестованы Бондаревский, Дурнев, Карпов и Котельников. Затем Лисичкин, Колотилин, Попов, Качерьянц и Рыжков. Тогда же прошел слух, что их выдал Карпов. Я вначале этому не верил. Но при отступлении гитлеровцев из города видел своими глазами, как Карпов ехал ездовым на пароконной бричке, запряженной гнедыми конями. Бричка была завалена чемоданами и узлами со всяким барахлом. Когда Карпуня увидел меня, отвернулся. Я ему крикнул: «Что же ты, гад такой, советский человек, а убегаешь с немцами?»

Он стегнул коней и даже не оглянулся. Где он теперь, я не знаю [1].

Какова судьба моих товарищей? Их всех фашисты расстреляли. Были казнены тысячи людей. Тысячи...»

ИЗ БЕСЕДЫ С РЫЖКОВОЙ МАРИЕЙ АЛЕКСАНДРОВНОЙ

«Знала ли я Никитину Екатерину? Да, и очень хорошо. Это была моя соседка и подруга.

Что мне известно о ее связях с подпольем? Честно говоря, почти ничего. Помню, как только пришли немцы, Екатерина сказала: «Ну, ждать теперь хорошего не приходится, и жизнь свою надо продать подороже». Уже когда она сидела в подвале полиции, я ухитрялась сунуть ей в окно передачу и переброситься несколькими словами. В одной камере с нею сидел Спартак, ее сын.

О том, что Никитина была связана с подпольем, свидетельствуют некоторые факты: перед приходом гитлеровцев в Пятигорск Спартак принес домой портфель с бланками советских паспортов. Я увидела и спросила: «Где взял и зачем?» Спартак ответил: «Где взял, там уже нет. А зачем — пригодятся».

Екатерина, молчавшая все время, сказала: «Отнеси и спрячь». Спартак вышел и минут через десять вернулся без портфеля.

Другой факт: когда Екатерина уже была арестована, ко мне пришел Спартак и говорит: «Тетя Мария, у вас нет ничего из еды, чтобы передать в тюрьму?» Я ему ответила, что сегодня отнесла передачу матери (сам он к ней пойти не мог — арестуют), тогда он мне рассказал, что в полиции сидят два партизана и он должен помочь им продуктами. Кто эти партизаны и как попали в тюрьму, он не сказал. Я собрала передачу, и Спартак ушел.

Через два дня он тоже был арестован. Когда они с матерью сидели в подвале, я с ними виделась и разговаривала. Они рассказывали, что их пытают и допрашивают о связях с подпольщиками».

[1] В 1950 году Карпов был пойман и осужден за измену Родине.— Примечание автора.

Эпилог

На рассвете, когда небо прозрачно и сине, из Пятигорска виден граненый кристалл Эльбруса. Медленно, как бы изнутри, он наливается алым светом, в нем играет беззвучное пламя. Это встает солнце.

Поднимаясь все выше, солнце касается памятника, и гранит его тоже алеет. А может, это кровь проступает сквозь камень? Кровь тех, кто лежит под ним?

В Пятигорск часто приезжает офицер-моряк. Сняв фуражку, он молча стоит перед памятником, на котором написано: «Здесь похоронены зверски убитые фашистами 160 советских граждан». Имен нет. Но моряк знает, что среди этих ста шестидесяти его мать и брат и друзья брата. Моряка зовут Игорь Алексеевич Бондаревский.

Нам стали известны многие имена погибших безымянных героев. И среди них:

Лев Акимов — комсомолец, учащийся ремесленного училища, 16 лет;

Мурат Темирбеков — пионер, учащийся школы № 11, 15 лет;

Юрий Бондаревский — пионер, учащийся школы № 5, 15 лет;

Виктор Дурнев — пионер, учащийся школы № 5, 15 лет;

Василий Лисичкин — комсомолец, учащийся школы № 17, 16 лет;

Эдуард Попов — пионер, учащийся школы № 5, 15 лет;

Валентин Котельников — пионер, учащийся школы № 16, 13 лет;

Юрий Качерьянц — комсомолец, учащийся школы № 6, 17 лет;

Виктор Колотилин — пионер, учащийся ремесленного училища № 2, 15 лет;

Владимир Рыжков — комсомолец, рабочий моторемонтного завода, 16 лет;

Екатерина Александровна Никитина — жена коммуниста;

Спартак Никитин — комсомолец, рабочий моторемонтного завода, 17 лет;

Нина Елистратовна Бондаревская — учительница, работала на моторемонтном заводе;

Анна Ивановна Переверзева — 1907 года рождения, врач;

Александра Николаевна Павленко — жена офицера Красной Армии.

КОНЕЦ

Отовсюду и обо всем

В ГЛУБЬ ЗЕМЛИ

Одну из самых глубоких в мире скважин бурят в Азербайджане у небольшого поселка Саатлы. Здесь приборы показали необычное увеличение силы тяжести. Ученые предполагают, что это связано с особенностями глубинного строения земной коры в этом районе. И чтобы проверить свою гипотезу, они решили пробурить глубокую скважину.

Глубина обычной нефтяной скважины — пять-шесть километров, а в Саатлы бур опустится на пятнадцать километров. Если из такой скважины вынуть все трубы и поставить одна на другую, получится столб на шесть километров выше самой высокой в мире горы — Джомолунгмы!

Начиная с глубины шесть-семь километров, будет исследоваться каждый метр скважины. Специальные приборы измерят температуру, радиоактивность, определят, есть ли полезные ископаемые. Дальше замеры будет делать все трудней, потому что уже на глубине семи километров температура достигает 160 градусов. А дальше она будет повышаться и дойдет до 300—350 градусов...

Сейчас глубина скважины — около четырех километров.

Спасли лебедей

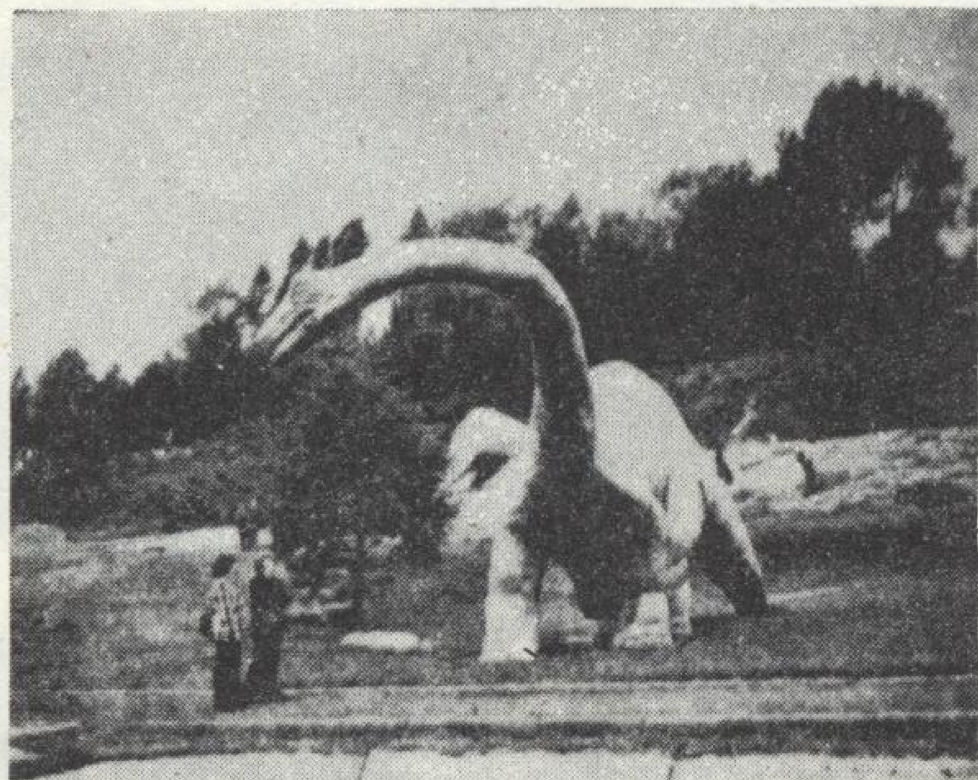
На северо-востоке Белоруссии множество озер. Этот край так и называют — «озерным». Последнее время все больше птиц, в том числе и лебедей, стало гнездиться в этих местах. Два года назад пара лебедей появилась и на Саковищенском водохранилище. Летом они вывели четырех птенцов, а затем стали собираться на зимовку. Осенью лебеди из Белоруссии улетают не на юг, а на север — в Данию и Голландию. Берега этих стран омывает теплое течение Гольфстрим, и прибрежная полоса воды зимой не замерзает. Но в том году в Белоруссии зима выдалась мягкая, водохранилище не замерзало до января, и птицы не спешили с отлетом. Однако морозы все-таки грянули, и водохранилище покрылось льдом. Плохо пришлось бы лебединой семье, если бы на помощь не пришли юннаты из Саковищенской средней школы, которые давно наблюдали за птицами. Пока лед был тонким, ребята сами крошили его, расширяя полынью, а когда лед окреп, попросили помощи у взрослых. Полынью ото льда стали очищать с помощью тракторов.

Наступила весна. Смотрите, как доверчиво подплыли лебеди к шестиклассникам Олегу Макрицкому и Лене Гординец...

К. КРЕСНИЦКИЙ. Фотография автора.

Как сто миллионов лет назад

Такие ящеры бродили по земле сто миллионов лет назад. А эти шестнадцать динозавров — хищных и растительноядных, двуногих и четвероногих — в наши дни вышли на дорожки парка польского города Хожуве. Рост каждого из доисторических чудовищ без малого шесть метров, а длина от кончика носа до кончика хвоста — восемнадцать. Сделаны они из бетона и внешне ничем не отличаются от своих собратьев, останки которых польские палеонтологи нашли в монгольской пустыне Гоби.

Перевела с польского А. РАЕВСКАЯ

Ведет журналист-международник Вл. ВАСИЛЬЕВ

ВО ИМЯ МИРА И ДРУЖБЫ

«Более чем в ста государствах мира трудятся ныне посланцы Ленинского комсомола. В социалистических странах Европы и на далекой Кубе, в горячих песках Сахары и в джунглях Юго-Восточной Азии, в Индии и на Арабском Востоке, в самых разных районах планеты тысячи сынов и дочерей нашей страны несут свою благородную вахту — строят заводы и электростанции, помогают открывать кладовые природы, лечат больных и учат детей. Нередко их труд — это настоящий, без шума и рекламы, бескорыстный, самоотверженный подвиг. Подвиг во имя мира и прогресса, во имя братства и дружбы народов» — так сказал Генеральный секретарь Центрального Комитета нашей партии, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Леонид Ильич Брежнев, выступая перед делегатами XVIII съезда ВЛКСМ.

В пригороде столицы Вьетнама Ханоя недавно при содействии Советского Союза построен научный центр. В его лабораториях проводятся исследования по биологии, микробиологии, геологии и кибернетике.

Советский Союз помогает социалистическим странам строить и реконструировать фабрики, заводы, электростанции, школы и больницы.

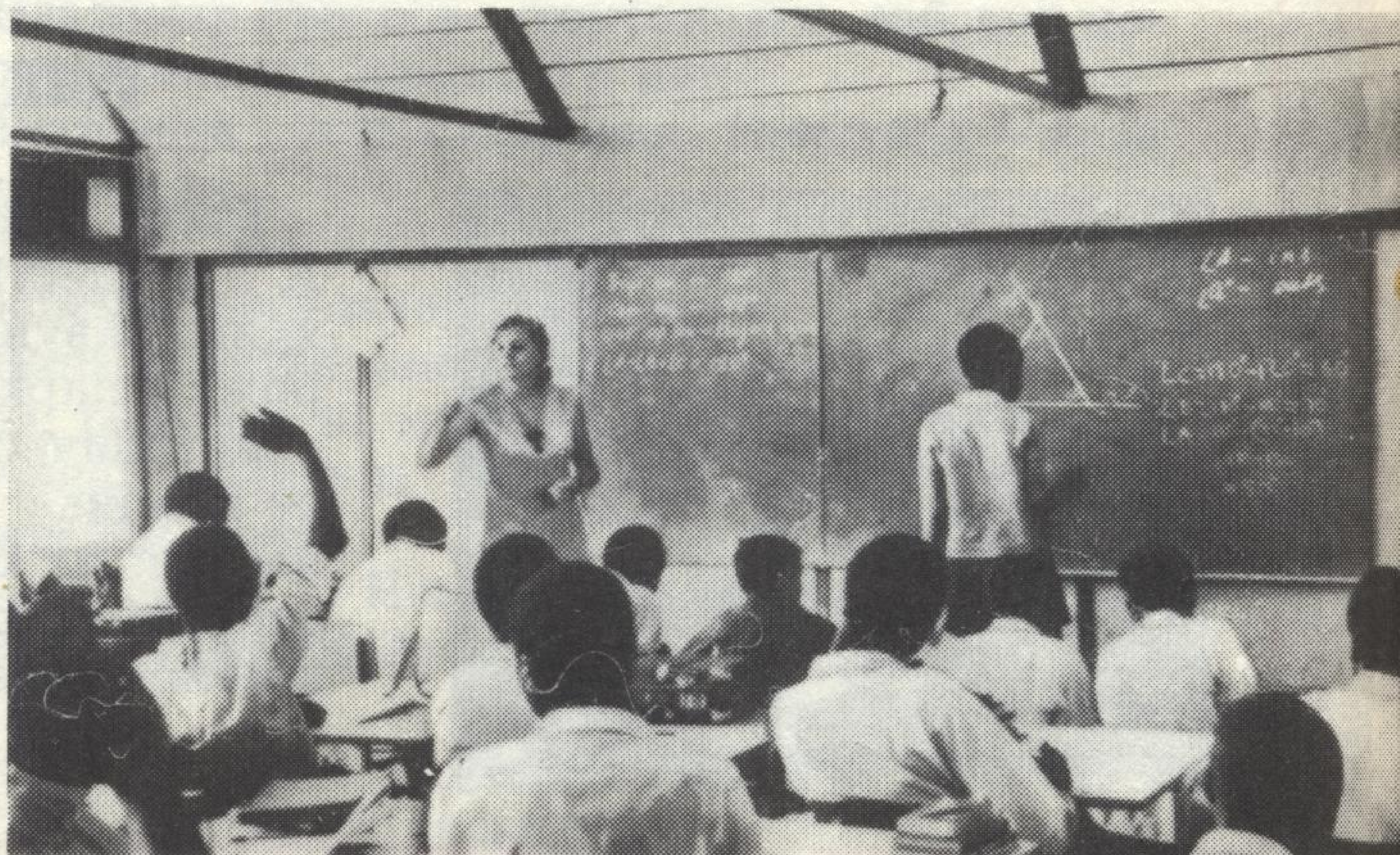
Договоры о сотрудничестве с нашей страной в области экономики и торговли подписали 75 развивающихся государств Азии, Африки и Латинской Америки, и советские специалисты помогают им строить заводы и фабрики, обучать детей, побеждать болезни, готовить специалистов и квалифицированных рабочих.

Советские врачи в центральной больнице столицы Мозамбика.

Теплоэлектростанцию «Марица-Восток III» в Болгарии, атомные электростанции в Венгрии, Чехословакии и ГДР, Бокарский металлургический комбинат в Индии, Евфратскую ГЭС в Сирии, нефтепромыслы в Ираке — все это построено или строится с помощью советских друзей.

Школа в замбийском городе Чипата. Урок математики ведет советская учительница.

Туристы из капиталистических стран часто спрашивают: «Есть ли в СССР привилегированные классы?» И слышат в ответ: «Есть такой класс — дети». В распоряжении советских ребят светлые школы, дворцы пионеров, пионерские лагеря, спортивные секции...

Об этом только могут мечтать миллионы их сверстников в странах капитала.

Непосильный труд от зари до зари — таков удел восьмисот тысяч ребятишек в фермерских районах США.

В этой богатой стране почти два с половиной миллиона детей не ходят в школу, потому что им приходится зарабатывать на жизнь.

В Испании более двухсот тысяч ребят трудятся у хозяев. В Чили только одна пятая часть школьников кончает седьмой класс.

Правительства капиталистических стран сокращают расходы на образование. Поэтому не хватает школ и учителей. В каждом классе порой занимаются по шестьдесят человек, школы находятся в непригодных для занятий зданиях, где не работает отопление, протекает крыша. В старых английских школах кишмя кишат насекомые и крысы...

Будущий, 1979 год Организация Объединенных Наций объявила Международным годом ребенка. Честные люди потребуют от правительств стран соблюдения принятой ООН Декларации прав ребенка: все дети имеют право на бесплатное образование, медицинскую помощь, счастливое детство.

Мы уверены, что требования взрослых поддержите и вы, советские ребята.

Н. КАЙТМАЗОВА

БЕЗ ПРАВА НА ДЕТСТВО

В газете американских коммунистов «Пиплз уорлд» была напечатана фотография-обвинение. На ней — маленький, худенький мальчик, который батрачил на плантациях компании «Х. П. Гэрин» в Калифорнии. Профсоюз сельскохозяйственных рабочих выпустил плакат, призывающий всех покончить с эксплуатацией детского труда на плантациях. На плакате был портрет этого маленького батрака. Компания «Х. П. Гэрин» подала на профсоюз в суд, но суд, который всегда защищает интересы капиталистов, вынужден был отклонить претензии плантаторов.

* * *

Итальянские законы запрещают пользоваться трудом детей младше четырнадцати лет. На самом же деле в Италии нещадно эксплуатируется труд около 350 тысяч детей. Половине из них нет еще и десяти лет.

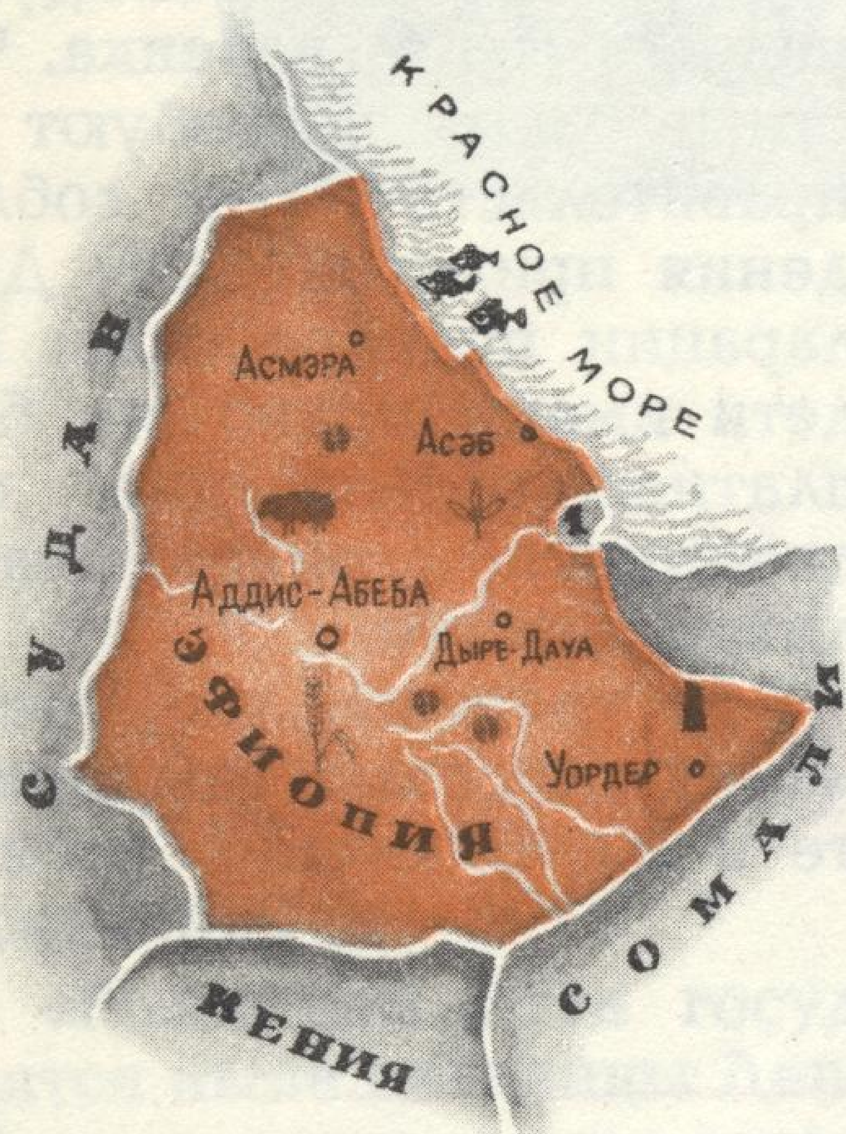
Ежегодно южный итальянский городок Альтамура превращается в невольничий рынок. Помещики и богатые крестьяне приезжают сюда, чтобы купить мальчиков-батраков. Покупатели щупают мускулы детей, осматривают зубы — выбирают физически крепких.

Микеле Колонну, совсем маленького мальчика, помещик купил за восемь килограммов сахара и сорок тысяч лир (около сорока рублей).

Работа у Микеле была непосильная: поднимался он в три часа ночи и чистил овчарню, в семь часов уже выгонял овец на пастбище, возвращался после захода солнца. На ночь его запирали в овчарне. И хотя зимой в этих местах холодно, Микеле запрещали разводить огонь. Утром мальчик получал кусок хлеба, а вечером — миску макарон.

Мальчик не выдержал этой тяжелой жизни и покончил с собой.

МОЛОДОСТЬ ДРЕВНЕГО АКСУМА

На нашей карте вы видите Эфиопию и граничащие с ней страны. I — Республика Джибути.

Утро эфиопских школьников начинается торжественной линейкой. Раздается команда «Поднять флаг!», звучит национальный гимн, взлетают в салюте смуглые руки. Затем все расходятся по классам. Впрочем, настоящих школ, таких, как в нашей стране, в Эфиопии пока немного. Занятия проходят в наскоро построенных помещениях, а то и просто под навесами из пальмовых листьев. И все же ходить в такую школу — большая радость, и ребята учатся старательно и упорно. Ведь совсем недавно из десятка ребятишек только один мог учиться.

Еще в начале нашей эры образовалось государство Аксум. Теперь на его территории — Северная Эфиопия. Велик и могуществен был Аксум. Галеры увозили из него в разные страны драгоценную древесину, слоновую кость, звериные шкуры. В северной Африке высоко ценились изделия аксумских ремесленников. Гордая Византия искала его дружбы.

Но раздоры между феодалами подорвали единство и могущество Аксума. В то время как феодалы и крупные чиновники утопали в роскоши, народ до недавнего времени жил в ужасающей нищете. Крестьяне от зари до зари гнули спину на полях феодалов, пахали на быках деревянным плугом. Из собранных десяти мешков зерна они отдавали помещику восемь мешков.

В народе зрел гнев против несправедливости жизни, и в феврале 1974 года народ восстал. Армия присоединилась к повстанцам, и власть в стране перешла в руки Временного военного административного совета (ВВАС).

С тех пор прошло всего четыре года, но в стране все изменилось. Земли, заводы и фабрики, банки и торговые учреждения, транспорт принадлежат теперь народу. Крестьяне создают производственные кооперативы. Они строят школы, дороги, больницы.

Приняты законы, гарантирующие каждому право на труд, устанавливающие восьмичасовой рабочий день, оплачиваемый отпуск, социальное обеспечение. Запрещена эксплуатация чужого труда, изданы законы об образовании, о бесплатном медицинском обслуживании.

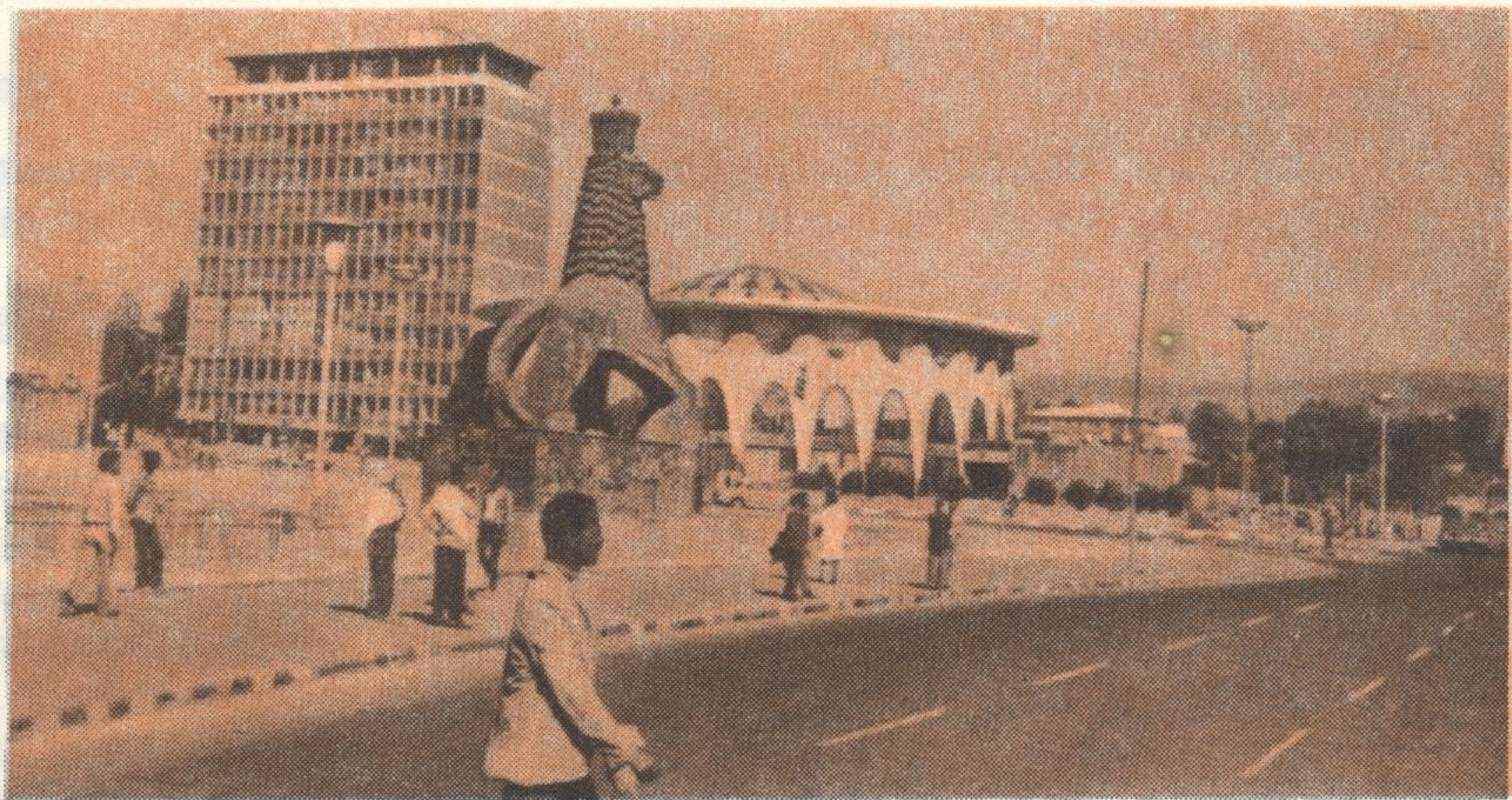
Но бывшие помещики, представители буржуазии, кулаки объединяются в вооруженные контрреволюционные банды, которые нападают на представителей народной власти, стреляют из-за угла в деятелей революции. Контрреволюционеров поддерживают иностранные капиталисты. В прошлом году они организовали вооруженную интервенцию против молодой республики.

Но народ Эфиопии начеку. Он защищает завоевания революции. В этой борьбе Эфиопию поддерживают прогрессивные силы Африки, страны социалистического содружества. В трудные для республики дни, когда враг рвался к столице Эфиопии Аддис-Абебе, на помощь ей пришли Советский Союз и Куба. Самолеты с медикаментами, продовольствием один за другим приземлялись в Аддис-Абебе, помогая эфиопскому народу защитить революцию.

Прекрасна земля Эфиопии. Здесь есть и горы, и безбрежные пустыни, и бескрайние саванны, и густые леса. Недра ее богаты полезными ископаемыми. Отныне все это принадлежит народу, твердо вступившему на путь социалистической ориентации.

Юрий КИРПИЧНИКОВ

Одна из центральных улиц эфиопской столицы — Аддис-Абебы.

НЕОБЫЧНОЕ ЗНАКОМСТВО

На советском судне, стоявшем в одном из портов в Алжирской Народной Демократической Республики, было много гостей, в том числе шестилетний алжирский мальчик. Но во время осмотра судна мальчик оступился и упал за борт. Тотчас же в воду бросились вахтенный и молодой алжирец Мохаммед Али. Они спасли малыша.

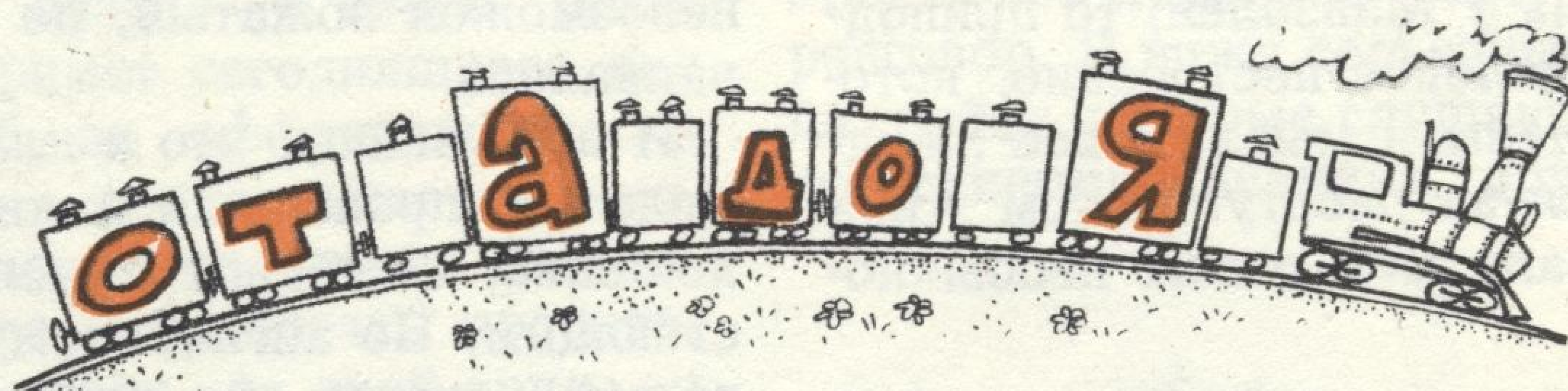
С тех пор они друзья.

«Нет повести печальнее на свете...»

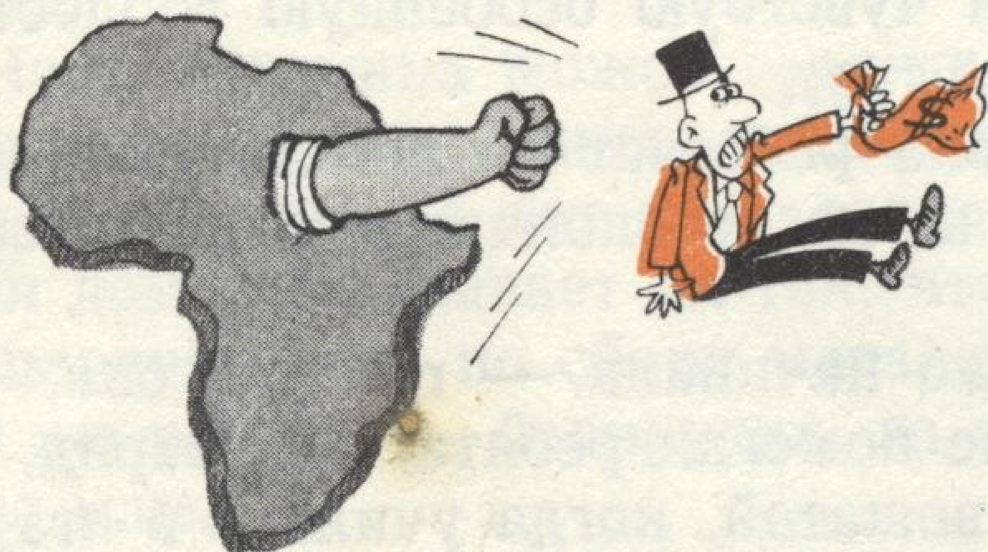
Вы помните, конечно, где жили герои драмы Шекспира «Ромео и Джульетта»? В итальянском городе Вероне. Шекспир рассказал эту повесть о двух влюбленных почти триста лет назад. Но и сейчас в Верону приходят из разных стран письма на имя Джульетты Капулетти. Юноши и девушки рассказывают ей о своих самых сокровенных чувствах.

Эти письма долгое время хранились в муниципалитете. Но недавно в городской газете появилось объявление: «Джульетта Капулетти ищет секретаря, который мог бы вести ее корреспонденцию».

«Секретарем» Джульетты стала двадцатилетняя Паола Селла. Она хорошо справляется с работой, с пониманием относится к трудностям своих сверстников. «Я не знаю, верят ли они в существование Джульетты,— говорит Паола. — Скорее всего нет. Просто очень многим молодым людям не с кем поделиться своими несчастьями».

Развивающиеся государства — так называют страны Африки, Азии и Латинской Америки, освободив-

шиеся от колониальной зависимости и самостоятельно строящие свою экономику.

Интервенция — вооруженное вторжение в какую-либо страну, чтобы свергнуть ее правительство, захватить территорию этой страны. Интервенты нападали на молодую Советскую республику в первые годы ее существования; в наши дни империалисты нападали на Анголу, Эфиопию и другие государства, борющиеся за свободу и независимость.

Национализация — это важнейший шаг революционного государства, которое отбирает крупные фабрики, заводы, банки и другие предприятия, принадлежавшие капиталистам, земли, бывшие собственностью помещиков, и передает их в собственность государства.

В СССР сразу же после победы Октябрьской социалистической революции была уничтожена частная собственность на землю, были национализированы частные банки, крупная промышленность, транспорт, внешняя торговля.

Национализация помогает африканским государствам освободиться от иностранного капитала, от власти буржуазии, развивать экономику своей страны.

ВМЕСТЕ ДУМАЕМ И ВМЕСТЕ ДЕЙСТВУЕМ

А. ДЕРКАЧ,
первый заместитель председателя Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

Костер горел чистым, светлым пламенем, освещая задумчивые и серьезные лица ребят. Они слушали спокойный, уверенный голос своей вожатой и как будто сами видели длинную вереницу людей, тянущуюся от Александровского сада по Красной площади к Мавзолею; маленькую девочку, бережно несущую красный цветок. Они как будто сами были там и вместе со всеми ощущали то трепетное, священное чувство, которое охватывает человека, когда он идет к Ленину.

Анна Гавриловна Пивоварова, старшая пионерская вожатая школы № 1 города Коврова, всего день как вернулась из Москвы со слета вожатых и сразу отправилась с советом дружины в поход, который они давно задумали. В тот вечер она о многом переговорила с ребятами у костра. Ей хотелось передать им то волнение, которое она испытывала у Мавзолея, то приподнятое, праздничное и деловое настроение, которым жил слет, свои планы и мысли, свое желание поскорее приняться за работу. Потом Анна Гавриловна рассказывала мне о том необыкновенном ощущении единства, которое возникло у вожатой и ребят, собравшихся в тот, теперь уже давний, теплый майский вечер у пионерского костра.

— Вы знаете, — говорит Анна Гавриловна, — в чем для меня трудность и радость работы вожатого? Человек, посеявший пшеницу, знает, что через несколько месяцев он увидит итог своего труда — обмолоченный хлеб. Писатель может взять в руки готовую рукопись. А вожатый... Есть у нас в одном отряде мальчик. Не хотел ходить на сборы, отказывался от поручений, считал, что отряд сам по себе, а он сам по себе. Сколько мне пришлось с ним разговаривать! Теперь могу сказать, это была настоящая борьба. Борьба не с ним, а за него. А результатов вроде бы никаких, все по-прежнему. Я оптимист, считаю, что без этого качества невозможен вожатый, но тут даже я иногда отчаивалась.

И вот узнаю, что в классе, где учится этот мальчик, произошло важное событие. Игорь Болошенко, отстающий ученик, перестал быть отстающим. По английскому и математике, по которым раньше еле тянулся, крепкие четверки. Поговорила с Игорем. Оказывается, однажды подошел к нему тот самый мальчик, его тоже зовут Игорем, и предложил свою помощь. Да так за него принялся, что Болошенко теперь один из лучших учеников. Я рада была за Игоря Болошенко, но еще больше за другого Игоря, сумевшего стать нужным отряду человеком. В такие моменты я чувствую особенную гордость за свой вожатский труд.

Анна Гавриловна работает в школе уже десять лет. Сразу же после окончания этой же самой школы.

— Когда только начинала, — говорит она, — было трудно. Мне помогли ребята, мой отряд, в котором я была вожатой, когда училась в старших классах. Они были опорой, моим активом. И с первого дня работы появилась у меня уверенность, что какая бы сложная проблема ни стояла передо мной, помогут всегда ребята. Я привыкла думать, планировать и осуществлять вместе с ними.

Вот прошел восемнадцатый съезд ВЛКСМ. Речь Леонида Ильича Брежнева, Приветствие

ЦК КПСС съезду, решения съезда имеют, конечно, самое прямое отношение к нашей пионерской организации. В программе, намеченной съездом, немало задач, в решение которых ребята уже сегодня могут внести частицу своего труда и творчества.

Что можем сделать в помощь комсомолу мы? С такой точки зрения и старалась я вместе с ребятами подойти к обсуждению материалов съезда. Леонид Ильич сказал в своей речи: «Одна из важнейших примет сегодняшнего дня нашей Родины — борьба за эффективность и качество». «Это значит, — подчеркивается в материалах съезда, — работать не просто дисциплинированно и прилежно, а работать красиво, чтобы и другие тебя уважали за твой труд, и сам бы ты себя уважал».

— Разве эти слова не звучат так, словно обращены к вам? — говорю я ребятам. — Разве они не относятся к нашему главному труду — учебе? Конечно, в нашей дружине двоечников нет. Но не стали ли мы слишком снисходительными к троечникам, к посредственной, «серой» учебе?

Наша дружина может гордиться участием во Всесоюзных операциях, трудовые десанты проходят отлично. А вот как хозяйствуют ребята у себя дома? Не бывает ли так, что звено занимает первое место по сбору металлолома, а дома эти же ребята — белоручки, за которых все делает мама?

И ребята предлагают: давайте проведем рейд, посмотрим, как ребята хозяйствуют дома, поговорим.

На съезде много говорилось об участии комсомола в строительстве. Сто сорок крупнейших строек объявлено Всесоюзными ударными комсомольскими. Эти стройки рассчитаны не на год и не на два, и они ждут рабочих рук. «Надо направить туда определенное количество строителей, монтажников, шоферов, буровиков, учителей, людей других специальностей — вот что нужно», — говорил на съезде Леонид Ильич Брежнев.

Пройдет, может быть, несколько лет и с путевками нашего Ковровского горкома комсомола поедут на эти стройки и наши ребята. Значит, уже сейчас пора задуматься о том, какой профессией хочу овладеть, к какому делу приложить руки. И мы решаем продолжать наши «Рассказы о профессиях». В каждый отряд ребята приглашают взрослых. Были у нас врач, конструктор, железнодорожник, комсомольцы с завода, который выпускает экскаваторы. И теперь мы решили продолжить эту дружинную традицию.

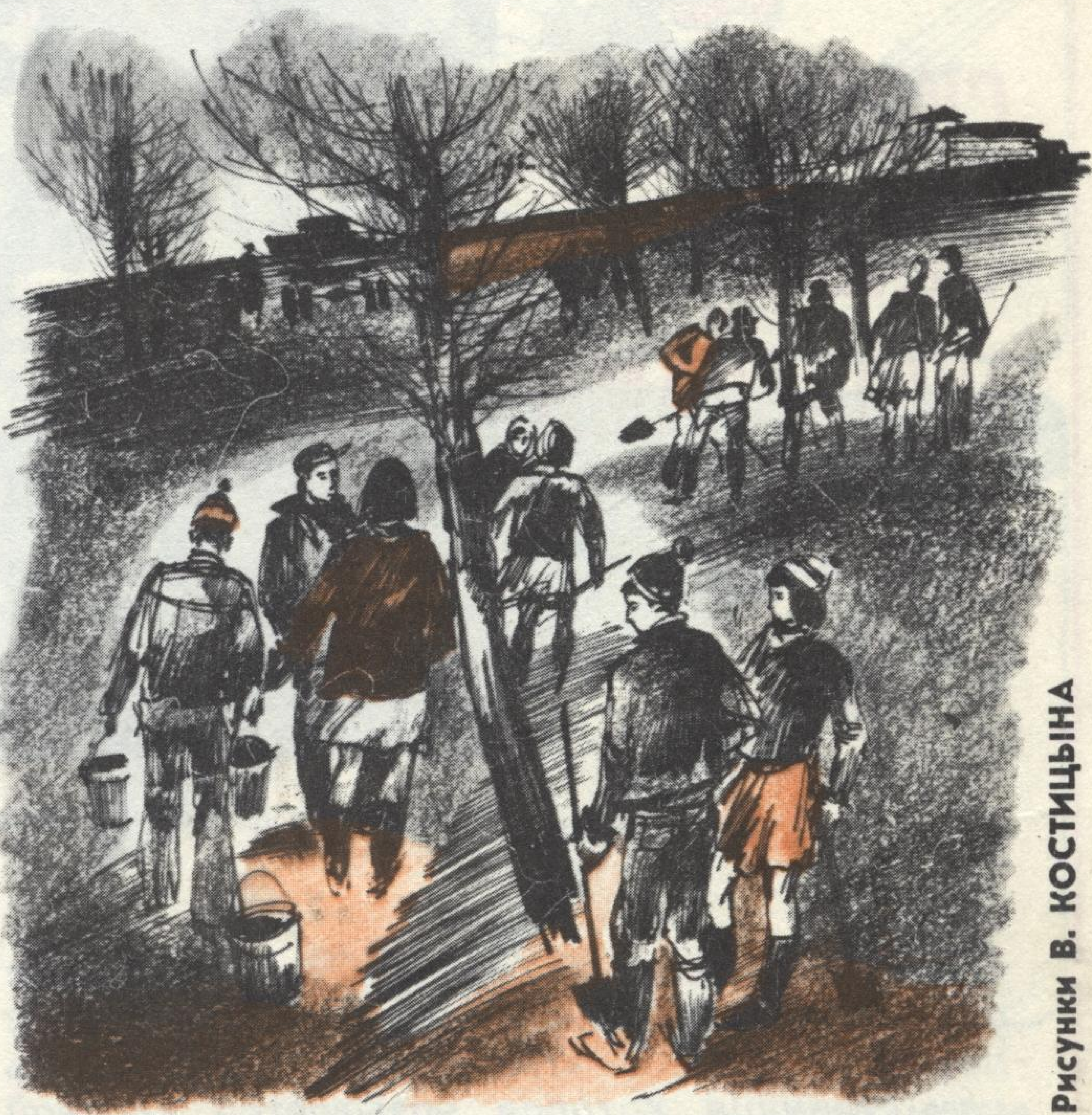
Но комсомольские путевки, работа на самых важных стройках страны — это в будущем. А что мы можем сделать сейчас? Какой вклад в комсомольскую стройку внесет наша дружина?

И совет дружины решает написать на стройку письмо, подружиться с ребятами-новоселами, узнать, как они живут, поделиться опытом работы.

Вот так работаем мы с пионерами нашей дружины над материалами съезда. Хотим внести уже сейчас свой вклад в общее дело.

Только так ребята умом и сердцем поймут всю значительность решений нашего комсомольского съезда.

В школе обычный день. День, который у вожатой Анны Гавриловны Пивоваровой расписан по минутам. Точно в назначенное время собирается совет дружины. Идет деловой, серьезный разговор. Я вижу серьезные и внимательные лица ребят, которые слушают свою вожатую. Своего единомышленника, друга, комиссара.

Рисунки В. КОСТИЦЫНА

БОЕВОЙ ЛИСТОК

ПРОДОЛЖАЕМ ПОДВОДИТЬ ИТОГИ ВИКТОРИНЫ!

Ответ на второй вопрос викторины «Боевого листка» и второй победитель!

КОГДА БЫЛ СОЗДАН КИНОФИЛЬМ ПО ПОВЕСТИ «ТИМУР И ЕГО КОМАНДА», КТО БЫЛ ЕГО РЕЖИССЕРОМ?

«Мне кажется, вопрос поставлен не совсем верно. Прежде, чем повесть, был создан киносценарий «Тимур и его команда». И когда была опубликована вся повесть, работа над фильмом уже заканчивалась. Ребята увидели его в дни зимних каникул в 1941 году». (Тимуровец Люба Зотова, школа № 716, г. Москва.)

«Режиссер фильма Александр Разумный. Оператор Петр Ермолов. А музыку написал композитор Лев Шварц». (Отряд имени Гайдара, школа № 69, г. Горький.)

«Еще когда фильм снимался, о нем много писали. Я нашла номер газеты «Кино» за октябрь 1940 года. Там есть статья «Хочу быть таким!», посвященная фильму. И фотография — кадр из фильма». (Тимуровец Марийка Цымбал, г. Кстово, Горьковской области.)

«И сейчас нам очень интересно смотреть этот фильм. Мы полюбили его героев: Тимура, Женю и всех членов команды. За доброту, трудолюбие, дружбу, за готовность всегда прийти на помощь людям»,— написали победители викторины «Боевого листка» октябрята-тимуровцы 3-го класса «Б» школы № 77 г. Еревана. Жюри назвало этих ребят победителями и не только потому, что их ответ точен и обстоятелен. Но и потому, что они самые младшие участники викторины.

Хочешь познакомиться с ними? Прочитай письмо, которое октябрята написали в штаб Тимура.

СКОРО СТАНЕМ ПИОНЕРАМИ

Этот снимок сделали и прислали в редакцию ребята.

«Здравствуй, штаб Тимура! Мы твои новые друзья. Мы еще октябрята и только сейчас познакомились с «Пионером». Встретилась нам страница, которая называется «Боевой листок». Мы прочитали ее всю, с первой строчки до последней. И решили: это наша страница. Потому что мы уже читали рассказы и повести Гайдара. Давно уже Чук и Гек

и смелый «всадник» Алька стали нашими самыми близкими друзьями. А после того, как мы все вместе прочитали повесть «Тимур и его команда», каждому захотелось хоть капельку быть таким, как он. И все — единогласно! — решили стать тимуровцами. «Вот только сможем ли?» — подумали мы тогда.

Каждый из нас умеет что-то делать. Рузанна и Гаянэ отлично рисуют. Игорь, Артак и Карен делают удобные полочки для книг. Сначала огорчались наши мальчишки: Гера, Армен и Эдгар. Они по деревьям лазить умеют и крепости строить, а вот пол мыть или шить не получается... Зато когда мы пошли в лес за шиповником, оказалось, что они собрали больше всех.

Значит, решили мы, надо сделать так, чтобы то, что мы умеем делать, приносило пользу не только нам.

Мы взяли себе девиз «Один за всех, все за одного!». Мы решили взять себе в помощники фантазию. Дима и Алена у нас самые неуемные фантазеры. Артак и Гаянэ — самые веселые фантазеры. Рузанна и Луиза — самые серьезные фантазеры.

Мы решили не брать с собой лени. Ребята, которые дружили с ней, дали крепкое слово, что больше дела с ней иметь не будут.

Мы решили не брать с собой скуки. «А что это такое?» — спросили Артур и Авик. Не удивляйтесь. Мы и в самом деле не знаем, что это такое.

Интересно и весело жить, когда знаешь, что ты кому-нибудь нужен, что тебя кто-то ждет.

А нас ждут. Птицы в соседнем лесу, потому что в холодные зимние дни мы кормим их, а весной строим им домики. Малыши в детском саду. Потому что мы им читаем и чиним книги, поем с ними песни, гуляем, шьем и стираем платья для кукол.

Весной мы вскопали одну тропинку и засеяли ее травой. Тропинка наша летом зеленеет, и никто по ней не ходит.

А еще мы решили вот что. Около нашей школы есть улица Бабаяна. Это генерал, Герой Советского Союза. Погиб при взятии Берлина. Мы узнаем, кто живет на этой улице, кому нужна наша помощь.

Дел у нас впереди много. А главное, мы скоро станем пионерами!

До свидания.

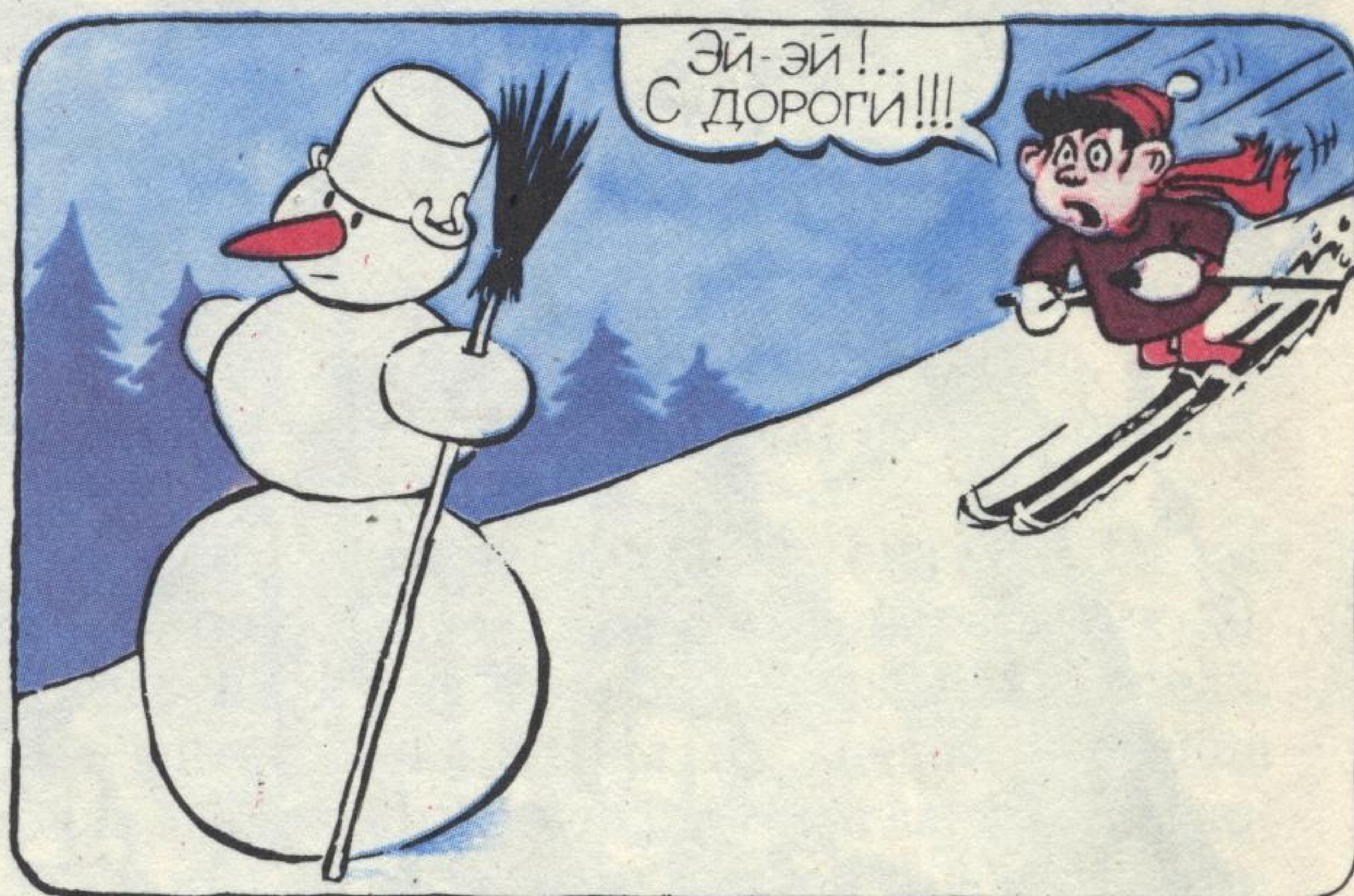
Октябрята-тимуровцы 3 класса «Б» и вожатые Нунэ, Ашот, Рита, Нелли.

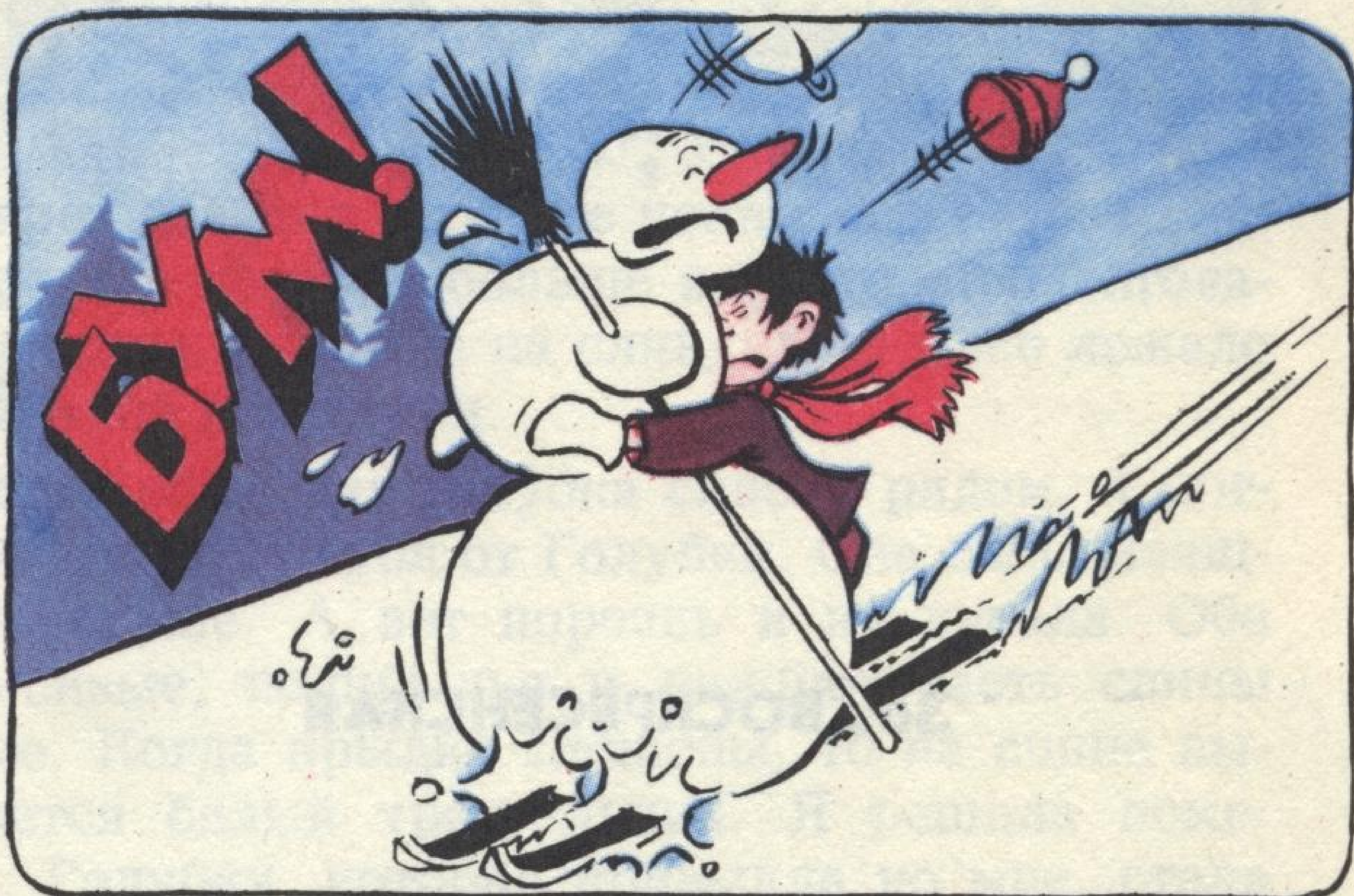
Да! Забыли рассказать, как мы на викторину отвечали. В те дни ребята из соседних классов заглядывали к нам и удивлялись... Вся наша комната была заполнена книгами, газетами, журналами. А мы все приносили и приносили. Из дома и от соседей, из библиотеки и от знакомых. Сколько мы узнали, прочитав их все! Когда закончили работу, стало грустно, как будто расстались с чем-то дорогим».

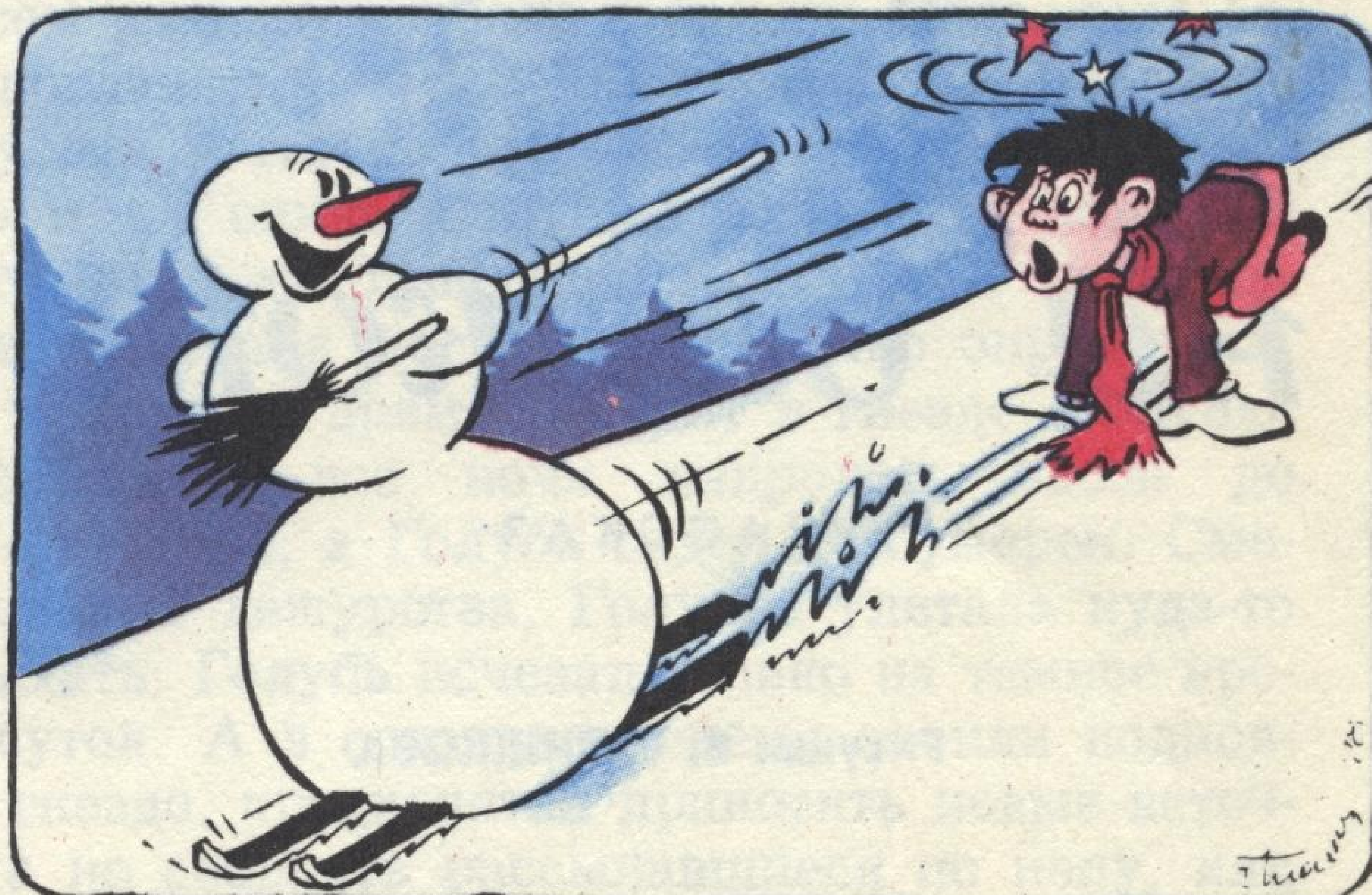
ЗАЛ МУЛЬТФИЛЬМА «ПЕРЕМЕНКИ»

На экране — многосерийный фильм «Приключения Фили»

А. АЛЕКСАНДРОВ

Зоя ВОСКРЕСЕНСКАЯ

Гнездо на балконе

РАССКАЗ

Рисунки В. СТРИЖКОВА

Был конец мая. Дом, в котором я поселилась, стоял на узкой полосе земли. С одной стороны — голубая речка, с другой — серое море с белыми оборками пены у отлогого берега. А перед окном комнаты зелеными волнами колыхались округлые кроны сосен.

Пришла уборщица в белом халате, заглянула на балкон и стала ворчать:

— Ах, такие-сякие, опять припожаловали, — и замахала полотенцем. С балкона взлетела стайка голубей. — Ишь, сколько мусора натаскали! — Она подмела балкон и приказала мне: — Голубей не кормите, не приучайте, за ними не наубираешься, и чаек гоните, они ни свет ни заря кричать принимаются, спать не дадут.

Утром у раскрытой двери на балконе толпились голуби. Они заглядывали внутрь комнаты, не решаясь перейти через порог, видно, присматривались к новому жильцу. Молча, терпели-

во переступали с ноги на ногу, перелетали друг через друга. А на круглых перилах, уцепившись красными перепончатыми лапками, балансировали черноголовые чайки и отчаянно кричали, требовали корма. Трогательные белые птицы в черных масках.

Я вздохнула, погрозила им пальцем и постаралась оставаться глухой и непонятливой, памятуя строгий наказ уборщицы.

Днем я увидела в углу балкона двух одинаковых голубей, обыкновенных сизых. Один побольше, другой поменьше. Я поняла, что это супружеская пара. Голубь старательно чистил перышки своей подруги. Осторожно и нежно перебирал их. Голубке, видимо, нравилось это, она щурила прозрачные янтарные глазки и то наклоняла головку, то выгибала шею, подставляя свои перышки. Потом Голубка принялась перебирать перышки на спине своего супруга. Он от наслаждения совсем закрыл глаза. Заглядывали на балкон и другие голуби, прилетали воробьи и то ли потому, что не нашли корма, то ли не желая мешать супругам, улетали прочь. Вечером мои голуби устроились в том же углу на ночлег, засунув головы под крылышко друг другу. А утром, когда солнце поднялось над купами сосен, они взлетели на стол, что стоял на балконе, и, сцепившись клювами, исполнили уморительный танец. Приседали, вальсировали, раскачивались в старинном танго, взмахивали крыльями, не размыкая клювов. Освещенное солнцем оперение отливало металлическим блеском, сиреневыми, голубыми и зеленоватыми тонами, словно они специально нарядились для этого танца в праздничные одежды.

Мое сердце не выдержало. За завтраком я собрала со столов остатки хлеба, принесла и раскрошила на балконе. Слетелись голуби. Шустрые воробьи, которые до этого, словно мухи, ползали по шершавой стене, теперь прыгали, как мячики, по полу, схватывали куски побольше и улетали прочь. Голуби клевали только мелкое крошево и не справлялись с корочками, не могли раздолбить их. Пиршество было всеобщим, дружным. Никто ни у кого не отнимал куска, птицы даже как-то деликатно сторонились, чтобы не мешать друг другу.

Голубка, насытившись, уселась в угол, а Голубь улетел. Вскоре он вернулся, принес в клюве сухую веточку и торжественно, с поклоном преподнес ее Голубке, словно это был букет роз или драгоценный подарок. Супруга милостиво приняла. Взяла веточку в клюв, примерилась и положила себе под бок. Голубь потеребил ей на шейке перышки и улетел. Он сновал туда-сюда без устали и каждый раз приносил веточку всегда одинакового размера, без сучков. Голубка укладывала их возле себя.

Голуби строили гнездо!

В это время появилась уборщица. Я попросила доверить мне балкон, который обязалась убирать сама: жить я здесь собиралась долго.

Голубь работал с утра до сумерек, натаскал ворох веточек, сухих травинок. Голубка возвела из них вокруг себя барьер, чтобы удобнее было опереться грудкой. Но теперь Голубь объявил балкон неприкосновенным для своих собратьев. Исключение составляли чайки, которые и не пытались спрыгивать на пол.

На следующий день Голубка не вышла из гнезда, сидела распушившись, чем-то озабоченная. Голубь сам укладывал вокруг супруги веточки. Голуби как архитекторы, прямо скажем, не изобретательны. В детстве я с братьями лазила по деревьям, шарила по кустам и видела много птичьих гнезд. Одни были устроены в дуплах и уютно выстланы пухом, другие, искусно сплетенные, как колыбели, раскачивались на тонких ветвях, например, гнездо пеночки. Ласточки крепят свои гнезда на балясинах в сараях, под скатами крыш, лепят их из земли, глины, размачивая ее слюной, соблюдая пропорции и формы в строительном искусстве.

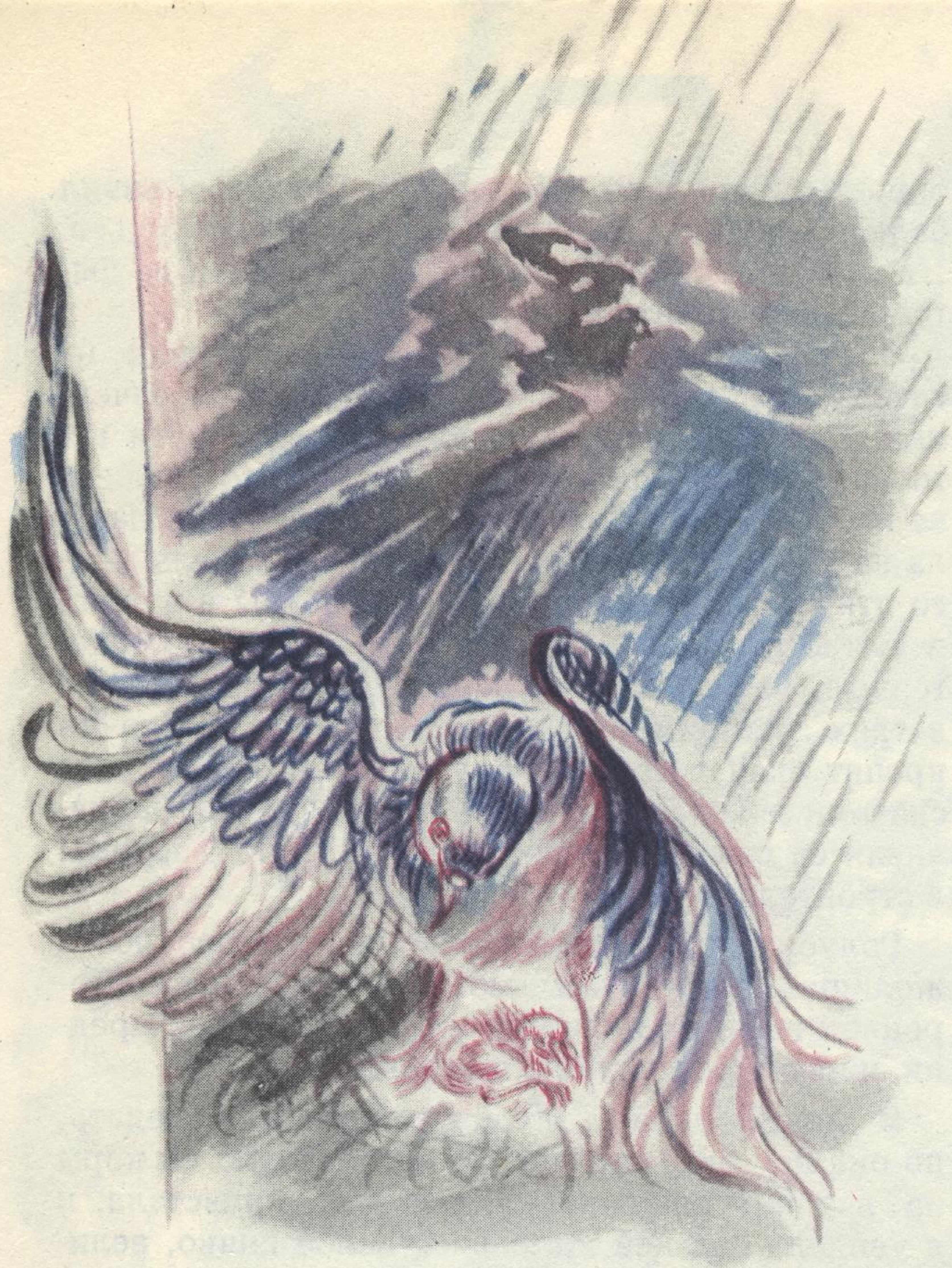
Голуби мало заботятся об уюте и прочности жилища. Они не укрывают свое гнездо от посторонних глаз, не прячутся в дуплах, как их предки, живут простодушно и открыто.

Я приглашала Голубку завтракать, обедать, но она не покидала гнезда, я протянула ей корм на ладони, она отвернула голову, привстала, и я увидела под ней маленькое белое яичко, величиной с небольшой грецкий орех, почти круглое. Оно лежало на голом полу.

«Простынет яичко, раздавит она его на цементе», — подумала я, набрала шерстяных ниток и подсунула под Голубку. Утром я увидела, что все нитки выброшены из гнезда, а птица смотрела на меня облепиховыми глазами с укором. «Ну что ты наложила всякой гадости, которая цепляется за лапки. Не вмешивайся, пожалуйста, мы сами знаем, как лучше», — говорил ее взгляд.

Через два дня в гнезде появилось второе яичко, раза в полтора больше первого, продолговатой формы, похожее на сливу. Оно тоже лежало без всякой подстилки.

Когда оба моих голубка сидели рядом, я могла отличить Голубя от Голубки. Она была изящнее, меньше. А вот порознь я их путала. Оба серо-сизые, подкрылья и нижняя часть спины белые. Когда крылья сложены, то на спине выделяется белый треугольник. Я решила пометить Голубку, которая привыкла ко мне, стала совсем ручная, клевала с ладони, позволяла себя погладить. Этой вольности не разрешал мне Голубь. Он тотчас улетал. Я начертила фломастером на спине Голубки маленький красный крест, и он ярко выделялся на белом треугольнике. Теперь я могла безошибочно определить, кто и сколько времени сидит в гнезде. Голубка просиживала все ночи напролет, часов до 10—11 утра, а Голубь сидел до сумерек. Сменившись с дежурства, Голубка улетала куда-то отдыхать. Голубь исчезал только на темное время суток. А в остальное время он или подновлял гнездо, предпочитая приносить новые веточки, а не собирать рассыпавшиеся по полу, или сидел на перилах и охранял покой Голубки. Стоило появиться на балконе чужим голубям, как

мой Голубь тут же выгонял их. Но один был особенно настырный. Черный, худой, острокрылый, острохвостый и остроклювый, он выглядел старым и печальным в своем траурном оперении. Прилетал неизменно каждое утро, садился на перила и с грустной завистью смотрел на гнездо. Невзлюбил его мой Голубь. Вежливо, но настойчиво он выпроваживал его, наступая на него взъерошенной грудью.

Я прозвала черного голубя Старым холостяком. Когда Голубя не было поблизости, тогда Голубка, не спеша выйдя из гнезда, подлетала к Старому холостяку и как-то мягко, по-женски, но настойчиво отталкивала его плечом, как бы говоря: «Сударь, вы мешаете мне сосредоточиться, я занята важным делом, высиживаю птенцов». Он перелетал на сук дерева и неотрывно смотрел на Голубку. Он был всегда один. У него не было подруги. Возможно, он давно потерял ее и теперь, мучимый воспоминаниями, наблюдал чужое счастье.

Голубка редко сходила с гнезда и то только для того, чтобы попить. На полу всегда стояла баночка со свежей водой. Пила она не как курица, не запрокидывала голову, а, окунув клюв, втягивала в себя воду. Пила много. Клевала корм только тогда, когда ее сменял в гнезде Голубь. Клевала с моей ладони.

Однажды я вышла кормить голубей в белом платье. Как обычно, подошла к гнезду и протянула руку, чтобы погладить Голубку. Она принялась сердито клевать мою руку и бить крылом. Клевала не больно — клюв у нее был не жесткий и не острый, но хлестала крылом изо всех сил. «Ты что, хочешь поссориться со мной? Чем я тебя обидела?» — недоумевала я. И наконец поняла: она приняла меня в белом платье за уборщицу и решила сразиться, оберегая зарождавшуюся новую жизнь. Я пошла в комнату и сменила платье на темное. Голубка встретила меня спокойно и доверчиво.

Как-то в жаркий день я увидела, что ни Голубя, ни Голубки в гнезде нет, а яички лежат под палящими лучами солнца. Что же случилось? Куда девались родители? Ведь испекутся яйца на горячем цементе, не вылупятся голубята. Я поставила у гнезда плетеное кресло, а на спинку его накинула газету, чтобы на яйца падала тень. И тут явились родители. Они были встревожены, ходили вокруг кресла, заглядывали в гнездо. Я отставила кресло, Голубка уселась в гнездо, и опять я прочитала в глазах ее упрек: «Мы облучаем яйца солнечным светом, чтобы птенцы развивались крепкими и здоровыи, а ты наводишь на них тень. Неужели ты думаешь, что на крыше высотного дома наше гнездо тоже кто-то закрывает от солнца? Прошу, не мешай!» Я чувствовала себя пристыженной.

Прошло восемнадцать дней после того, как Голубка снесла второе яйцо. В тот день она сидела взъерошенная, к чему-то прислушивалась и в положенный час не покинула гнездо. Голубь особенно бдительно оберегал Голубку, и Старый холостяк не отваживался подлетать близко. Она беспокойно переступала лапками, и я увидела, как под ней отломилась тупая верхушка большого яйца и из скорлупки, копошась, вылезает что-то мокрое, бесформенное, похожее на вареную лапшу. Голубка все время меняла положение, чтобы не мешать птенцу высвободиться из неволи. Я стала свидетелем появления новой жизни.

Голубка не сходила с гнезда целые сутки. Под ней был новорожденный птенец и второе яйцо. Она не сидела на них, а, подогнув лапки, обогревала и заботилась о том, чтобы птенцу было удобно и чтобы он мог дышать и никакой сквознячок не прохватил его. Стояла на согнутых ножках целые сутки!

Не улетал и Голубь. Он в этот день не обращал внимания на Старого холостяка, который притулился на другом конце балкона. И чайки не кричали. И солнце в этот вечер опускалось в море какое-то уставшее, разомлевшее. А по чистому небу невидимый реактивный самолет развешивал белую сверкающую канитель.

Утром Голубка слетела с гнезда. Птенец уже оформился. Он был голый, прозрачный, разрисованный синеватыми и красными прожилками, реденькие желтые волосики покрывали его дрожащее тельце. Крылышки были величиной с фасолинку, а клюв огромный, бурый, и казалось, что под его тяжестью голова птенца сваливалась набок. На месте глаз большие, круглые, похожие на задраенные иллюминаторы, коричневые пятна. «Ну и глазастый же будет птенец!» — подумала я. Сейчас он был слепой. И неподвижный. Голубка взлетела, уселась на спинку кресла возле моего плеча и смотрела на меня, словно спрашивала: «Правда, милый у меня птенец?» Голубь осторожно переступил через птенца, подогнул ноги и вступил на дежурство. Вид у него

был гордый. Голубка пересела на перила и тщательно вычистила каждое свое перышко. А затем улетела отдыхать.

К вечеру я услышала воркованье. В первый раз. До этого мои голуби не ворковали. Воркованье было гудящим: «гу-гу-гуу». Гукал Голубь. Это он, папа, пел колыбельную своему первенцу. С этого дня Голубь ворковал часто — и когда сидел в гнезде, и когда прилетали чужие голуби. Только тогда его воркованье становилось трубным, сердитым, и я всегда могла определить, когда появляется Старый холостяк. Тогда папа Голубь ворковал угрожающе. Он выходил из гнезда и, наклонив голову, распушив перья, двигался на черного голубя, который мелкими шажками отступал, но не улетал. Голубь бодал его головой. Однажды Старый холостяк решил укрыться от преследования в мою комнату, забежал и спрятался под диван, но папа Голубь настиг его там, гонял по всей комнате, клюнул в затылок и выдрал несколько перьев, заставил вылететь вон и долго летел за ним, загоняя в глубину парка.

Я с нетерпением ждала, когда Голубка будет кормить своего птенца, а она, очевидно, старалась делать это втайне от меня. Но однажды, просидев в кресле несколько часов, я увидела, как она, взяв сбоку в свой клюв огромный клюв птенца, глубоко засунула его себе в горло и стала выдавливать в птенца корм. Его сморщенный зоб быстро наполнялся и круглел.

Каково же было мое удивление, когда я увидела, что птенца точно так же кормит и папа Голубь. Подождав, когда он закончит кормление, я подошла к гнезду. Голубь улетел. Птенец сидел, как челночок, зоб его доставал до пола, а на клюве были белые брызги. Я взяла на палец каплю, растерла, ощутила маслянистую массу, похожую на сметану. Это было голубиное молоко! Ну вот, а говорят, что птичье молоко производят только на кондитерских фабриках. Потом я прочитала, что птичьим молоком кормят своих птенцов пингвины и фламинго.

Родительское молоко шло птенцу впрок. Птенец рос не по дням, а по часам и на десятый день стал величиной с мужской кулак.

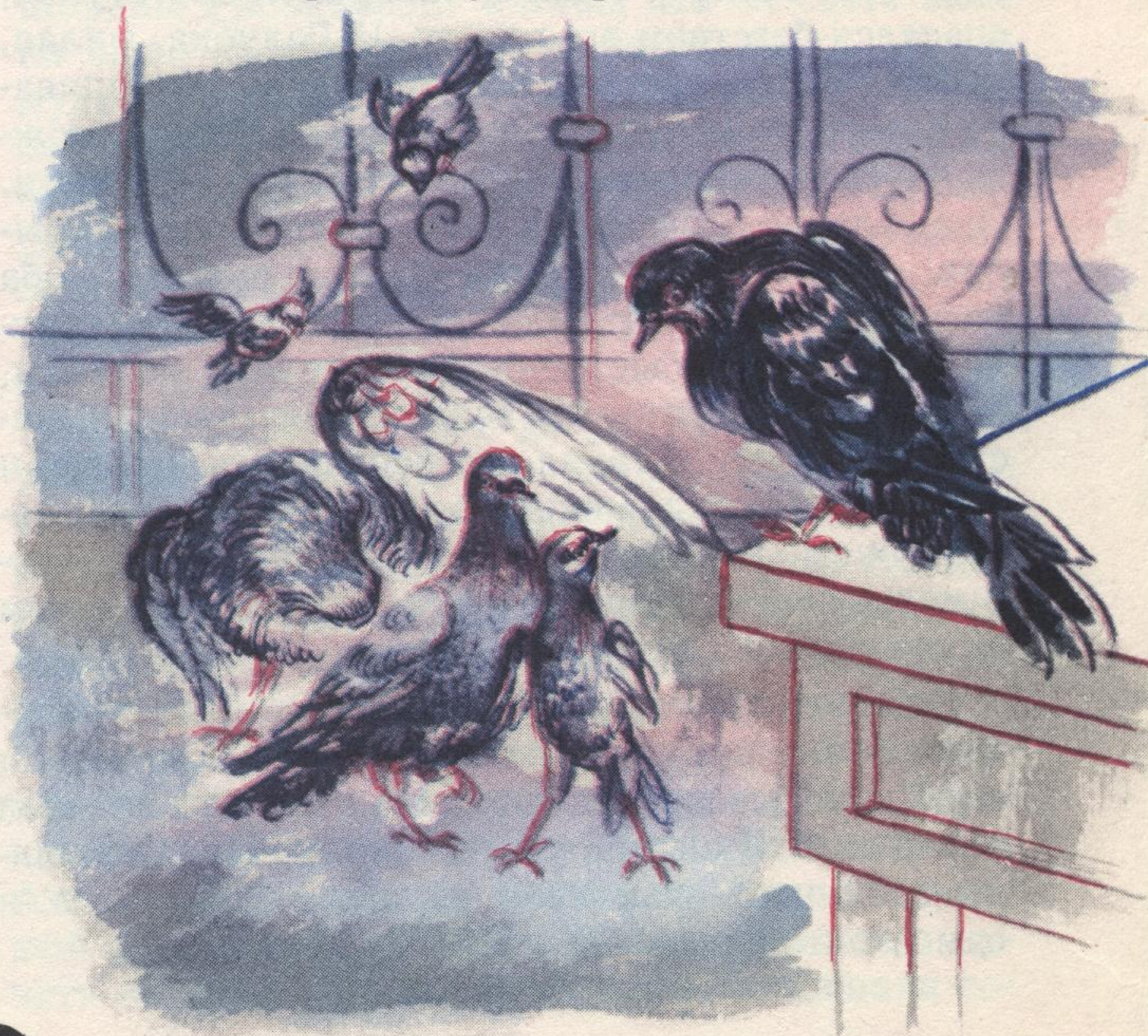
У Голубки, как у всякой мамы, которая ждет ребенка, к моменту рождения детеныша появляется молоко. Это понятно. Голубка снесла яички, и ее организм стал готовиться к тому, чтобы обеспечить питание малышам. Но как появляется молоко у папы Голубя? Я вспомнила танец на столе. Может быть, тогда, сцепившись клювами, Голубка вносила в зоб Голубя молочные палочки, которые к тому времени появились у нее в зобу? И у него тоже стало вырабатываться молоко? Ведь трудно одной прокормить двух птенцов.

Однажды ночью разразилась гроза. Небо непрестанно полыхало вспышками молний, гром грохотал над самой крышей, затем застучал град. Ветер дул в сторону балкона, и космы дождя с градом залетали даже в комнату. Я встала, чтобы закрыть дверь, и заглянула на балкон. Голубка вжалась в угол, распластав веером хвост по стене. Она стояла на вытянутых лапках, а крылья опустила так, чтобы над птенцом образовался шатер. Ледяная крупа хлестала маленькую маму, при вспышках молний ее глаза загорались, как светляки, под клювом быстро-быстро пульсировала жилка: видно, она очень волновалась. Волновалась не за себя, а за своего птенца. Сама она могла улететь и спрятаться где-нибудь под крышей. Но разве может мать бросить свое дитя? Ливень прекратился только к утру. Прилетел Голубь, он был тоже мокрый. Голубка сошла с гнезда, и они принялись чистить друг друга, взбивали перышки, чтоб они быстрее высохли, а птенец сидел на сухом месте и только дрожал. Даже второе маленькое яичко и пустая скорлупа были в целости и совершенно сухи.

На третий день после появления птенца папа Голубь собрал в гнезде все осколочки, вложил в пустую скорлупу и выкинул вон, а через несколько дней выкатил из гнезда второе яичко. Оно оказалось болтуном, без зародыша.

На седьмой день у птенца в центре коричневых кругов прорезались глазки, крохотные, с булавочную головку. А я-то думала, что он распахнет огромные глаза! Пониже глаз открылись дырочки побольше — это были слуховые отверстия — уши. Он стал вертлявым. То сидел, уткнувшись клювом в стену, то поворачивался головой в сторону солнца, стучал в зоб Голубки, требовал есть, норовил вылезть из-под матери. Голубка запахивала его крылом и подталкивала под себя клювом: сиди, мол, не высовывайся, простудишься, успеешь наглядеться, а время для завтрака еще не пришло.

На десятый день у птенца обозначились перья на крыльях, похожие на стерженьки шариковых ручек. Клюв у него стал уменьшаться, птенец покрылся пухом и стал очень симпатичный. И когда Старый холостяк вышел из своего укрытия, робко прошелся по перилам и уселся против гнезда, Голубка позволила птенцу вылезть, даже распахнула крыло, чтобы похва-

статься своим малышом. Черный голубь осмелел, слетел вниз, подошел совсем близко к гнезду. Голубка его не прогнала: пусть любуется.

Захотела взглянуть на птенца и уборщица.

— Только снимите белый халат, — предупредила я.

Мы вышли на балкон. Я взяла Голубку в руки. Птенец сидел в гнезде, как челночок, хорошо держал головку и любопытными глазками разглядывал нас.

— Какой махонький да хорошенький! — всплеснула руками уборщица. — И дрожит. Холодно ему. Посадите мать на место, волнуется она за своего детеныша.

Птенец постепенно обрастал перьями, превращался из детеныша в юношу, приучался чистить свои молодые перышки. Родители теперь часто днем оставляли его одного. На третьей неделе своей жизни он во время кормления голубей вышел из гнезда, подошел к родителям и клюнул, но, видно, ушиб свой еще не окрепший клюв о твердый пол, остановился в недоумении и, обиженный, вернулся в гнездо. И только на следующий день, проголодавшись, стал клевать вместе с родителями.

На тридцатый день отец и мать пригласили своего сына испробовать крылья. Мать и отец слетали с балкона, делали широкий круг и возвращались обратно. А птенец стоял в нерешительности, глянул вниз и, быстро-быстро перебирая своими ножками, обтянутыми красной сафьяновой кожей, побежал в свой угол. Мать рассердилась. Она распушила перья на шее и старалась вытолкнуть птенца из гнезда, заставить его полететь. А он предпочитал бегать и ночью сидеть под теплым крылом матери: ведь родители предлагали ему улететь из родного гнезда навсегда. Мать бегала за своим непослушным сыном. «Дурашка, — словно говорила она, — ты рожден для того, чтобы летать, летать быстро, легко и красиво. Ты уже взрослый. У нас иссякло молоко в зобах, чтобы кормить тебя. А люди кормят так, себе на утеху. Ты сам должен искать себе пищу». Птенец забирался под стулья, спасался бегством в комнату. И Голубка, милая, нежная мама, которая так заботливо выращивала своего птенца, закрывала его от холода, дождя и града, теперь была неумолима и строга. Она ударила своего непослушного сына крылом, отец больно клюнул сына в затылок, оба погнали его к краю балкона и насильно столкнули. Голубенок быстро-быстро засучил лапками, стараясь побежать по воздуху, но древний инстинкт птицы заставил его распахнуть крылья и полететь. Он судорожно махал крылышками, летел боком, вкривь и вкось, а потом ощутил упругость своих крыльев, легкость тела и ни с чем не сравнимое блаженство полета.

Внизу сверкала голубая речка, на море вскипали белые бурунчики волн, сосны раскачивали свои круглые кроны. Огромный мир раскрылся перед ним. И он уже уверенно взмахивал крыльями, почувствовав себя взрослым, сильным и самостоятельным.

Наталия ЮРКОВА

Свет очага

Нелегок
Дорогами горными путь —
Приятно под вечер
В аул завернуть.
Петляет дорога,
Кружит по горе,
Кончается в чистом
Уютном дворе.
Здесь ближние горы
Глядят на очаг —
И свет на граните
Трепещет, как флаг,
Приветствуя тех,
Кто прошел перевал.
С порога встречает
Гостей аксакал.
Хозяйка хлопочет,
Лепешки печет.
Родня собирается —
Гостю почет.
Кто горной дорогой
В аул к ним пришел,
Кто видел,
Как кружит над жертвой орел,
Кто слышал,
Как в небе гудит водопад
И эхо от скал
Отлетает стократ,
По козьим тропинкам
Входил в облака, —
Тот словно родной
Возле их очага.

Горный снег

Высокие горы
Уносят снега,
Туда, где проходят
Одни облака.
Ни буйвол,
Ни суслик,
Ни горный козел
Не ходят туда...
Не летает орел,
На лыжах не бегает
Там человек.
Но как там искрится
Нетронутый снег!
Ты видел, как солнце,
Что ходит над нами,
Под вечер садится
За теми горами?
Я снега с горы
Попросил у лучей —
И с гор они утром
Пригнали ручей.

НЕ ДАДИМ В ОБИДУ!

ИТОГИ КОНКУРСА «МЕНЬШИЕ НАШИ БРАТЬЯ»

Какие важные услуги оказали человеку животные? Судьба какого животного больше всего тебя волнует? Как человек помогает животным? Что тебе лично дала дружба с природой, чему ты научился, кому помог, кого защитил, как ты себе представляешь дружбу человека с природой в будущем? — на эти вопросы должны были ответить участники конкурса «Меньшие наши братья». По поручению Совета Красной тетрадки об итогах конкурса рассказывает член Совета писательница Н. НАДЕЖДИНА.

Ответы, присланные на конкурс, — это голоса ребят всего Советского Союза, с самых далеких окраин, вплоть до Сахалина. Где бы ни писались письма — в городе или в деревне, — в них настойчиво повторяется одна и та же мысль: «Человек без живой природы, как рыба без воды» (Света Литвинова, с. Заречное, Челябинской области). «Без животных человеку очень трудно прожить, он бы не достиг того, чего достиг» (Таня Лихачева, г. Глазов).

Читаешь ребячьи письма, и перед тобой словно пролетают птицы, скачут лягушки, пробегают морские свинки, проходят верблюды, ослы, овцы, коровы, северные олени — длинная-длинная вереница животных, оказавших услуги человеку.

Самое почетное место в этом параде животных ребята отводят собаке — первому другу — и лошади, «которую в поле вытесняет техника, но из памяти и души не вытеснишь» (Виктор Гришкевич, совхоз Целинный, Кокчетавской области). Инна Горшкова (г. Сланцы) гордится дружбой с кобылой Безымянкой, Марина Захарова из псковской деревни Большие Вязки лепит и рисует лошадей, Маша Янес (г. Пушкин) просит запретить фильмы, где «лошади перевертываются через голову и калечатся».

Из писем ребят о «первом друге» можно составить книгу, где будет говориться о Белке и Стрелке, проложивших человеку путь в космос, о собаке, которая, по словам академика Павлова, «вывела человека в люди», о тосте, который поднял Амундсен, открывший Южный полюс: «За собак!» «Первый друг» для ребят — пример верности, самоотверженного служения человеку, начиная с древних времен. Когда началось извержение Везувия, собака Дельта прикрыла своим телом ребенка.

Ребята пишут и о знаменитых сенбернарах Барри и Балту, которым за спасение людей, засыпанных лавинами, поставлены памятники, и о тех собаках, которые в годы войны подрывали вражеские танки, и о тех, которые сейчас стерегут границы, пасут овец, с охотником пробираются по тайге, и о своих питомцах — Бимах, Мухтарах, Шариках, Угольках.

Общее желание ребят выражено в письме Марины Рязанцевой: «чтобы все на свете собаки были счастливы» (г. Прокопьевск). И не мудрено, что после всего этого на вопрос: «Судьба какого животного тебя больше всего волнует?» — многие ответили: «бездомных собак». Добавим: «и кошек», потому что и у них много болельщиков, и, как справедливо заметила Оля Турднева (г. Чирчик, Узбекистан), «кошке тоже охота жить».

Чаще всего бросают дворняжек. «Но разве дворняжка виновата, что она непородистая? И разве дворняжка вас меньше любит?» — спрашивает Света Михеева (г. Инта, Коми АССР). А бывает и так: «купят деревянную мебель и выбрасывают живую собаку», — о чем с горечью сообщает Игорь Рубан из Волгограда.

Жалея голодных животных, которым, «наверное, во сне снится миска с супом» (Таня Хорищенко, г. Саратов), ребята подкармливают их. Андрюша Езенков (г. Астрахань) вернулся домой с синяками, но веселый: он не позволил мучить котенка. Так же бесстрашно защищали со-

бак и кошек девочки — Лена Зюзенкова (г. Могилев), Оля Тихонова (г. Лениногорск), Таня Шевякова (г. Ленинград) пристраивают уличных котят, беспризорный Тузик нашел приют и ласку в доме Оли Нусупбековой (г. Уштобе).

«Взять к себе всех бездомных», как хотели бы Ира Лучкина (г. Набережные Челны) и Сережа Пьянов (г. Первоуральск), невозможно. Лена Соколова (г. Свердловск) и другие участники конкурса поднимают вопрос о личной ответственности человека за судьбу его домашнего животного и перед обществом и перед своей совестью. Лена Соколова предлагает еще, чтобы при регистрации кошки или собаки хозяин «написал обязательство, что будет держать их до конца».

Горячее сочувствие к обездоленным животным отнюдь не означает, что интересы ребят не выходят за пределы их двора. Ребят волнует судьба занесенных в Красную книгу тигра, гепарда, кулана, белого медведя, зубра, дрофы, которых они не видели в глаза.

Болеют ребята и за обыкновенных животных. На первом месте заяц — потому, «что за ним все гоняются». Болеют за лосей, оленей. Ира Галецкая (г. Искитим) — за бурого медведя («ведь он эмблема Олимпиады!»). Алеша Герасимчук (с. Даниловское, Кемеровской области) — за ставшую редкой, потому что в нее стреляют из рогаток, птичку «синий камешек», похожую на зимородка. Саша Русанов (г. Москва) — за бабочек траурниц и павлиний глаз. (К сведению Саши, эти бабочки в числе других обитателей Подмосковья охраняются.)

Ребята хотят, чтобы живая природа сохранилась во всей ее красоте, богатстве и разнообразии — с тиграми и зайцами, с белыми журавлями и «синими камешками» — и для настоящего и для будущего, чтоб, как пишет Сережа Фаустов (г. Курск), «показать обитателям других планет, какие животные водятся на Земле».

Советское государство и общественность ведут большую работу по охране природы, и ребята стараются внести в нее посильный вклад Таня Еличкина (с. Стюхино, Куйбышевской области) считает, что ответы на вопросы конкурса — «это отчет перед старшими, перед друзьями, перед самим собой. Пусть мы капельки, но сколько нас, ребят, в стране! Капелька к капельке — соберется речка, в нее вольются ручейки, получится мощная река».

Что же делают «капельки»? Почти все зимой подкармливают птиц. Запасливая хозяйка синичьей столовой Аня Волкова из Вологодской области посадила 17 подсолнухов. В зимнюю пору подшефные Саши Филиппова (с. Волчанское, Воронежской области) — зайцы и лоси. Юра Зотов и его товарищи из Мало-Малышевского школьного лесничества (Куйбышевская область) помогают егерям расставлять корзины с желудями и картофелем для кабанов.

Конечно, по знаниям и опыту юным айболитам не сравниться с Юрием Ивановичем Сударевым, о котором написала Таня Виноградова (г. Фрунзе). К нему на прием приводят архаров, котов-манулов, медведей. Он вылечил барса, которого чабаны освободили, из волчьего капкана и почти без признаков жизни доставили в город. Но и ребячья лесная «скорая помощь» всегда готова выручить зверя, попавшего в беду. Носятся по лесу зайчата и лисенок — пациенты калужанки Ларисы Антиповой (с. Дылдино), Бори Коротенко (г. Панфилов), Лены Самодуровой (с. Купля, Рязанской области). Разгуливает еж, которому без Светы Бут-Гусаим (хут. Араканцев, Ростовской области) не выбраться из копанки с водой. Резвится олененок Степка — питомец Лены Баданиной (п. Саксалах, Якутия). В городе Ташкенте если кто из ребят находит покалеченную птицу, несет ее Олегу Должникову из 238-й школы. К нему и сейчас прилетает галчонок, которого он вылечил.

Что же дала добрым ребятам дружба с природой, что им открылось, какие перемены в них произошли?

«Я научился жалости и верности дружбе, уважать все живое, защищать слабых», — Слава Карнаухов, г. Ангарск.

«У меня прибавилось знаний о родном крае, о всей нашей стране», — Таня Фролова, с. Калиновка, Пензенской области.

«Воспитывая собаку, воспитываешься сам», — Ира Козлова, г. Южно-Сахалинск.

«Я научился помнить добро, но не забывать и зло, не давать друга в обиду!» — Саша Гришков, п. Томичи, Амурской области.

«Когда мне открылась красота природы, я полюбила классическую музыку, которой раньше пренебрегала», — Лара Кулаева, Моздок.

«Теперь я думаю о том, о чем раньше не думал. Стал чутче, добрей, отзывчивей. Если кому нужна помощь — готов на все», — Сережа Саввин, с. Остроухово, Белгородской области.

«Дружить с животными — это счастье», — Лара Карпова, г. Белебей.

«В будущем, когда человек полетит на другие планеты, он будет скучать по Родине, по птицам и зверям», — Володя Пономаренко, г. Смоленск.

Вот мы и подошли к последнему вопросу конкурса.

Начнем со строчек из стихотворения Майи Семеновой (пос. Калиновский, Свердловской области):

Знаю я, верю я — дни такие придут —
Все животные дружбу со мной заведут!
Будет верным мне другом веселый олень,
Будет плавать со мною забавный тюлень.
...Будет ночью сова охранять мой покой,
И дельфины играть будут в море со мной!

Все ребята уверены, что в будущем «исчезнет позорное племя браконьеров» и дружба человека с животными «станет неразрывной».

Фантазия Гали Коршуновой (п. Студенец, Астраханской области) рисует такую картину: по городской улице спокойно шествует лось. Он провожает ребят в школу, несет на рогах их учебники, но только хороших учеников, портфели двоечников лось сбрасывает. Витя Медведев (г. Чарджоу) мечтает, что в будущем каждый городской дом превратится в зоопарк, «в домашних животных будут ходить тигры, пантеры, пумы».

А Володя Михалев (с. Ильинка, Алтай) закрывает в будущем все зоопарки и выпускает зверей на волю. Ребятам — единомышленникам Володи земной шар в будущем видится как огромный заповедник, где «звери живут в свое удовольствие» (Света Сусоева, г. Каменск-Шахтинский), где «пение птиц заменяет магнитофон» (Сережа Бережной, г. Новомосковск), где «не слышно выстрелов, мир между людьми и между человеком и животными» (Володя Гринев, г. Краснодар).

Сторонники Вити и сторонники Володи мечтают по-разному, но движет ими одно желание: чтобы дикие животные перестали бояться человека, стали ближе к людям. Конечно, не просто заслужить доверие тех, кого преследовали тысячелетия, и все же возможно. И не только в будущем, но и сегодня.

Это знает Марина Кузнецова из деревни Чупрово Вологодской области: «Когда мы ходили на вырубы за ягодами, на нас смотрели лоси из-за елок». Знает и Таня Яценко из села Макиевка на Черниговщине, у которой дикие козы возле леса брали сено из рук, а во дворе синицы клевали семечки с ладошки. Знает Сережа Макаренко (г. Каменск), к которому в сад повадился ходить еж, привыкший к блюдцу с молоком. «Я его даже гладил, и он не фыркал».

Но если ежа ударить палкой, он второй раз не придет. **Охрана природы — такое дело, которое решается и в огромных масштабах страны, всего земного шара и в сердце каждого человека.**

Участники конкурса знают по себе, как много дала им дружба с природой. «В будущем, — пишет Саша Огоньков (г. Мурманск), — не останется ни одного человека, который бы относился к природе бездушно». И вы, ребята, можете добиваться этого уже сейчас.

Поделитесь своими открытиями и радостями со сверстниками и малышами. Пусть их глаза станут зорче и умней, а сердце добрей, пусть и они научатся относиться к животным как к «меньшим нашим братьям»...

Редакция «Пионера» и Всероссийское общество охраны природы благодарят всех ребят, участников конкурса. То, что сделано ими по охране и защите животных, будет занесено в нашу Красную тетрадку.

Наиболее активные защитники животных получат грамоты и значки.

В ГОСТЯХ У ПИОНЕРОВ БААС

Маленькие сирийцы — народ удивительно трудолюбивый и жизнерадостный. Помню, в самом начале моего знакомства с Сирией меня поразила такая картина: в центре небольшого городка Идлиб среди потока машин появляется мальчишка верхом на весело скачущем ослике. И сидит он задом наперед. И беззаботно что-то напевает себе под нос. У меня дух перехватило. А им — мальчишке и ослику — все нипочем: и мчащиеся машины и сорокаградусная жара... Они заняты своим делом — везут два больших мешка и следуют своим маршрутом.

Потом в Сирии я часто встречал таких маленьких неунывающих тружеников: водовозов на осликах, пастухов в длинной до щиколоток рубашке-галлабийе, служащих в гостиницах и ресторанах, продавцов газет, жевательной резинки и лотерейных билетов.

На этой карте вы видите Сирию и государства, граничащие с ней.
1 — Израиль,
2 — территория арабского народа Палестины, оккупированная израильскими агрессорами.

В 1974 году по решению Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ) в Сирии создана пионерская организация. И теперь все ребята, которым исполняется одиннадцать-двенадцать лет, становятся ее членами.

Каждый день два часа все школьники заняты пионерской работой.

«Пионеры БААС», так называется организация, считают основной своей задачей воспитание юного поколения «в духе социализма и демократии, патриотизма и коллективизма, ненависти к империализму и сионизму».

Пионерская организация Сирии очень гордится созданием в стране пионерских лагерей. Их теперь девятнадцать, по одному в каждой области. В лагере одновременно отдыхают от одной до двух тысяч пионеров. И правительство делает все возможное, чтобы в пионерских лагерях было все необходимое для ребят, чтобы всем жилось хорошо. Живут пионеры в маленьких шиферных домиках. В каждом домике восемь человек. Их бесплатно кормят и пионерскую форму тоже выдают бесплатно.

Я видел, что пионеры любят свой лагерь. Я спрашивал: за что? Они сказали, что в лагере у них хорошие вожатые (кстати, вожатыми работают школьные учителя пионеров). И еще — у этих сирийских ребят никогда раньше не было возможности собираться всем вместе, чтобы отдыхать, ходить в походы и на экскурсии, заниматься в кружках, разговаривать у костра, и петь песни, и танцевать по вечерам, перед отбоем. И неделя в пионерском лагере стала особенной, может быть, самой любимой в году.

Но даже в эту прекрасную, самую веселую в году неделю сирийские ребята не могут забыть о том, что на Ближнем Востоке идет жестокая борьба с империализмом и сионис-

«Что поделаешь,— говорит этот маленький труженик на ослике,— семья большая, надо помогать старшим».

мом. И главная забота сирийского народа — освобождение оккупированных Израилем арабских территорий.

В результате захватнических войн, которые постоянно навязывает арабским народам Израиль, полтора миллиона арабов уже лишились родины. Империалисты США, сионисты капиталистических стран помогают Израилю деньгами и оружием. И с их помощью израильские сионисты почти в семь раз увеличили территорию своего государства. Во время войны 1967 года Израиль захватил Голанские высоты, принадлежащие Сирии.

Весь прогрессивный мир протестует против незаконных действий израильских агрессоров, поддерживает борьбу арабских народов за свою свободу и независимость.

Пионеры Сирии по мере своих сил участвуют в этой борьбе. Во многих пионерских лагерях я видел на самом видном месте боевой танк. Он напоминает: рано складывать оружие — идет борьба. Я видел в пионерских лагерях и плакаты-мишени: «Империализм», «Сионизм», «Колониализм», «Отсталость», «Разобщенность», «Спекуляция». Пионеры, целясь в мишень, учатся ненавидеть империализм и сионизм, учатся бороться с ними. Как помогать старшим в их борьбе, решают пионеры на своих сборах.

Я несколько раз задавал пионерам Сирии вопрос: кем ты хочешь стать? И почти все мальчишки отвечали: «Летчиком, танкистом». И добавляли: «Чтобы помочь народу освободить захваченную территорию и решить палестинскую проблему».

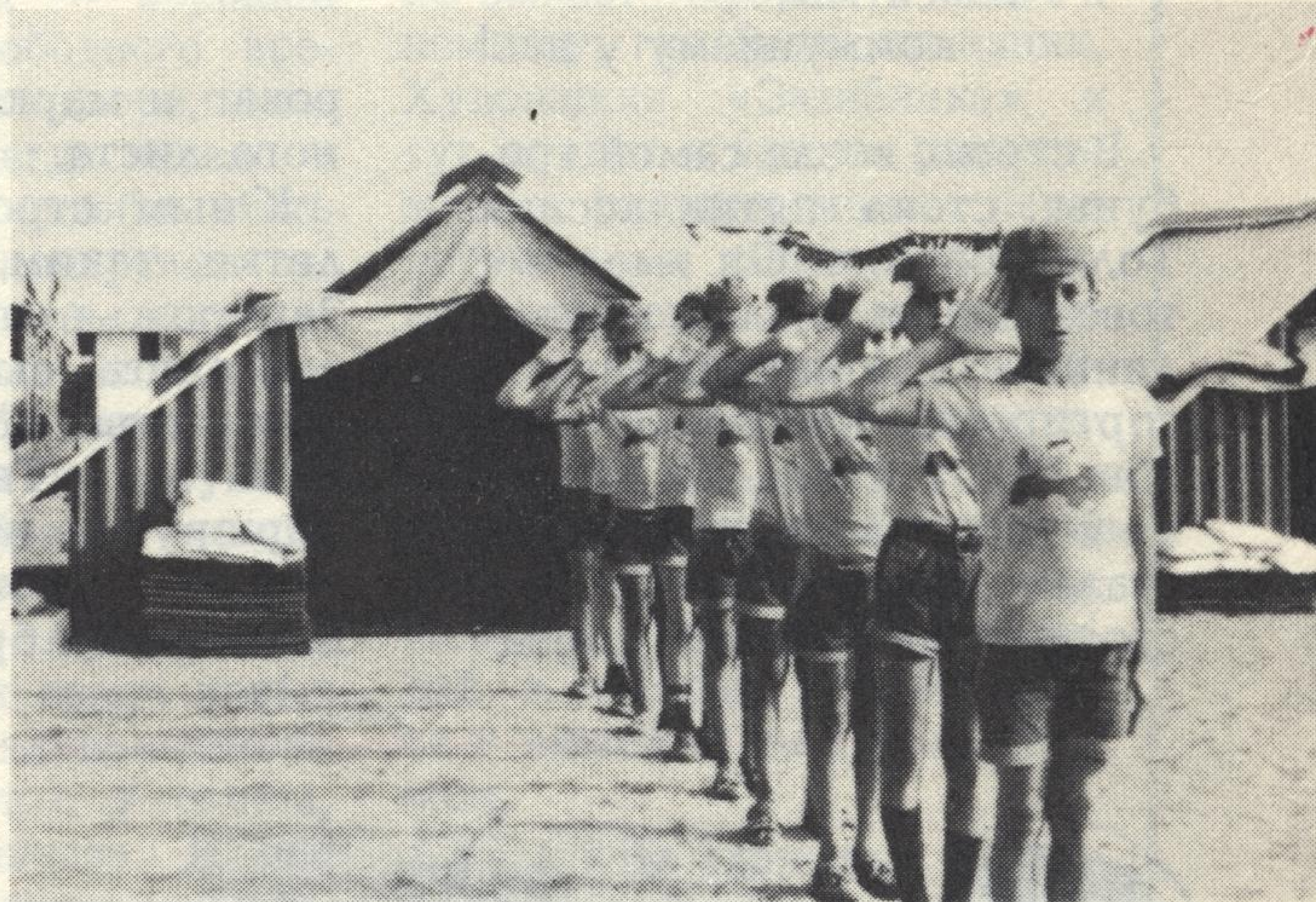
Одним из важнейших своих дел пионеры БААС считают сейчас озеленение страны, и прежде всего своих лагерей. Надо один раз проехать по барханным пустыням Сирии, где на сотни километров не встретишь ни одного деревца, чтобы понять, как важна для страны посадка деревьев. В двух лагерях — в Забадани (под Дамаском) и в Деризоре — много сосен, кипарисов и других деревьев. Там прохлада и даже в жару можно заниматься спортом.

Вот почему пионеры, когда отправляются в лагерь, берут с собой крошечные саженцы, которые пока еще растут в консервных банках. Осенью их высадят в солончаковую землю, которую будут укреплять специально привезенным красноземом. Пройдет восемь — десять лет, не меньше, прежде чем тенистые рощи украсят пионерские лагеря.

Пионеры БААС твердо верят: их родина будет прекрасной и свободной. Они знают, что для этого нужен и их труд и их участие в делах и борьбе народа.

В. НИКОЛАЕВ,
кандидат педагогических наук.

Фотографии автора.

Утро в лагере сирийских пионеров начинается с подъема флага. Пионеры выстраиваются на линейку.

Из кусков шифера, обрезков старых труб и глины пионеры мастерят модель танка.

Пятилетка и ты

«Пионерстрой» — одна из крупнейших строек десятой пятилетки. Масштаб стройки огромен — вся страна. Участвуют в ней миллионы пионеров.

Вспоминаю один из торжественных дней работы XXV съезда партии. Звучит пионерский марш. Делегаты и гости встают, аплодисменты встречают ребят в красных галстуках. Слово предоставляется юной смене:

Мы на уроке не только
в школе,
Страна трудовая —
огромный класс.
В цехах и на стройке,
На фермах и в поле
Учимся мы
коммунизму у вас!

В строю, возле самой трибуны, стоял пятиклассник Толя Попович. Он вместе с товарищами сделал модель линии механизированной сортировки стальных листов. По этой модели на знаменитом заводе «Запорожсталь» был построен настоящий автомат по сортировке и маркировке стального листа.

Юным строителям пятилетки, таким, как Толя из Запорожья, посвящена новая книга, вышедшая в издательстве «Молодая гвардия» — **«Твой главный маршрут — пятилетка».**

Вот производственная пионерская бригада из села Карабиха Ярославской области. Ребята ведут здесь опыты с растениями, помогают выращивать большой урожай. Как сказала одна из пионерок, «растению, как ребенку, надо помочь вырасти хорошим». В этих словах — доброе, хозяйское отношение к жизни. Примеру Карабихи последовали многие школы.

Иному школьнику кажется, что пятилетка — дело взрослых, что она далеко от его парты, где-то за порогом школы. Это не так.

Для каждого из вас, ребята, найдутся дела в десятой пятилетке. Собирать металлолом для поездов БАМа, сажать сады и леса, выращивать урожай, искать полезные ископаемые — все это ваш боевой, нужный народу «Пионерстрой»!

«Очень хочется,— говорит знатный сталевар В. Клюев,— чтобы вы выросли настоящими хозяевами своей страны, которые за все в ответе».

Е. ВЕЛТИСТОВ

МОРЕ В КОНЦЕ ПЕРЕУЛКА

Пятнадцать лет назад ребята с Уктусских гор, сидя у пионерского костра на окраине Свердловска, размечтались о море... о гремящих штормах, о парусах, о рифах, о коварных мелях... О море, которое не терпит трусов, белоручек и плохих людей... Размечтались и пожалели о том, что живут они на Урале, за сотни километров от ближайшего моря...

Ребятам повезло: их вожаком оказался Владислав Петрович Крапивин, который умеет увлечься ребячьими мечтами и других умеет своей мечтой заразить.

Не больно просторное Исетское озеро в мечтах превратилось в море. Потом появились на этом море настоящие парусные корабли, построенные руками ребят из отряда «Каравелла». Потом пришли на море подготовленные в отряде матросы и капитаны, для которых море стало частью души. Ребята исследовали свое море, описали его и, превратившись на время в киноколлектив, сняли на своем море настоящую морскую картину «Остров сокровищ».

С тех памятных дней прошло много времени. Ребята выросли. Владислав Петрович Крапивин стал известным писателем, лауреатом премии Ленинского комсомола, а Исетское озеро так и осталось морем, хоть по-прежнему нет его на картах.

О том, как рождалось море, о том, как росли мореходы, рассказано в книге **«Море в конце переулка»**. Прочти ее.

А. НЕКРАСОВ

Затейник

Этот случай произошел в обычный летний день в обычном московском дворе. Ребята, которые остались в городе, собирались у дома и от нечего делать просто болтали. Неожиданно к ним подошел новичок, который поселился в в их доме совсем недавно. Он сорвал одуванчик и так ловко стал дуть на него, что беленькие парашютики все время висели в воздухе. Так продолжалось несколько минут. «Вот это да...»,— сказал один. «Ну и комик»,— добавил другой.

— А вы сами попробуйте,— предложил новичок и улыбнулся. Как ни пытались ребята повторить фокус, ничего из этого у них не получилось. Тогда новичок достал из кармана две замысловато закрученные проволочки. Легкое движение рук — и проволочки разомкнулись. Попробовали повторить этот фокус и все остальные. И снова неудача.

— Хотите запустить змея — погода сегодня отличная? — предложил новичок и тут же принес несколько змеев разных размеров. Змеи взмывали вверх высоко-высоко и плавно парили над городом.

Началась с того дня во дворе совсем иная жизнь: ребята мастерили для малышей игрушки, устраивали игры, разгадывали ребусы и шарады, что-то клеили, вырезали из бумаги замысловатые фигуры, соорудили ширму для кукольного театра, а в конце недели устроили во дворе настоящий карнавал. Командовал балом-маскарадом новичок в маске Чебурашки, а в хороводе были и Крокодил Гена, и Чиполлино, и Красная Шапочка. Всем было весело, а скуку, которая царила во дворе, как рукой сняло. А новичка с тех пор ребята прозвали затейником. Он и на самом деле был затейником и всем хитростям, забавам, шуткам, играм научился в кружке Дворца пионеров.

Кто же такой затейник?

Затейник — веселый человек. Это во-первых. Затейник — выдумщик. Это во-вторых. Затейник — хороший организатор свободного времени в школе, во дворе, в лагере. С ним всегда весело и интересно. Но чтобы стать затейником в пионерском отряде, надо много знать и уметь. У новичка из московского двора хранился дома целый клад игр и игрушек, шарад и ребусов, описаний танцев и праздников. Когда он был в «Артеке», то расспросил всех своих новых друзей и записал национальные игры ребят с Украины, Белоруссии, Кавказа. И все это принес в пионерскую комнату, где хранилась школьная игротека.

У пионерских затейников много друзей — артисты театров и цирков, участники художественной самодеятельности. Есть у них и постоянный советчик и подсказчик — **альманах «Затейник»**, приложение к журналу «Вожатый». «Затейник» можно купить в киосках «Союзпечати». Его тираж — 300 тысяч, и каждая дружина может иметь у себя «Затейник».

В этом году альманах отметил свое десятилетие. Двадцать один раз приходил он в гости к вам. И всегда с сюрпризами — новыми играми, шарадами, загадками, сценариями праздников, и обязательно с новыми песнями, танцами.

Очень часто ребятам трудно бывает оформить зал и комнату, где будет праздник. Художники «Затейника» и тут придут к вам на помощь: многие рисунки можно перерисовать, а юным художникам останется только увеличить их в размере. В «Затейнике» вы найдете спортивные игры на местности — и летние и зимние. Очередной выпуск «Затейника» расскажет вам о самых разных играх, в которые играют ребята в нашей стране и за рубежом.

Если ты хочешь, чтобы каждый ваш праздник был веселым и неожиданным, если ты хочешь, чтобы никто вокруг тебя не скучал,— становись затейником.

Может ли быть праздник скучным, да еще такой, как новогодняя елка в школе? К сожалению, может.
А как сделать его интересным? Откуда берется хорошее настроение?

Об этом в штабе «Горн» говорит с тобой вожатая Всероссийского пионерского лагеря «Орленок» Лена БОЙКО.

С чего начинается ПРАЗДНИК?

С хорошего настроения. Открываешь коробку со старыми новогодними игрушками и видишь среди порыжевшей ваты и опилок свой любимый блестящий голубой шар. Последний урок, последний звонок, и десять дней радости впереди — каникулы! Входишь в знакомый школьный зал, а он полон твоих друзей, и за одну ночь выросла на желтом паркетном полу елка. Хорошо! Какой это замечательный праздник — Новый год.

Однажды ребята одной пионерской дружины сказали мне грустно: «Для кого праздники, а для кого заботы». Оказывается, у них в дружине новогодний праздник готовила лишь группа ребят, а остальные? Пришли, посмотрели, оценили — и, поскучав, отправились по домам...

Чтобы не получилось так у вас, постарайтесь не забыть, что САМОУПРАВЛЕНИЕ — это значит сами придумали, сами подготовили, сами провели. Все вместе. Хорошее настроение начинается именно с этого — все вместе начали готовиться к празднику.

Одни занялись елочными игрушками, другие изобретают маскарадные костюмы, третьи разучивают новые игры, чтобы потом показать их товарищам. И тогда, ручаюсь, всем будет весело.

Итак, начинаем. Дружно. Все вместе. Отправляемся в поход за хорошим настроением!

Наш первый маршрут в Дом пионеров и в библиотеку. Там нам подскажут, как лучше взяться за дело, какие прочитать книжки, какие разучить игры, как сшить маскарадные костюмы, склеить игрушки на елку.

Можно заглянуть и в соседние пионерские дружины. Поучиться у товарищей никогда не стыдно. Да и вы к ним придете не с пустыми руками, что-то у вас уже получилось отлично, что-то получится, если дружно взяться за дело.

Вот смотрите, какой интересный костюм придумал москвич Сережа Ванюшкин (он же Солнечный Дождь, вождь индейцев). Кто захочет смастерить такой костюм, внимательно прочитайте объяснения Сережи.

ПЕРЬЯ. Сначала нарисуйте перо на листе плотной бумаги, сложенной вдвое. Раскрасьте его и аккуратно вырежьте. Потом между двумя половинками пера вставьте стержень из проволоки и склейте обе половинки. Конец стержня обмотайте красными нитками, а на верхний конец пера приклейте красную кисточку. Для головного убора понадобится несколько перьев.

РУБАШКА. Обыкновенная однотонная рубашка, которая надевается через голову. Вдоль рукавов и на плечи пришейте полосы с орнаментом и бахромой. Спереди на месте разреза вставьте клин.

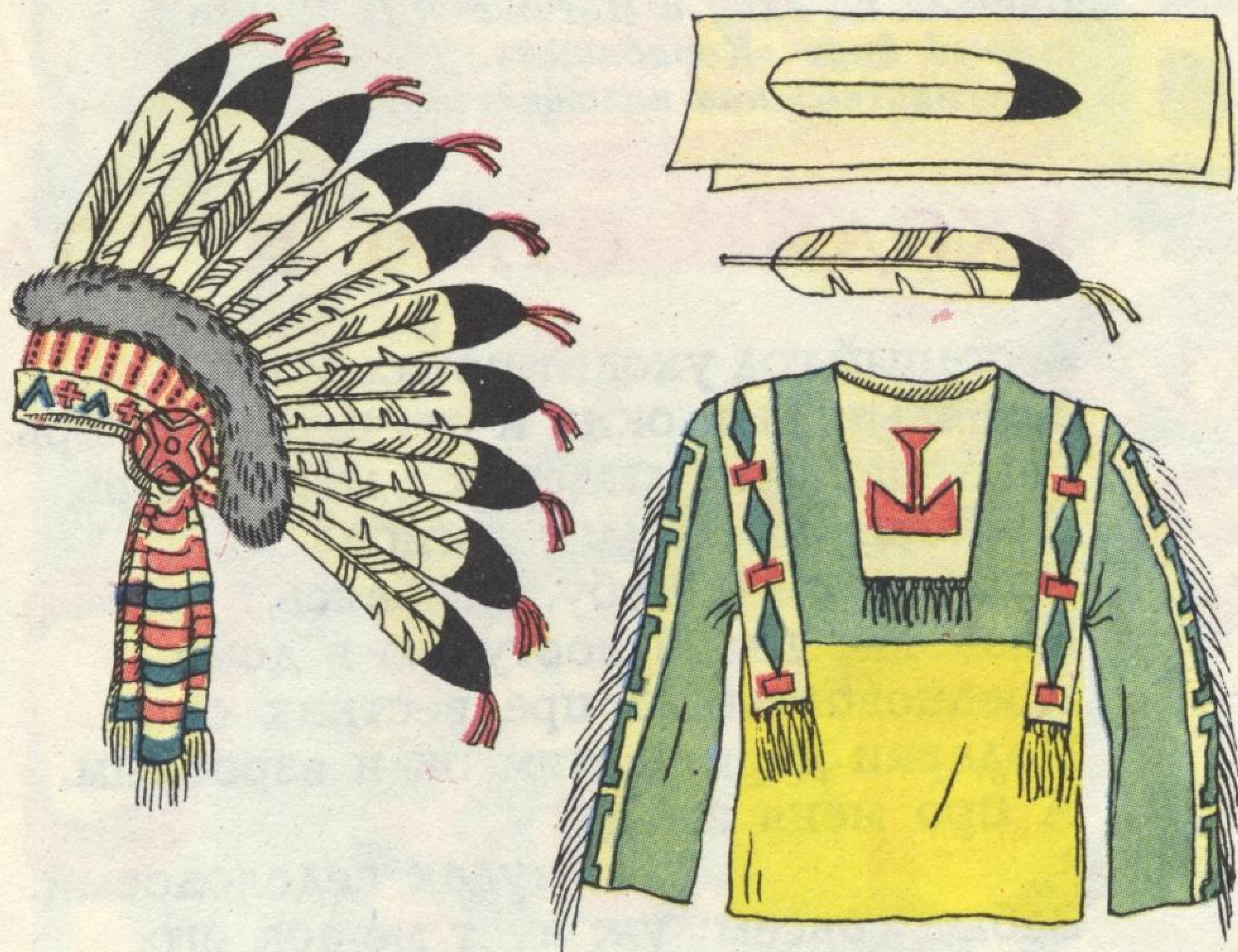
ЛЕГИНЫ. Индейские кожаные брюки из двух отдельных штанин. Возьмите старые брюки, отрежьте штанины так, как показано на рисунке, и прикрепите их к поясу. По бокам пришиваются полосы с бахромой.

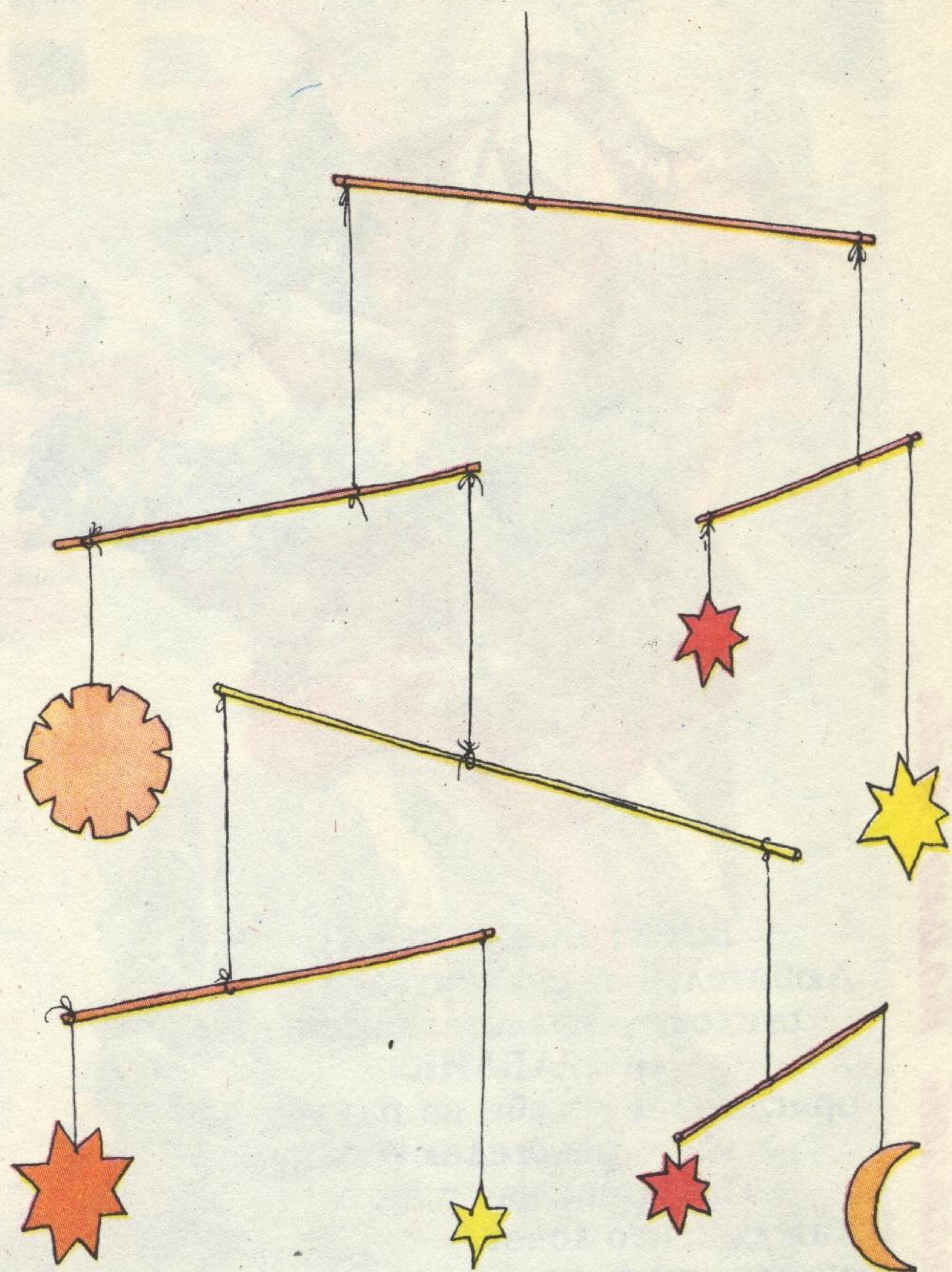
ПЕРЕДНИК. Его можно сделать из длинной широкой полосы материи и на концах нарезать бахрому.

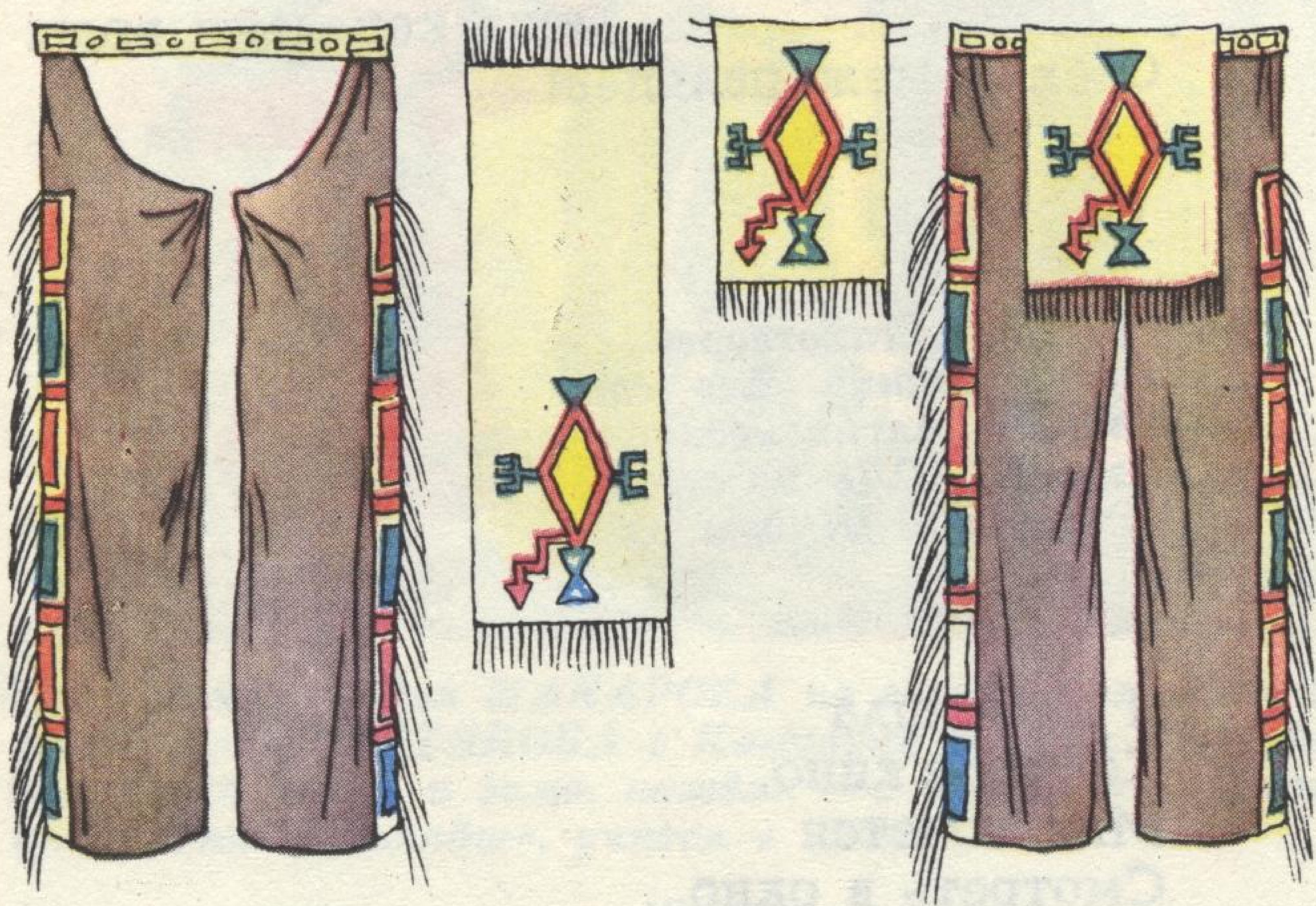
МОКАСИНЫ. Вместо мокасин сгодятся кеды или другая спортивная обувь, если вы ее раскрасите так, как показано на рисунке.

ТОМАГАВК. Лезвие томагавка можно вырезать лобзиком из фанеры и покрасить серебряной краской. Ручку сделайте из палки. Верхний конец ее распиливается, и в пропил вставляется фанерное лезвие. Прикрепите его к ручке тесьмой, кожаным ремешком или дратвой. Томагавк можно украсить перьями, бахромой, орнаментом.

Так же можно сделать копье и нож

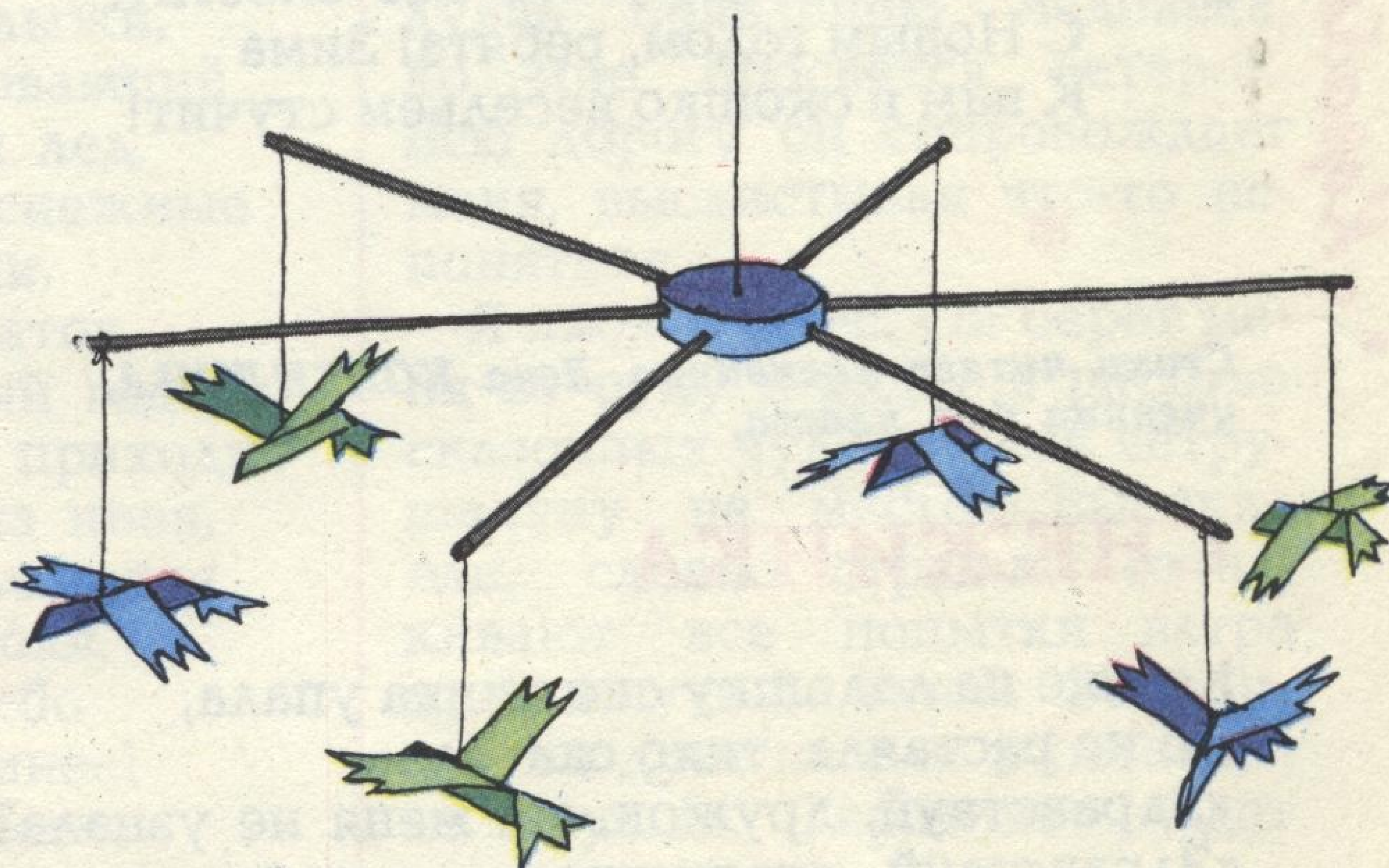

Это украшение, или игрушка, называется «мобил» — подвижный. Сделать его очень просто. К концам тонкой палочки подвешиваются легкие игрушки из бумаги, фольги, тонкой фанеры и т. п. Эта система подвешивается к другой палочке и уравновешивается отдельной игрушкой или такой же системой. И так далее. Не нужно увлекаться разнообразием или сложностью игрушек: прелесть мобила в постоянном легком непроизвольном движении. Второй мобил сделан по принципу карусели. Может быть, вы придумаете еще какие-нибудь?

Мы приглашаем всех читателей на наш заочный карнавал. Условие одно: все должны быть в маскарадных костюмах своего изобретения.

Дорогие ребята! Какие маскарадные костюмы придумали вы? Нарисуйте их и пришлите в редакцию.

Авторитетное жюри рассмотрит все костюмы, и самые оригинальные мы напечатаем в журнале.

*«Кораблик» * Журнал в журнале * Печатает только тебя*

ВСЕХ! ВСЕХ! ВСЕХ!
Любителей и сочинителей стихов, рассказов, песен «КОРАБЛИК» приглашает к себе на палубу на веселую новогоднюю елку.
Праздник начинается!
Каждый, кто хочет, читает, что хочет, о снеге, каникулах, Новом годе!

Оля МАЛОВА, восьмиклассница из Татарии, из города Бугульма, прочитала стихотворение

С НОВЫМ ГОДОМ, РЕБЯТА!

Новый год на земле наступил,
И мороз начал за нос кусаться.
Синий иней деревья покрыл,
И снежинки на землю ложатся.
Серебром отливает земля,
Все красиво кругом, все блестит.
С Новым годом, ребята! Зима
К нам в окошко весельем стучит!

*

Стихи читает москвичка Лена КОПТИЛИНА, ученица 4-го класса.

СНЕЖИНКА

Ко мне на ладошку снежинка упала,
Но не растаяла, тихо сказала:
«Здравствуй, дружок, ты меня не узнала?»
«Здравствуй, снежинка»,— я прошептала.

Пришла на елку и Наташа ЛИТВИНОВА, старый друг «Кораблика». Ее стихотворение называется

УХОДИТ СТАРЫЙ ГОД

А старый год уходит потихоньку,
Заглядывает в окна и стучится в дверь.
Ведет подсчет людских удач, потерь,
Поочередно пальцы загибая.
Он кутается в шубу, улыбаясь,
И входит тихой поступью в дома,
Предновогоднего предвестник сна.
Подарки дарит детям он и взрослым,
А про меня забыл,
чудак седоволосый.
Забыл совсем: уж пуст мешок его.
Тогда, как в старину,
с плеча со своего,
Он дарит шубу мне...
Лишь капельки воды
Стекли меж пальцев!

*

Еще одно стихотворение про снежинки. Его сочинила пятиклассница Лена КОРОЛЬ из северного города Печоры.

* * *

Я не пошла
Сейчас в кино,
Мне хочется
Смотреть в окно...
Падают снежинки
За моим окном,
Будто белый лебедь
Машет мне крылом!

КАРУСЕЛЬ.
Наташа НИЗОВЦЕВА.
10 лет.

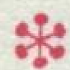
Три девочки — Оля МАКАРОВА из города Билимбая Свердловской области, Лена ЧИСТЯКОВА с Камчатки и Лена БАСОВА из Грозного — прочитали стихи о зиме, каждая — о своей. Обе Лены — семиклассницы, а Оля—помладше, учится в пятом.

СВАДЬБА.
Света ЗОЛКИНА.
8 лет.

Оля МАКАРОВА

НА ЛЫЖАХ

Опять зима! И снег на поле,
В лесу, на речке и в саду.
Мне очень радостно сегодня!
Я в лес на лыжах побегу.
Как хорошо! Здесь чистый воздух.
Я вижу дятла на сосне,
С горы несусь — и все мелькает!
Как нравится кататься мне!

Лена ЧИСТЯКОВА

НАША ТУНДРА

Наша тундра-белоснежка
Вся белым-бела.
На собаках прокатиться —
Вот моя мечта!
Нет собак — так на оленях
Я умчусь вдаль,
Словно в сказке Андерсена,
Я не Лена —
Мальчик Кай!

Лена БАСОВА

ЗИМА

Зима — это санки,
Зима — это лыжи,
Речушку сковавший
Сверкающий лед.
Зима — это снежные
Белые крыши,
Снежки и каток,
И еще Новый год!
Зима к нам приходит
В накидке из инея,
Снежинки ложатся
За ней на поля.
А зимнее небо
Такое все синее!
И спит, отдыхает
Зимою земля.

Напоследок выступила Полина ДЕШКИНА из Якутии. Полине 13 лет, живет она в городе Мирном, занимается в литературном объединении «Кимберлит».

НОВЫЙ ДРУГ

На улице пусто. Тихо падает снег. Я надеваю пальто и выхожу на улицу. Словно радуясь появлению человека, ко мне бросается ветерок. Всю дорогу он сопровождает меня, высвистывая что-то непонятное.

Я вхожу в лес. Он берет меня за руку и ведет в царство сказочных чудес. Здесь ветрушалуну не место. Высокие ели, словно стражи, отталкивают все попытки ветра проникнуть за мной. Он обиженно дует на ели и остается на опушке. Терпеливо ждет меня.

КАДРЫ ГЕРОИЧЕСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Поселок на трассе.
Г. ЧЕРЕМУШИН

В Центральном выставочном зале Москвы осенью этого года была открыта большая выставка, которая называлась «Десятая пятилетка великой стройки».

Больше тысячи акварелей четырехсот художников нашей страны можно было увидеть на этой выставке, почти девяносто тысяч человек познакомились с ними. На выставке побывали взрослые и школьники, москвичи и приезжие — люди со всех концов нашей страны. И вся наша страна развертывалась перед их глазами — центр и окраины, север и юг, восток и запад... Не удивительно: художники рисовали стройки десятой пятилетки, но ведь вся наша страна — это великая стройка, где мы, все вместе, создаем новый, прекрасный мир!

Три кадра нашей героической летописи — БАМ, Самотлор и один из олимпийских объектов — видишь ты на этой странице.

На строительстве велотрека в Крылатском.
М. РОЙТЕР
(Из серии «Москва олимпийская»).

На Самотлоре.
В. ШЕЛКОВ
(Из серии «На пороге Полярного круга»).

ОТ ТРАКТОРА ДО КОСМИЧЕСКОГО ЗАВОДА

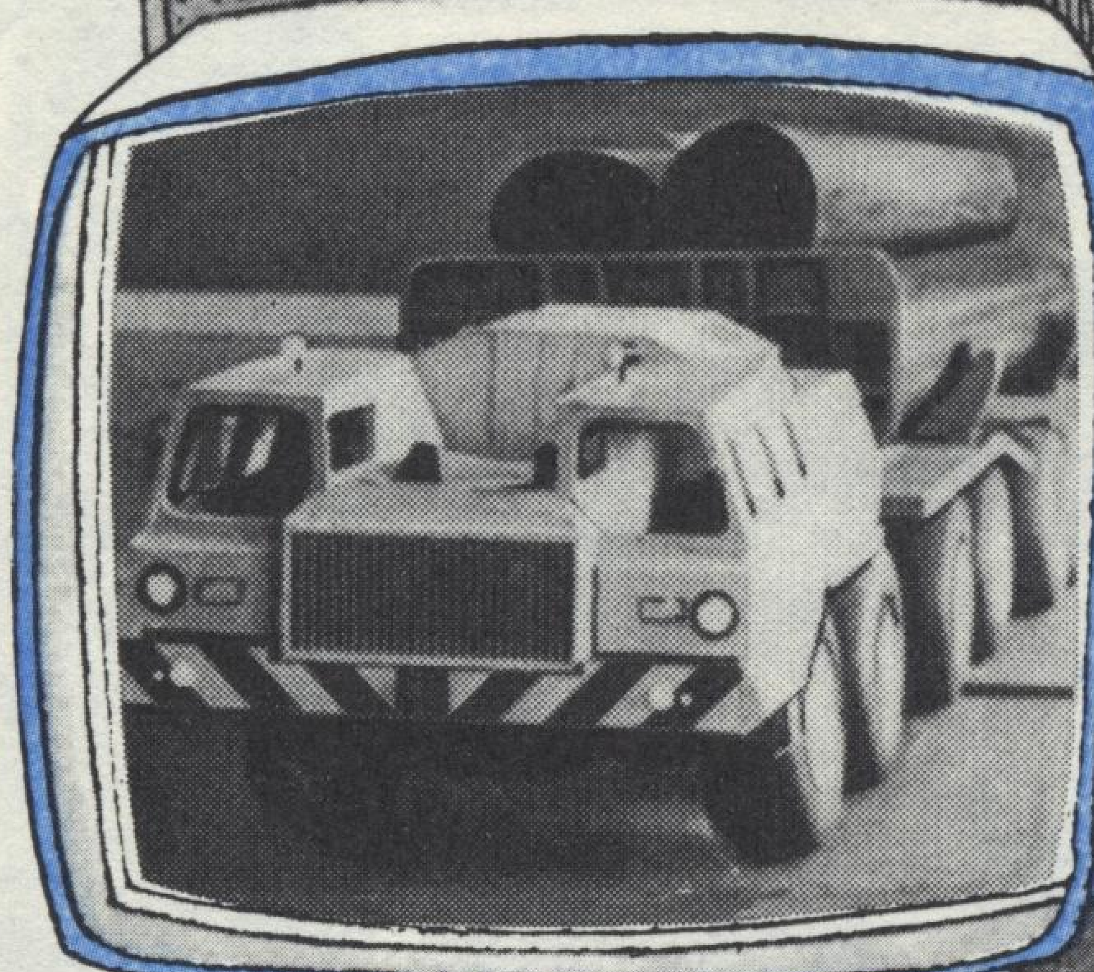

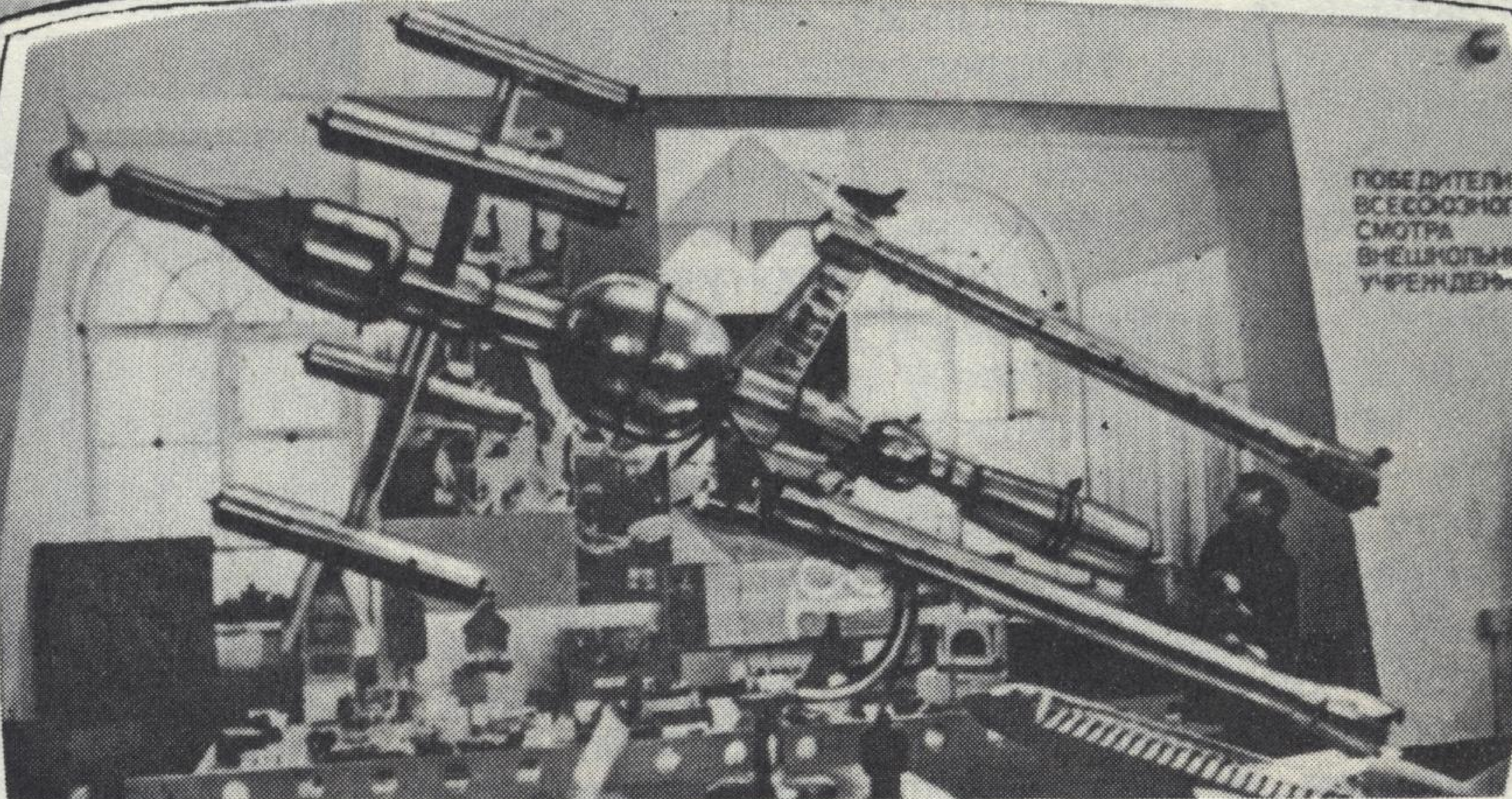
Знаешь ли ты, что изобретения в нашей стране делают не только опытные инженеры и рабочие? Недавно, например, авторское свидетельство получил пятнадцатилетний ученик ПТУ Виталий Петровский из белорусского города Барановичи. Он изобрел новую конструкцию разводного моста — очень простую и удобную. Таких ребят, как Виталий, можно было увидеть в этом году на юбилейной выставке научно-технического творчества молодежи в Москве. Выставка НТТМ-78 посвящалась 60-летию ВЛКСМ и XVIII съезду Ленинского комсомола.

НТТМ-78 — это 10 000 экспонатов.

НТТМ-78 — это 40 000 участников.

НТТМ-78 — это рассказ об участии молодежи в делах десятой пятилетки, о творческом труде, поиске, открытиях.

Перед тобой — три модели: орбитального завода «Советская Россия», трубовоза-гиганта (слева) и гусеничного карьерного экскаватора (вверху).

КОСМОДРОМ В ПОДМОСКОВЬЕ

— Придет время, когда корабли и космические станции будут доставляться на орбиту по частям. А на таких орбитальных заводах, как наш, их соберут и, если нужно, отремонтируют, — рассказывал мне семиклассник Алексей Поветкин.

Алексей — один из создателей макета долговременного сборочно-ремонтного орбитального завода «Советская Россия».

Возле этого экспоната на выставке всегда многолюдно. Школьники и взрослые обсуждают

проект, спорят, предлагают свои варианты размещения цехов и блоков.

— Завод действительно интересный,— сказал после осмотра дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР Петр Ильич Климук.— Авторы, конечно, дают волю фантазии, но в то же время учитывают реальные пути развития космонавтики. Именно этот сплав фантазии и точного расчета выделяет проект пушкинских школьников из множества подобных работ.

Кружок космического моделирования в подмосковном городе Пушкино существует всего три года. За это время работы юных моделистов побывали на многих всесоюзных и зарубежных выставках, завоевали высшие награды на ВДНХ СССР и на всесоюзных конкурсах «Космос».

Как рождаются такие модели, как орбитальный завод?

Сначала модель появляется в блокнотах, в школьных альбомах для рисования. Каждый из кружковцев предлагает свой вариант, каждый защищает свой проект, а уж потом все вместе отбирают лучший, изменяют его, дополняют. По признанию десятиклассника Константина Добровольского, «придумать всегда труднее, чем сделать». Костя в кружке считается «теоретиком», но он не хуже других управляется со сверлильными и шлифовальными станками, разбирается в радио- и электросхемах, владеет паяльником и слесарным инструментом. Облечь идею в металл, «оживить ее», сделать действующей — труд огромный.

И, может быть, главное, чему учатся здесь ребята,— это трудолюбие и терпение, тщательность и точность в работе.

— И еще они учатся заглядывать за горизонт,— говорит их педагог Константин Николаевич Мурашов, бывший летчик, человек, отдавший тридцать три года небу и людям.— Наша цель — раскрыть способности ребят, подготовить творчески мыслящих, ищущих людей, способных проявить себя и за станком, и за кульманом, и за штурвалом космического корабля.

На этом тренажере учатся управлять самосвалом МАЗ-503.

РАЗГОВОР С РОБОТОМ

Оператор нажимает кнопку на пульте, и пять резиновых пальцев бережно обхватывают лампочку.

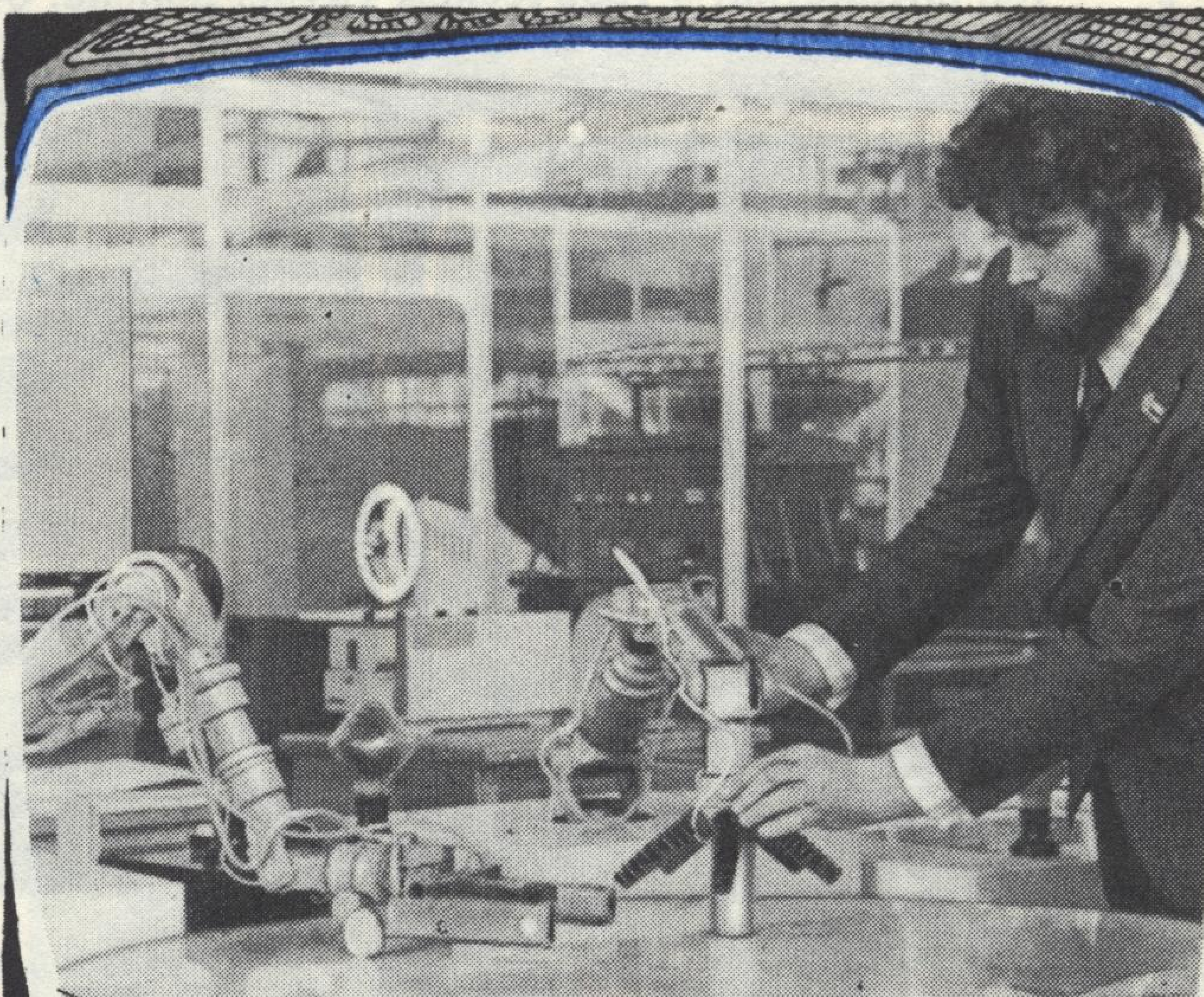
Несколько четких движений, и лампочка вкручена в патрон. Словно проверяя качество своей работы, рука поворачивает выключатель. Вспыхивает свет.

На другой руке робота ЛПИ-2, созданного молодыми ленинградскими конструкторами, всего два пальца. Как клешней, она цепко хватает предметы, действует быстро и ловко.

Но, главное, пожалуй, даже не в ловкости механических рук. ЛПИ-2 — один из немногих пока роботов, который понимает человеческую речь.

Вот оператор берет в руки микрофон, четко произносит: «Вверх!» — и в тот же миг железная рука начинает подниматься.

— Вправо! Влево! Вниз! Стоп! — звучит голос человека, и робот послушно выполняет все его команды.

Две механические руки робота ЛПИ-2: на правой два пальца, на левой все пять.

ТРАКТОР-МАЛЮТКА

«Мухнари» — так по имени поселка вблизи Кутаиси назвали маленький трактор грузинские инженеры. «Мухнари» незаменим для работы на крутых горных склонах, небольших полях, приусадебных участках...

— Мы сделали для нашего трактора набор сменных орудий,— рассказывал Нукзар Кварикашвили, один из создателей машины,— хотим, чтобы он умел многое: опрыскивать виноградники, пахать и культивировать землю, косить траву, копать ямы и даже пилить дрова. Мы думаем, что со всеми этими работами наш «Мухнари» вполне справится. Он хоть и маленький, но сил у него, как у пяти лошадей...

ЧЕЛОВЕК ЗА ПУЛЬТОМ

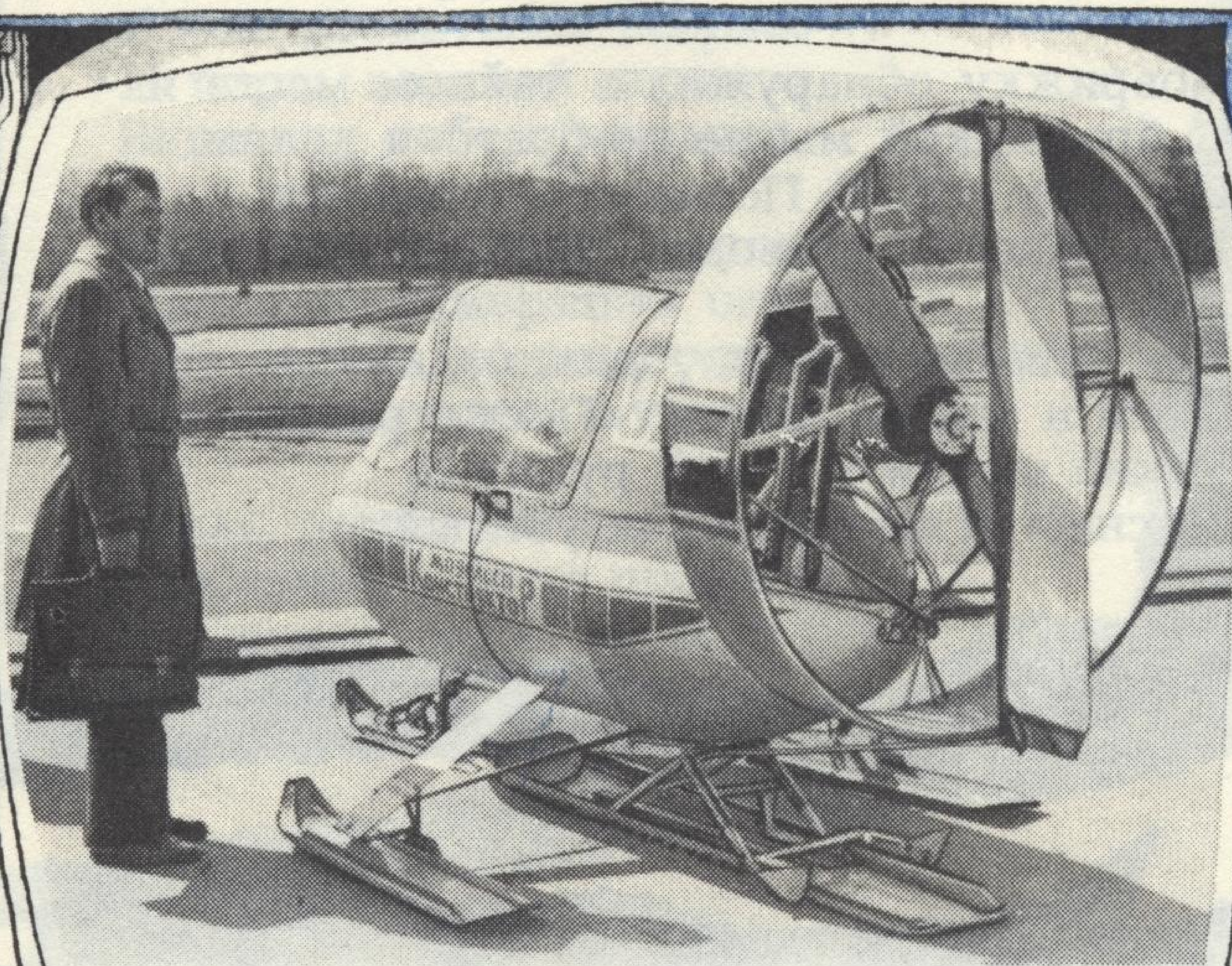
Ребята из кружка технического творчества Севастопольского технического училища имени Ю. А. Гагарина построили тренажер для шоферов. Вот он на снимке.

Установка состоит из двух частей — модели самосвала МАЗ-503 и пульта управления. Пульт в точности повторяет место водителя в кабине МАЗа — те же баранка, рычаг переключения скоростей, педали газа, тормоза, сцепления...

Человек за пультом поворачивает баранку, переключает скорости, а маленький самосвал по соседству в точности повторяет все заданные фигуры. Вот он повернул вправо, влево, остановился, пошел задним ходом, поднял кузов. Наблюдая за маневрами машины, водитель видит свои ошибки, неточности в управлении.

БЕЛОРУССКИЙ ТРУБОВОЗ

Эту модель трубовоза будущего сделали молодые специалисты Белоруссии. Через несколько лет на дорогах нашей страны появятся и такие гиганты, созданные на БелАЗе.

Аэросани с мотоциклетным мотором.

НОВЫЙ ЭКСКАВАТОР

На снимке — модель карьерного гусеничного экскаватора ЭКГ-20. Ее сделали Анатолий Зубехин, Петр Данило, Владимир Домбровский из Днепропетровского технического училища. Настоящий экскаватор этой модели еще только начинают выпускать на Уралмаше, а модель ребята приготовили еще в прошлом году. Они хорошо изучили конструкцию ЭКГ-20, познакомились на действующей модели с тем, как она работает. Потом им будет легче осваивать настоящую машину в карьерах под Якутском или Курском... Да мало ли на каких угольных и железорудных месторождениях нашей страны будет работать новый экскаватор!

ПО СНЕГУ С ВЕТЕРКОМ

В нашей стране создано немало моделей аэросаней, но такие маленькие аэросани-мотоцикл созданы, пожалуй, впервые. Молодые новаторы В. Мальцевский и А. Подомацкий вместо ставшего уже привычным авиационного двигателя поставили два мотора от мотоцикла ЯВА-250. Аэросани-мотоцикл развивают скорость около 50 километров в час, везут 200 килограммов полезного груза. Они могут пригодиться, например, для перевозки почты в районах Крайнего Севера.

А. МАКСИМОВ, С. НИКОЛАЕВ.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА

Фотографии В. ЧЕЙШВИЛИ, С. ЗИГУНЕНКО

«Мухнари» — маленький трактор-универсал.

Стихи Валентина Берестова рисунок Анатолия Борисова

Декабрьские снега

Нарастают снега. Сокращается день.
Год проходит. Зима настает.
Даже в полдень за мной великанская тень
Синим шагом по снегу идет.

Снег, свисая, с еловых не сыплется лап,
И синицы свистят без затей.
Сколько снежных кругом понаставлено баб,
Сколько снежных кругом крепостей!

Незаметно закатом сменилась заря,
И снега забелели из тьмы.
Я люблю вас, короткие дни декабря,
Вечер года и утро зимы.

Родители ушли в театр

Кто ж спит, когда в театр ушли родители!
Глухой удар подушки о подушку
И ликованье громкоговорителя,
Включенного на полную катушку.

До возвращенья взрослых далеко еще.
По радио резвится оперетта.
В трех действиях идет у нас побоище,
В антрактах — посещение буфета.

Коврижку обнаружил в тайном месте я.
С братишкой мы ее по-братски делим,
И снова в бой! Последние известия
Нас наконец разводят по постелям.

И в тишине я слышу долгожданные
Шаги и мамин шепот: «Посмотри ты,
Какие щечки у детей румяные
Во сне!» И засыпаю как убитый.

В двенадцать лет я стал вести дневник...

В двенадцать лет я стал вести дневник
И часто перечитывал его,
И всякий раз мне становилось стыдно
За мысли и за чувства прежних дней,
И приходилось вырывать страницы.
И наконец раздумьями своими
Решил я не делиться с дневником.
Пусть будут в нем одни лишь впечатленья
О том, что я увижу и услышу.
И что же? Очень скоро оказалось,
Что впечатлений нету никаких.
Дом, улица и школа... Дома — книги,
И в школе — книги, и с Вадимом, с другом,
Мы то и дело книги обсуждаем.
А если я по улицам хожу,
То ничего вокруг себя не вижу,
Одни мечты плывут, как облака...
Но как-то раз я в уголке странички
Нарисовал кружок и две косички.
О впечатленье этом сотни строк
Я б написал. Да не посмел. Не смог.

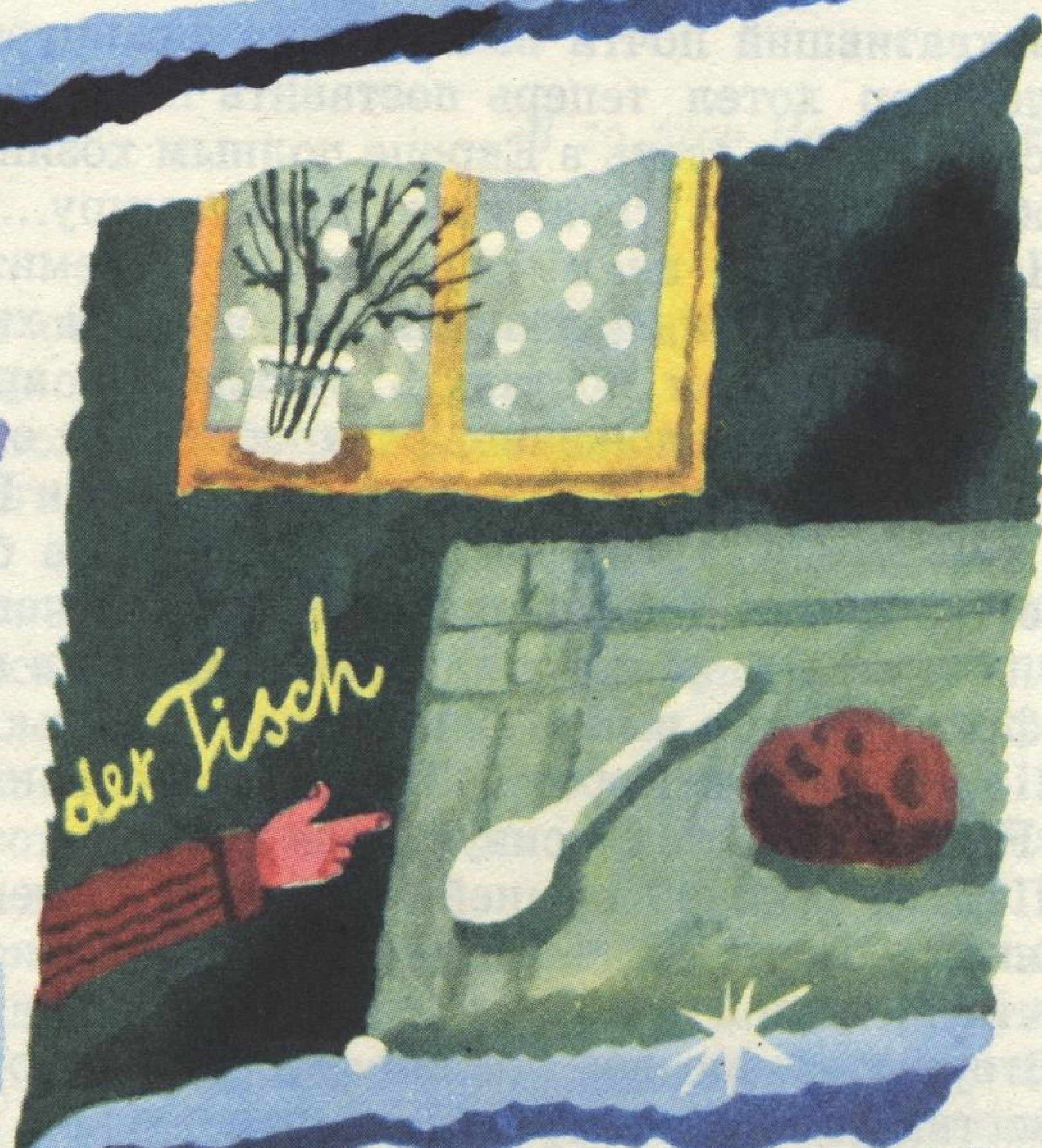
Винтовка

Из дерева вырезал ловко
Приклад, затвор и курок.
Вылил на эту винтовку
Лиловых чернил пузырек.

Лиловой винтовкой, не скрою,
Я сам восхитился всерьез
И перед военной игрою
Винтовку тебе преподнес.

Винтовка лиловой окраски,
Цветы на замерзшем окне...
При всех к командирской повязке
Звезду пришивала ты мне.

Жаль, помешала погода
Сраженье в бору провести.
...Февраль сорок первого года.
Метель заметает пути.

Навек уедет лучший друг

Навек уедет лучший друг,
Уедет и — ни звука.
Нет безнадежнее разлук,
Чем детская разлука.
Ты говоришь: «Уехал он!»
Но это ж значит — увезен.
Ведь человек лет десяти
Не властен в выборе пути.

Не по душе и не с руки
Над письмами трудиться.
Хоть буквы слишком велики,
Да нет конца странице.
Пусть ты испишешь всю тетрадь,
Но с другом вам не поиграть,
А без игры и дружбы нет,
Когда вам только десять лет.

Учу немецкий

Окно — «дас Фенстер», стол — «дер Тыш» —
Ты по-немецки говоришь.
В Берлине или в Бремене
Должны вполне серьезно
Мы вместо «Сколько времени?»
Спросить: «Как это поздно?»
На языке немецком нет
Вопроса: «Сколько тебе лет?»
Там задают для простоты
Другой вопрос: «Как стар есть ты?»
«Я стар одиннадцати лет»,—
Примерно так звучит ответ.
С заглавной буквы пишут там
И Ложку и Картошку,
Чем уважение к вещам
Внушают понемножку...
Какой чудной чужой язык!
Глядишь, и ты к нему привык.

Я. ГОРДИН

БОРОДИНСКАЯ БИТВА

Рисунки Н. ГРИГОРЬЕВОЙ

В этом году мы особенно часто вспоминали Льва Николаевича Толстого: исполнилось 150 лет со дня рождения гениального писателя. Думая о Толстом, мы неизменно вспоминаем «Войну и мир», роман, рассказывающий о народной войне России против наполеоновского вторжения.

В этом великом романе есть удивительные страницы, посвященные Бородинскому сражению.

Ясным сентябрьским утром 1867 года на одном из холмов Бородинского поля стоял широкоплечий, бородатый человек и, пристально осматриваясь вокруг, чертил на клочке бумаги план местности.

Это был Лев Николаевич Толстой. Он изучал места, где 55 лет назад происходило Бородинское сражение. В огонь этого сражения послал Толстой своих любимых героев — Андрея Болконского и Пьера Безухова.

Гениальный писатель и боевой офицер Лев Толстой сумел так увидеть и понять события, происходившие на этом поле в сентябре 1812 года, как никто из историков.

Ранним сентябрьским утром 1867 года Толстой смотрел с того кургана, где когда-то был командный пункт Кутузова, и видел поле таким, как оно выглядело полвека назад: «Вся местность была покрыта войсками и дымами выстрелов...».

Скоро, наш дорогой читатель, ты встретишься с романом «Война и мир». И если сегодня ты прочитаешь наш очерк, в котором последовательно показаны главные моменты Бородинского сражения, тебе легче будет разобраться в толстовском описании битвы.

Наполеон не знает поражений

24 июня 1812 года 450 тысяч солдат наполеоновской «Великой армии» перешли Неман и вступили в пределы Российской империи.

Захвативший почти всю Европу французский император хотел теперь поставить на колени и Россию, чтобы стать в Европе полным хозяином, чтобы диктовать свою волю всему миру...

Наполеон не знал поражений. Стремительный, находчивый, неожиданный, он умел хитроумным маневром поставить вражескую армию в невыгодное положение, раздробить ее, отбросить, уничтожить. Он побеждал в Италии и Египте, в Пруссии и Австрии. До сих пор все большие сражения, в которых против французов выступали и русские войска, заканчивались в пользу французского императора.

Но то было в Европе. Теперь Наполеон шел по России, шел на Москву.

Первой русской армией командовал военный министр Барклай-де-Толли, хладнокровный и опытный боевой генерал.

Вторую армию возглавлял ученик Суворова, известный своей храбростью и дарованием генерал Багратион.

В начале войны эти армии стояли далеко

Так выглядело Бородинское поле утром 7 сентября 1812 года.
Прямо перед тобой — Багратионовы флеши.
В то утро Наполеон не смог их захватить и атаковал батарею Раевского (в центре).

друг от друга, и Наполеон рассчитывал разбить их по одиночке.

После сложных маневров, жестоких боев с авангардами французских корпусов русские армии сумели соединиться под Смоленском.

Но и теперь они сильно уступали противнику в численности. И после кровопролитной защиты Смоленска Барклай-де-Толли снова приказал армии отступать. Он хотел во что бы то ни стало сохранить свои полки для сражения в более выгодных условиях.

Армия устала отступать. Солдаты и офицеры жаждали преградить врагу путь к древней столице. Со всех сторон император Александр слышал просьбы заменить Барклая прославленным Кутузовым.

Александр не любил Кутузова, но вынужден был подчиниться общественному мнению.

Когда Кутузов прибыл в армию, Барклай-де-Толли уже решил прекратить отступление и выбирал место для сражения.

За плечами Кутузова было полвека сражений. Солдаты любили его и верили ему. Кутузов понимал, что Барклай действовал верно, уводя войска от удара превосходящих сил. Был он согласен с Барклаем и в том, что пора дать бой Наполеону.

Он только отвел свои полки еще ближе к Москве и остановил их на обширном поле у деревни Бородино.

К этому времени армия Наполеона сильно уменьшилась. Многие тысячи солдат полегли в схватках с русскими, были оставлены охранять дороги к границе, дороги, по которым шли пополнение и боеприпасы. К Бородину Наполеон привел около 135 тысяч штыков и сабель. Но

это были отборные войска. У Кутузова насчитывалось около 120 тысяч штыков и сабель.

Наступал решающий момент войны.

«Вчерась на левом фланге дело было адское»

Бородинское поле лежит в 110 километрах от Москвы.

Русская армия заняла позицию протяженностью около 10 километров, заслоняя Старую и Новую Смоленские дороги, по которым Наполеон мог идти на Москву. Правый фланг русских был прикрыт рекой Москвой, а левый — лесами. Обойти русскую армию на этой позиции было очень трудно. Кутузов лишил Наполеона возможности маневрировать. Оставалось одно — атаковать в лоб.

Центр позиции Кутузов приказал укрепить батареей из 18 орудий, поставленной на холме. Левый фланг прикрыли три небольшие земляные укрепления — флеши. В каждой флеши стояло по 12 орудий.

Центральную батарею обороняли полки генерала Раевского, у флешей находился командующий 2-й армией Багратион.

Кутузов хотел обессилить французскую армию огнем и встречными ударами. Он оставил в тылу сильные резервы, которые могли в случае надобности двинуться на любой участок.

6 сентября Наполеон, осмотрев русские позиции, увидел, что легче всего — по условиям местности — атаковать левый фланг. Он решил ударить по флешам, а когда Кутузов бросит туда все свои резервы, неожиданной мощной атакой прорвать русский центр, выйти в тыл кутузовским частям и, окружив их, разгромить.

Генерал Ермолов выхватил шпагу.

Этот прием не раз приносил победу французскому императору.

Но прежде чем сойтись с главными силами русских, французам в тот же день, 6 сентября, пришлось атаковать выдвинутый вперед Шевардинский редут — сильное укрепление, построенное по приказу Кутузова. Несколько часов длился бой. Французам удалось захватить редут. Но уже в сумерках в контратаку пошли 2-я гренадерская и 27-я пехотная дивизии и штыками выбили противника. А с флангов рванулась русская кавалерия: драгуны и кирасиры — рослые всадники на мощных конях в металлических кирасах, вооруженные длинными палашами. Кавалерия врубилась в ряды французской пехоты, не успевшей построиться в каре.

Французы потеряли под Шевардином 6 тысяч человек и отошли.

Пока гремел бой на редуте, основные силы русских успели укрепиться на своей позиции. Около полуночи Багратион отвел защитников редута к остальным полкам 2-й армии.

Защитники редута разбивали бивуак и устраивались на ночлег, когда Кутузов продиктовал писарю приказ: «Горячее дело, происходившее вчерашнего дня на левом фланге, кончилось к славе российского войска. Между прочим кирасиры преимущественно отличились, причем взяты пленные и пять пушек. Предписываю объявить сие немедленно войскам».

Кутузов знал, что удачный передовой бой перед сражением поднимет дух солдат. Старый полководец остался доволен.

Совсем другое впечатление произвел Шевардинский бой на Наполеона. Особенно поразило его отсутствие пленных: русские солдаты не сдавались в плен. Император понял, что предстоящее сражение будет не похоже на все его прошлые битвы. Он приказал поторопить отставшую артиллерию. Больше всего он полагался на пушки.

В эту же ночь Кутузов в своей палатке писал жене:

«Я, слава богу, здоров, мой друг. Три дня уже стоим в виду с Наполеоном, да так в виду, что самого его в сером сартучке видели. Его узнать нельзя как осторожен, теперь закапывается по уши. Вчерась на моем левом фланге было дело адское; мы несколько раз прогоняли и удерживали место, кончилось уже в темную ночь. Наши делали чудеса...

Детям благословение.

Верный друг Михайло Кутузов...»

Выставив охранение, спали обе армии, готовые по тревоге схватиться за оружие. Каждый солдат знал, что предстоящая битва будет битвой не на жизнь, а на смерть.

Битва началась через сутки.

Кавалерийский бой у Шевардинского редута 6 сентября.

План Наполеона срывается

7 сентября 1812 года в 7 часов утра закончилась вторая атака французской пехоты на Багратионовы флеши. Французы ворвались в одно из укреплений, но были выбиты штыковым ударом, отошли и теперь готовились к новой атаке...

На несколько минут наступило затишье. Прекратился пушечный грохот. На берегах реки Каменки, текущей в полверсте от флешей, сейчас сосредоточивались многие тысячи вражеских пехотинцев и кавалеристов.

Багратион отдал приказ подтянуть к укреплениям резервы. На помощь гренадерской дивизии генерала Воронцова, стоявшей на линии огня, спешили батальоны дивизии генерала Неверовского, гренадерская и кирасирская дивизии. Багратион послал гонца генералу Раевскому, который оборонял центральное укрепление русской боевой линии, и приказал ему прислать на флеши восемь батальонов.

К Багратиону шла дивизия Коновницына с 36 орудиями.

Кутузов тоже видел опасность, угрожавшую левому флангу.

Он отправил к Багратиону три гвардейских полка, гренадерскую бригаду, два кирасирских полка и сто орудий, хотя понимал, что это подкрепление подойдет к флешам не раньше чем через три часа.

А пока что против 20 тысяч русских стояло 38 тысяч вражеских солдат...

Короткое затишье кончилось. Гремели сотни орудий. Тысячи ядер с воем летели на флеши, крушили бревна, рвали мешки с землей, разваливали насыпи, убивали солдат. Особенно тяжело приходилось полкам, не прикрытым земляными укреплениями.

В третью атаку на войска Багратиона пошли корпуса знаменитых наполеоновских маршалов Даву и Нея, тяжелая и легкая кавалерия маршала Мюрата.

Когда французские колонны приблизились к флешам, их встретил шквал картечи. Атакующие падали рядами, но колонны шли вперед, и вскоре флеши оказались в руках неприятеля. Левый фланг русской армии был под угрозой.

Но в этот момент показались восемь батальонов, спешивших от батареи Раевского. Багратион с марша бросил их в штыковую атаку, отступившая было дивизия Неверовского тоже пошла вперед.

После короткого штыкового боя неприятель отступил.

На помощь пехоте бросилась французская конница.

Во фланг ей ударила 2-я кирасирская дивизия. Мюрат повел навстречу ей своих кавалеристов, но они не выдержали удара русских кирасир. Кирасиры опрокинули французскую конницу и врубились в ряды отступающей неприятельской пехоты.

Было 9 часов утра.

20 минут спустя защитники полуразрушенных флешей увидели густые колонны неприятеля, беглым шагом снова идущие в атаку.

Целых пять дивизий ворвались в укрепления. И снова в яростной контратаке солдаты Багратиона выбили их.

Все поле вокруг было покрыто телами убитых. Но флеши держались.

План Наполеона сорвался. Не Кутузов израсходовал резервы, а, наоборот, лучшие части Наполеона разбивались о железное мужество 2-й армии.

Багратион, который вел русскую пехоту, был смертельно ранен.

Казаки атамана Платова.

Ермолов спасает положение

Все шло не так, как задумал Наполеон. Он рассчитывал захватить флеши, выйти в русские тылы и ударить по центру кутузовской армии с двух сторон. Русская армия оказалась бы рассеченной пополам...

Но флеши держались. Приходилось менять план. И Наполеон приказал атаковать русский центр — батарею Раевского...

Около 11 часов к батарее подъезжали с тыла два всадника — начальник штаба 1-й армии генерал Ермолов и начальник всей артиллерии генерал Кутайсов. И вдруг они увидели бегущую им навстречу нестройную толпу солдат. Это были защитники батареи.

Батарея пала. Французы прорвали центр русской позиции.

Поблизости от батареи стоял батальон Уфимского пехотного полка. Подскакав к нему, Ермолов двинул уфимцев наперерез бегущим, врезался в толпу и крикнул своим зычным голосом:

— Стой, ребята! Назад! Отбить батарею! Подмога идет!

Солдаты остановились. Спешившись, Ермолов выхватил шпагу и побежал к батарее. Поскакал и Кутайсов. Толпа солдат, опустив штыки, бросилась за ним.

С тыла центральная высота была круче. Солдаты карабкались по склону навстречу ружейным залпам и картечи. Они отбросили штыками французов от пушек и ворвались на батарею.

Начался беспощадный рукопашный бой.

С флангов наступающих поддержали три егерских полка. Французы побежали.

Отирая пот, Ермолов искал взглядом Кутайсова. Его не было на батарее. Скоро привели коня генерала. Молодой бесстрашный Кутайсов, талантливый артиллерист погиб.

Так был восстановлен центр русской позиции.

Пока длилась схватка за батарею, солдаты Багратиона отбили шестую и седьмую атаки на флеши.

Уже шесть часов на Бородинском поле шел непрерывный жестокий бой.

Флеши в руках неприятеля

По Багратионовым флешам било 400 французских пушек. Даже старые, опытные военные не видели такого огня. Флеши были совершенно разрушены и не защищали солдат.

40 тысяч штыков и сабель готовился бросить Наполеон в новую, восьмую, атаку на полки 2-й армии. А у Багратиона было не больше 18 тысяч.

Багратион решил опередить врага: навстречу французским колоннам ринулась русская пехота. Ее вел сам Багратион.

Французы дрогнули, подались назад. Но в этот момент Багратион был смертельно ранен... Ранены были и начальник штаба 2-й армии генерал Сен-При и генерал Бороздин, командир корпуса, оборонявшего флеши.

Оставшись без высших начальников, обойденные с флангов, измотанные многочасовым боем, русские полки не могли больше удерживать позицию. Нужно было отступить, чтобы сохранить полки. И генерал Коновницын, принявший командование на левом фланге, приказал отойти за реку Семеновку... Флеши остались в руках неприятеля.

Теперь левый фланг батареи Раевского, центральной высоты, оказался открытым для атаки...

Оценив обстановку, Наполеон решил, что настал момент для решающего удара, и приказал принцу Богарне прорвать русский центр. На помощь корпусу Богарне император послал дивизии своей молодой гвардии — она не участвовала в бою и вместе со старой гвардией стояла в резерве.

300 орудий открыли огонь по батарее. 40 тысяч пехоты и кавалерии приготовились к атаке батареи, которую защищала только одна дивизия генерала Лихачева, в тылу у нее стоял корпус Раевского, понесший тяжкие потери в предшествующих боях.

Положение стало критическим. Если бы Богарне прорвал центр и отрезал левое крыло русской армии, войскам Коновницына грозило уничтожение.

Но Кутузов уже принял меры...

Кавалерия выходит в тыл

В то время, как молодая гвардия маршировала на исходные позиции для атаки, с левого фланга французской армии донеслась беспоря-

дочная стрельба. К Наполеону примчался гонец от Богарне и сообщил, что крупные силы русской кавалерии вышли в тылы левого фланга...

Это было так неожиданно и опасно, что Наполеон приказал молодой гвардии немедленно повернуть к месту вспыхнувшего боя.

С самого начала сражения Кутузов скрытно расположил за своим правым флангом кавалерийский корпус генерала Уварова и казачьи полки атамана Платова. И вот теперь, когда русская армия оказалась в смертельной опасности, конники Уварова и Платова обошли французов и обрушились тысячами сабель на неприятеля, никак не ожидавшего удара с этой стороны.

Так была сорвана атака Богарне на батарею Раевского.

Ошеломив французов, Уваров и Платов отошли.

Около трех часов дня Наполеон снова бросил дивизии на русский центр.

Батарея Раевского была разрушена страшным артиллерийским огнем.

Когда французы захватили батарею, то, по словам одного участника штурма, вот что они увидели:

«Перед глазами ворвавшихся на редут предстала ужасающая картина: редут был похож на настоящий огнедышащий кратер; здесь и там лежали целые горы трупов; на полуразрушенных брустверах были разбиты все бойницы, и при вспышках выстрелов можно было различить только одни жерла пушек; однако большая часть орудий уже была опрокинута или сброшена с разбитых лафетов. Русские отчаянно обороняли позицию и умирали тут же, у орудий...»

Флеши и центральная батарея оказались в руках французов.

Так что же — выиграл Наполеон сражение?

*

Прежде чем продолжать атаки, французский император сел на коня и в сопровождении маршалов поехал вдоль захваченной линии русских укреплений. Его конь с трудом пробирался между телами убитых, разбитыми орудиями, трупами лошадей. То и дело неподалеку от императора глухо ударяли в землю русские ядра, пронзали воздух пули: это артиллерия Кутузова продолжала обстрел. Наполеон подъехал к разрушенным флешам... Впереди плыли густые клубы порохового дыма, озарявшиеся багровыми вспышками выстрелов. В разрывах пороховых туч зеленели мундиры русской пехоты. Отступившая на несколько сотен метров, русская армия твердо стояла на новой позиции, готовая продолжать бой.

Не обращая внимания на свистевшие вокруг пули, император глубоко задумался. Он привык к тому, что противник, обращенный в бегство, присылает парламентеров.

— Они обескровлены, — сказал Наполеон, — надо атаковать, и они побегут...

— Взгляните на нашу армию, государь, — ответил маршал Мюрат, — она совершенно без сил. Для атаки потребуется вся гвардия!

19 000 гвардейской пехоты и кавалерии стояло в резерве. Но Наполеон не решился пустить ее в дело. Так и не добился он победы.

Позже он сказал: «Из пятидесяти сражений мною данных, в битве под Москвой выказано наиболее доблести и одержан наименьший успех».

Под Бородином он потерял почти половину своей армии, потерял вдали от Франции, вдали от резервов. Это было равнозначно поражению.

На Бородинском поле наполеоновские полки утратили веру в свою непобедимость.

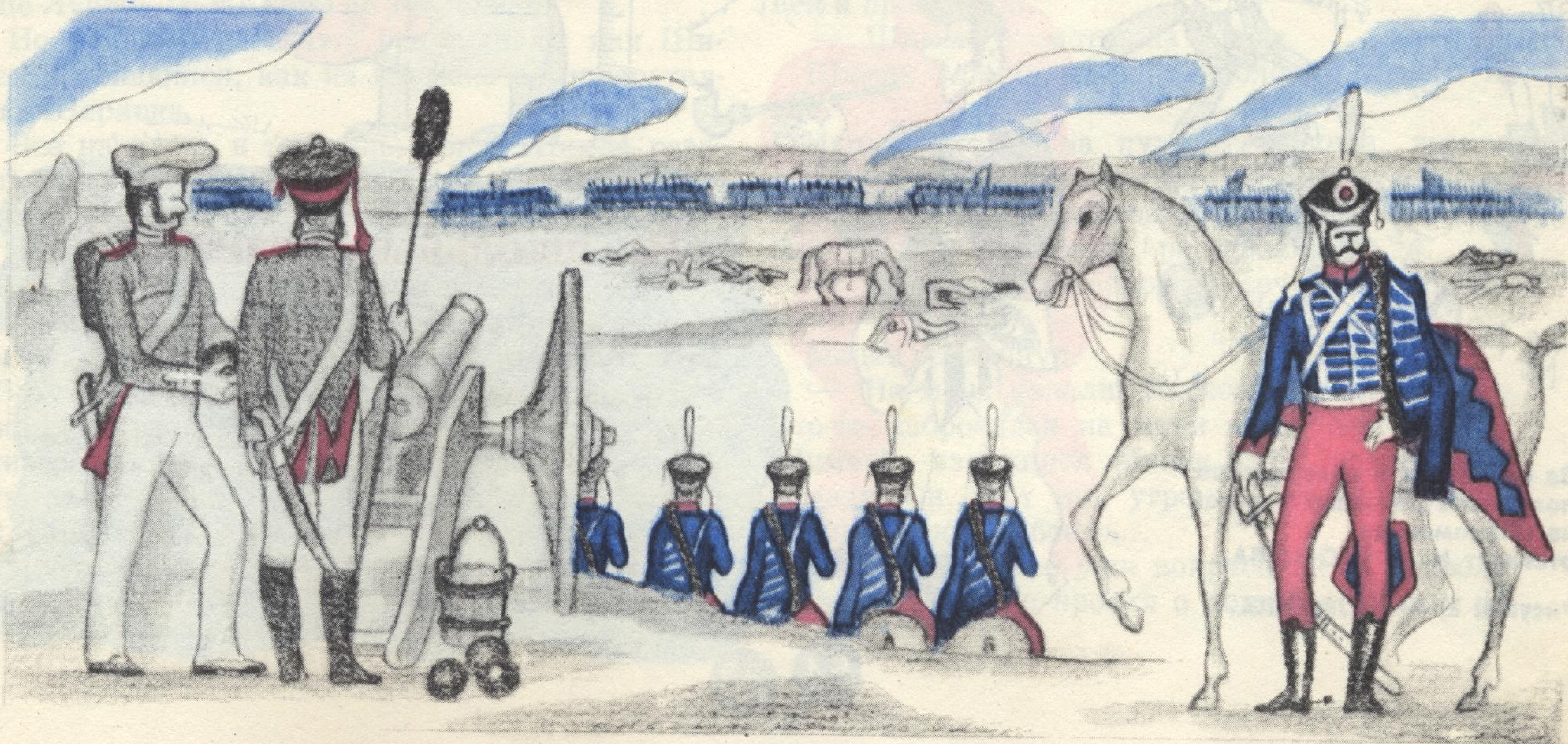
На Бородинском поле армия Кутузова доказала, что она непобедима. Отступив за Москву, пополнив свои ряды, русская армия грозно нависла над войсками французского императора.

После Бородина силы Наполеона неизменно таяли, а силы Кутузова росли.

На Бородинском поле началась гибель наполеоновской империи. Завершилась она в Париже, куда через три года вступили русские войска.

Не много было в мировой истории сражений, подобных Бородинскому, сражений, от исхода которых зависели судьбы многих стран и народов, судьбы мира.

Бородинское поле опустело.

ПЕРЕМЕНКА

Невыдуманные диалоги

НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

Учительница. Каких пушных животных ты знаешь?

Ученик. Например, курица.

Ученики восьмого класса, с. Калага, Азербайджанская ССР

НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учитель. Составьте предложение со словом «горизонт».

Ученица. Я сидела на горизонте и играла в камешки.

Таня Ж., ст. Безменово

НА УРОКЕ ГЕОМЕТРИИ

Учитель. Витя! Дай, пожалуйста, определение круга.

Витя. Круг — это квадрат, у которого нет углов.

НА УРОКЕ ЗООЛОГИИ

Учитель. Каких животных, приносящих вред хозяйству, ты знаешь?

Света. Самое вредное животное, по-моему, муха... и другие парнокопытные!

Оля Ольховская, г. Ленинск-Кузнецкий

НА УРОКЕ ИСТОРИИ

Учитель. Кто знает, как была прочитана древнеегипетская письменность?

Ученик. При раскопках был найден древний египтянин, который и прочитал египетскую письменность.

Лена Тащанова, г. Красноводск

НА УРОКЕ ПРИРОДОВЕДЕНИЯ

Учитель. Для чего слону хобот?

Ученик. Для развлечения!

Светлана Калинина, г. Сумы

Из школьных сочинений

«Руки и ноги у моего друга средней длины, нос вытянутый».

«Среди игроков на поле были болельщики».

«Маша — это круглолицая румяная девушка со светло-русыми волосами и гладко зачесанными ушами».

«Хлестаков был одет модно: на ногах у него были туфли, белая рубашка, которая одним глазом выглядывала из-под сюртука».

За серьезное и несерьезное поведение взрослых и детей на «Переменке» отвечает Н. РОСТОВЦЕВА.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Мариан ОРЛОНЬ

Рисунки В. КОСТИЦЫНА

ПОРАЖЕНИЕ ШЕРЛОКА

РАССКАЗ

И угасла слава Шимека!

Еще несколько дней назад его называли не иначе как «Шерлоком», «школьным детективом», «гениальным черепом», а сегодня он слышит только смешки и колкости.

— Проиграл, братец! — задирают его ребята из шестого «А». — Поломал зубы на Твердой Руке. Рано нос задрал! Не так-то просто быть сыщиком!

Они так говорят, потому что не знают, как все было на самом деле. Только Шимек да я знаем всю правду и больше никто. Может быть, еще Лукаш, но я в этом не уверен.

Но лучше я расскажу все сначала: как Шимек прославился, как из Шимека он превратился в Шерлока.

Все началось в тот день, когда Шимек разоблачил похитителя вечных перьев. Вор безнаказанно рыскал по всей школе и был неуловим. В конце концов кто-то предложил заявить в милицию. «Зачем в милицию? — спросил Шимек. — Я сам поймаю вора». «Ты? Смотри, как бы он тебя самого не украл!» Шимек сказал: «Вот посмо́трите!» — и спустя три дня принес в школу двенадцать перьев. Как он этого добился, неизвестно. Но этот подвиг принес ему широкую известность и разделил школу на два лагеря. Один — его возглавлял шестой «Б» — класс Шимека, окрестил Шимека «Шерлоком» и превозносил до небес его криминалистические способности. Другой — с шестым «А» во главе — утверждал, что это сам Шимек воровал перья у товарищей, для того чтобы недорогой ценой добиться славы.

Спор разгорелся. Кто знает, чем бы он кончился, если бы не таинственное нападение на Мацека Веценю из шестого «А». Оно-то, это нападение, и утвердило славу Шимека и вынудило умолкнуть его противников. Только, увы, ненадолго!

А дело было так. Однажды вечером, когда Шимек уже сделал уроки, к нему прибежал Мацек и простонал:

— Шимек, посмотри на меня!

Шимек глянул, и глаза полезли у него на лоб.

Мацек походил на путешественника, возвратившегося из кругосветного путешествия, сопровождавшегося опасными приключениями. Он был потный, грязный, растерзанный...

— Что с тобой? — спросил сочувственно Шимек.

Мацек всхлипнул.

— На меня напали! Несколько минут назад. Кто-то набросился на меня в Заячьей Роще... Шимек! — взмолился Мацек. — Ты должен мне помочь. Он, этот тип, угрожал, что еще встретится со мной. Я боюсь...

У Шимека даже уши покраснели от удовольствия. Мацек его просил о помощи! Мацек, ко-

торый еще вчера назвал его «горе-сыщиком»! Просто не верится...

— Я с удовольствием помогу,— сказал Шимек с деланным равнодушием. — Только как? Проводить тебя до дому?

Мацек умоляюще сложил руки:

— Не в этом дело! Ты найди этого хулигана!

— Ах, так! — Шимек взял в руки авторучку и принялся ею играть. — Хорошо, попробую. Но сперва расскажи все подробно, мне необходимо знать детали.

Мацека не пришлось упрашивать.

— Значит, так. Я был в Заплоте у бабушки. Она пекла блины с повидлом, и я даже не заметил, как стемнело. Возвращался я через Заячью Рощу, так ближе. Только вышел я на поляну, как вдруг кто-то выскочил из-за большого камня и набросился на меня. Я не разглядел, кто: было совсем темно, и он был в маске. Началась драка. Я получил несколько оплеух и потерял пуговицу. Видишь? Только нитки остались. Ему, конечно, тоже досталось. Я оборвал ему карман и порвал какую-то зеленую тетрадку, она торчала у него из кармана. Когда мне удалось вырваться, я побежал, а он крикнул мне вслед: «Еще встретимся!»

Шимеку, видно, не все было ясно, и он, наморщив лоб, спросил:

— Кто знал, что ты пошел к бабушке?

Мацек уставился в потолок.

— Петрик Гиль,— припомнил он,— Юзек Хальцеж, Анджей Вечорек...

— Ты подозреваешь кого-нибудь из них?

— Нет... не знаю.

Шимек кивнул головой.

— Понятно. К счастью, дело не такое сложное, как мне показалось сначала. Я помогу тебе. Минутку! О чем это я хотел тебя спросить? Ага! Покажи мне нитки от оторванной пуговицы.

Мацек был поражен.

— Нитки? Пожалуйста...

Шимек тщательно осмотрел место, где была пуговица, снова нахмурился и заявил:

— Порядок! Пока все. Завтра до уроков я забегу в Заячью Рощу и тогда, пожалуй, смогу тебе сказать, кто был этот таинственный налетчик. До завтра!

Мацек заколебался, хотел было еще о чем-то спросить, но не спросил.

Первое, что бросилось Шимеку в глаза, был кусок зеленой тетрадной обложки.

— До завтра! — сказал он. — Большое тебе спасибо!

Когда дверь за ним закрылась, Шимек загадочно улыбнулся.

На следующее утро он поднялся пораньше и отправился в Заячью Рощу, небольшой лесок между городком, где жили наши герои, и деревней Заплот. Светлыми вечерами в Заячьей Роще происходили ожесточенные схватки между местными Сиу и Апачами. Сейчас здесь царили мир и тишина.

Шимек остановился на опушке и, убедившись, что за ним никто не следит, пошел по из-

вилистой тропинке к поляне. Посреди нее возвышался большой валун. Шимек подошел к нему и осмотрелся. Первое, что бросилось ему в глаза, был кусок зеленой тетрадной обложки. Он лежал у самого камня и, казалось, умолял, чтобы его подобрали.

— Неплохое начало! — пробормотал Шимек. Поднял клочок бумаги и присвистнул: на обложке было написано «Юзеф Халцеж, 6-й «А» класс».

Шимек долго разглядывал надпись и громко удивлялся:

— Интересно... очень интересно...

Он положил бумагу в карман и, ползая по траве на коленях, обыскал всю поляну. И нашел то, что искал: пуговицу от Мацековой куртки. Внимательно осмотрев пуговицу, он положил ее в кошелек.

Когда Шимек переступил порог школы, часы показывали без десяти восемь. Шимек хотел было заглянуть до начала уроков в шестой «А», чтобы сообщить Мацеку о результатах следствия, но передумал и пошел в свой класс. Оказалось, Мацек ждал его здесь. Видимо, он уже рассказал о своем приключении, потому что, когда вошел Шимек, разговор оборвался. Шимеку польстил интерес к его особе, но он не проронил ни слова.

— Ты узнал, кто это был? — прервал молчание Мацек.

Шимек положил портфель в парту, вытер платком лоб, поискал взглядом Юзека Хальцежа и только тогда ответил:

— Да. Узнал.

— Кто же это?

Они смерили друг друга взглядами, как борцы перед схваткой.

— Его зовут Мацек Беценя.

На мгновение Мацек превратился в соляной столб, а потом подскочил к Шимеку.

— Ты что? Я напал на самого себя? Что ты городишь?

Шимек был невозмутим.

— Никакого нападения не было, ты все выдумал.

Мацек обвел класс глазами и растерянно улыбнулся.

— Посмотрите-ка на него! Я выдумал нападение! На кой черт мне его выдумывать!

— Ответ простой, — спокойно сказал Шимек. — Для того, чтобы поднять меня на смех. Хотел доказать, что я «горе-сыщик». Правильно я говорю?

Мацек покраснел.

— Предатель! — бросил он Юзеку Хальцежу. Юзек вскочил, но Шимек остановил его движением руки.

— Никто тебя, Мацек, не предавал. Тебя подвели твои собственные ошибки.

У Мацека был страшно глупый вид.

— Какие ошибки? — пробормотал он. — Я не делал никаких ошибок!

— Тогда послушай! Ошибка первая: ты сказал, что вырвал из кармана напавшего на тебя зеленую тетрадь. Меня удивило, откуда ты взял, что тетрадь зеленая, ведь в лесу было темно, ты даже хулигана не смог разглядеть. Значит, ты знал заранее, какого цвета была тетрадь. Значит, ты соврал мне. В этом меня убедила твоя вторая ошибка. Ты сказал, что в драке потерял пуговицу. Похоже на правду. Но не все сошлось. Напавший мог во время возни пуговицу о т о р в а т ь — согласен! — но не о т р е з а т ь. А твоя пуговица была отрезана. В этом меня убедили кончики ниток, которые остались на куртке, идеально ровные. Вывод: ты потерял пуговицу не в драке.

Шимек сделал паузу, как бы желая дать Мацеку время на обдумывание сказанного, а потом продолжил:

— Третье, на чем ты споткнулся: ты подбросил клочок обложки и неправильно написал на нем фамилию Юзека. «Хальцеж» пишется через мягкий знак, а на обложке стояло «Халцеж». Эта ошибка служила неопровержимым доказательством того, что тетрадь не принадлежала Юзеку, не мог же он написать свою фамилию с ошибкой. Тут я вспомнил, что ты называл Юзека среди тех, которые знали, что ты пошел к бабушке, и уже не сомневался: всю эту историю ты выдумал. Я в этом уверен.

Прошло несколько минут, прежде чем Мацек переварил услышанное.

— Ты прав. Я все выдумал, — сознался он. Вдруг все зашумели.

— Я только одного не понимаю, зачем ты впутал в это дело Юзека?

Юзек, сидевший как на углях, вскочил.

— Мы с ним поспорили, — объяснил он. — Мацек сказал, что он придумает такую загадку, которую тебе никогда не разгадать. И мы с ним поспорили. На перочинный ножик. Ну и вот, я выиграл...

Юзек выжидательно посмотрел на Мацека. Тот вынул из кармана нож в перламутровой оправе, подбросил его на ладони и протянул Юзеку:

— Бери!

В классе поднялся неописуемый шум. Шимеку устроили овацию. Его называли «наследником Холмса», «умной головой», «гордостью класса»... Под этот шумок Мацек улизнул.

Известие о новой победе Шимека быстро облетело всю школу. На переменах говорили только про Шимека. Его поздравляли, расспрашивали, хлопали по плечу. Малыши из начальных классов обмирали от счастья, если Шимек с ними заговаривал; девочки дарили ему улыбки. Шестой «Б» купался в славе Шимека, ведь это он первый обнаружил его криминалистический талант. Только шестой «А» отнесся к происшедшему без энтузиазма, он уныло переживал поражение Мацека и свое собственное.

— Заткнулись! — говорил мне Шимек. — Теперь перестанут ко мне приставать. Убедились, что я кое-что соображаю!

Я смотрел на его сияющее лицо, радовался вместе с ним и хорошо его понимал; я знал, как

ему дорога эта слава. Ведь еще совсем недавно, до истории с вечными перьями, в школе все относились к нему снисходительно. Вот, мол, чудак, за книгами света не видит! Добряк, рохля. По футбольному мячу толком не ударит, в драку не лезет... Так было в пятом, четвертом, в третьем классе. И вдруг такая метаморфоза!

— Поздравляю тебя, Шерлок! — сказал и я ему. — Ты превзошел самого себя!

Он расхохотался. Я тоже. Мы не допускали мысли, что эта слава недолговечна, что скоро роли переменятся и торжествовать будет шестой «А».

Именно так и случилось. И мне так жалко Шимека. Не могу слышать, как ребята из шестого «А» пристают к нему:

— Ну что, герой? Поломал зубки на Твердой Руке? Слишком рано нос задрал! Видишь, не так-то просто быть сыщиком!

Ведь я знаю дело Твердой Руки не хуже самого Шимека и могу поклясться, что шестой «А» не прав. Они обижают Шимека незаслуженно.

Вот, послушайте! Это было неделю назад, вечером. Мы как раз играли в футбол. На площадке собралась половина школы, я стоял в воротах, Шимек болел. И вдруг раздались крики:

— Где Шерлок? Позовите Шерлока! Скорее! Шерлок!..

Футболисты остановились посреди поля. Все головы повернулись к входу на спортплощадку, откуда доносились крики. Там стоял Микула из шестого «А» и возбужденно размахивал рукой. Другой рукой он держал руль велосипеда.

— Ну, позовите же скорее Шерлока! — горячился он все больше.

Вокруг него уже собралась толпа. Я оказался там почти одновременно с Шимеком. Подошел и Мацек Беценя, дружок Микулы.

— Что случилось? — крикнул Шимек.

— Дайте проехать! — потребовал Микула, выкатил велосипед вперед и, показывая на переднее колесо, уныло добавил: — Вот что случилось!

— Разрезана покрышка! — воскликнули мы с негодованием. — И камера! Кто это сделал?

— Кто?! — Микула выдавил из себя хриплый звук, напоминавший смех. — Известно кто! Кто-то из седьмого «А». Завтра утром гонки, вот они и решили меня обезвредить. И обезвредили... — Последние слова его прозвучали прямо-таки трагично.

Велогонки, ожесточенный поединок между шестым «А» и седьмым «А»! О них говорили уже целый месяц. Целый месяц напряженно тренировались. Микула был надеждой шестиклассников. Он обгонял ребят из седьмого на несколько кругов. Все считали его бесспорным победителем. Завтрашний день должен был стать днем его торжества. И вдруг все лопнуло!..

Я искренне сочувствовал Микуле, понимал его бессильную ярость и жестокость удара, нанесенного ему.

Тем временем Шимек склонился над колесом и произнес как бы про себя:

— Разрезали тупым ножом. Разрез неровный, сильный. Видимо, преступник спешил. Чудовищное свинство! — сказал он, выпрямляясь.

Микула торопливо поддакнул и схватил его за плечо.

— Шерлок! Ты должен его разоблачить, понимаешь! Пусть только попадется мне тот, кто это сделал!

Шимек поморщился на это «попадется мне» и спросил:

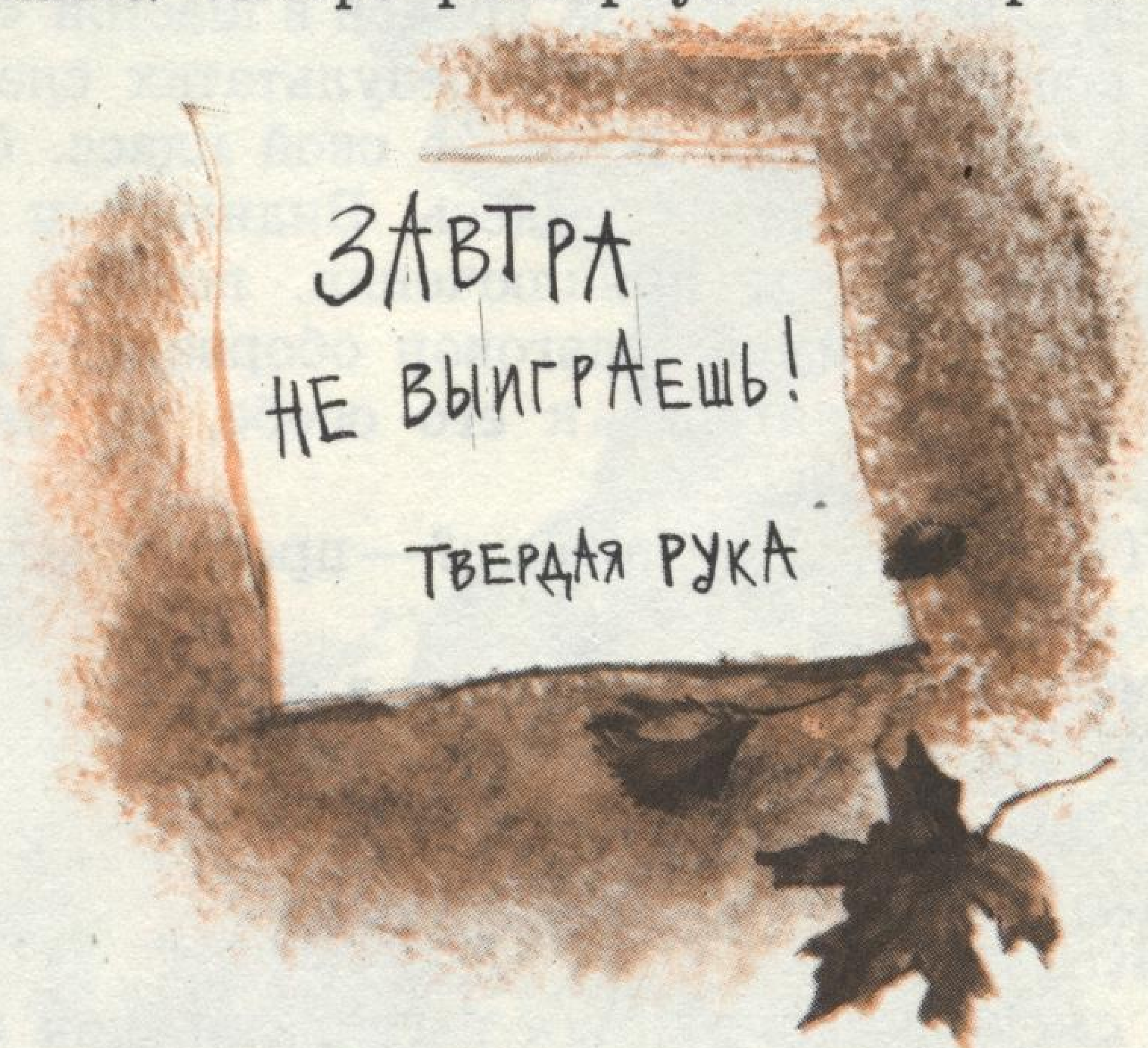
— Где это случилось?

— У моего дома. После обеда я немного потренировался и около четырех пошел перекусить. Велосипед оставил у калитки. Когда я вышел минут через пятнадцать, покрышка была разрезана.

— Ты никого не заметил?

— Никого. Только нашел у велосипеда вот это. — Микула достал из-за пазухи листок. — Прочти!

Шимек быстро развернул его и прочел:

— Твердая Рука! — фыркнул Микула. — Я ему докажу, что моя рука тверже!

Шимек пропустил это замечание мимо ушей и, вынув из кармана увеличительное стекло, внимательно рассмотрел бумагу.

Потом он сказал:

— Очень неосторожная эта Твердая Рука. Листок ее погубит.

У Микулы заблестели глаза.

— Значит, ты найдешь этого типа?

— Попробую, — осторожно ответил Шимек.

В разговор вмешался Мацек Беценя. Он все время вертелся тут, как лиса, почуявшая запах жареного гуся.

— А я уверен, что не найдешь.

Ребята зашумели. Микула посоветовал Мацеку заткнуться, а тот заявил, что у него с Шимеком свои счеты. Это была подначка. Мацек хотел вынудить Шимека ответить точно. Если Шимек скажет: «Найду», но не найдет, Мацек будет отомщен.

Шимек, подумав, сказал:

— Найду!

Мацек хитровато усмехнулся.

— А я говорю, не найдешь. Спорим?

Шимек принял вызов.

— Пожалуйста! На что?

— Хотя бы на твой перочинный нож, — не

Провожаемые недовольным шепотом, мы пошли в парк.

задумываясь, сказал Мацек. — Он немного похож на тот, который я проиграл. Проиграешь — нож мой, выиграешь — отдаю тебе авторучку. Идет?

Они подали друг другу руки, и кто-то из ребят разнял их ударом ладони.

— Когда ты рассчитываешь найти Твердую Руку? — спросил Мацек.

— Сегодня или завтра. Скорее всего сегодня.

— Сегодня? — обрадовался Микула. — Здорово! Как найдешь, сразу дай мне знать. Я буду дома.

— Ладно. Зайду.

— Я буду у Микулы, — добавил Мацек.

— Порядок.

У Микулы настроение заметно улучшилось. Хотя участие в завтрашних велогонках было исключено, перспектива встречи с Твердой Рукой поднимала его дух.

— Так мы смываемся! — крикнул он. — Помни, ждем у меня дома.

Микула вместе с Мацеком удалился.

Шимек сказал мне:

— Пойдем. У нас много работы, — и, обращаясь к ребятам, добавил: — Больше никого с собой не беру. Мне хватит одного помощника.

Провожаемые недовольным шепотом, мы пошли в парк.

Парк был под стать городку: небольшой, но старательно ухоженный. Его посещали в основном пенсионеры и мамы с маленькими детьми. Пенсионеры читали газеты, а мамы вязали. Тут можно было без помех поговорить.

Мы без труда нашли свободную скамейку, уселись.

— Шимек! — сказал я. — Не знаю, правильно ли ты сделал, заключив пари...

— Если бы я не согласился, то проиграл бы сразу, а так могу и выиграть.

— Боюсь, не выиграешь. У тебя же нет никаких улик.

— А бумажка?

— Ну... бумажка.

Шимек снисходительно улыбнулся.

— Ошибаешься. Записка — важная улика. Она многое может рассказать. Рассмотри ее внимательно!

Посмотрев на листок, я пожал плечами. Что тут можно прочитать? Разве только то, что у Твердой Руки жуткий почерк? Не более.

Я сказал об этом Шимеку.

— Ты не наблюдательный, — ответил он. — Послушай! Автор записки — пятиклассник, один из самых маленьких в классе. Сегодня, когда он возился с велосипедом или еще с каким-то механизмом, поранил руку. Живет рядом с Микулой, в тесной квартире. На обед ел свеклу.

— Человече! — воскликнул я изумленно. — Как ты до этого дошел?

— Обыкновенно. Внимательно рассмотрел бумагу, подумал.

— Шутишь! — Мне не верилось, что это правда.

Шимек снисходительно улыбнулся.

— Сейчас убедишься, что не шучу. Объясняю все по порядку. Сосредоточься. Итак, откуда я знаю, что Твердая Рука учится в пятом классе? Пятый класс сегодня на уроке чертил прямоугольники. Мне сестра говорила. А на этом листке виден оттиск прямоугольника. Вывод: листок вырван из тетради пятиклассника. Вот погляди... Видишь?

Я присмотрелся и увидел явственные очертания прямоугольника: тот, кто чертил, сильно нажимал на карандаш, и рисунок отпечатался на

Я обернулся,
Лукаш все еще стоял
на том же месте.

нижнем листке, на котором Твердая Рука написал записку.

— Ты прав, — согласился я.

— Конечно! Теперь дальше. Я сказал, что автор записки сегодня поранил руку. Это я прочел по двум пятнышкам на записке. Вот это — от машинного масла; а это — капелька засохшей крови. Если руки в машинном масле, значит, он возился с каким-то механизмом и оставил на бумаге след крови, потому что поранил руку. Понятно объясняю?

— Очень понятно!

— Спасибо! А теперь присмотрись к пятну машинного масла. Что ты видишь?

— Что-то вроде отпечатка пальца...

— Точно! Отпечаток большого пальца. Сравни его со своим. Ну, смелей!

— Он гораздо меньше моего.

— Браво! Если отпечаток пальца меньше, значит, и палец меньше и его владелец маленький. Вот тебе ответ на вопрос, откуда я знаю, что Твердая Рука маленький.

Я смотрел на Шимека с возрастающим восхищением, а он продолжал:

— Следующий вопрос: о тесной квартире. Записка написана на кухонном столе. Доказательство этому — крошечка свеклы, прилипшая к листку. На кухонном столе пишут, когда нет своего уголка для приготовления уроков. А почему нет? Потому, что квартира тесная, маленькая. Ясно?

— Да.

— И, наверное, ясно, почему я считаю, что у Твердой Руки на обед была свекла?

— Теперь ясно.

Шимек с облегчением вздохнул и спросил:

— Что нам еще осталось?

— Ты сказал, что Твердая Рука живет рядом с Микулой.

— Ага! Видишь ли, я не думаю, что Твердая Рука караулил у дома Микулы. Это рискованно. События развивались так: Микула после тренировки оставил велосипед у калитки. Это случайно заметил некто, у кого с Микулой счеты. Этот некто знает о завтрашних велогонках и о надеждах Микулы на победу. Стоящий у калитки велосипед наводит его на мысль о жестокой мести. С этого момента преступник действует как в лихорадке. Мечется по кухне, вырывает листок из первой попавшейся тетради и пишет записку. Затем хватает нож, вероятно кухонный, подкрадывается к велосипеду и разрезает покрышку. Посмотри, какие у него неровные буквы, как они разбегаются. Видно, что преступник действовал в спешке, он не планировал хладнокровно свое преступление. Иначе его рука не дрожала бы. И так как он заранее не готовился, при нем не было записки. Значит, он живет где-то недалеко, раз успел сбегать домой и написать записку на кухонном столе.

Железная логика Шимековых рассуждений лишила меня речи. Я всегда верил в его криминалистический талант, но не думал, что он так велик, этот талант. У меня уже не было сомнений: Шимек выиграет пари!

А мой выдающийся друг, не обращая внимания на мои восторги, продолжал:

— В этой записке есть еще две ценные детали. Первая — цвет чернил. Она написана зелеными чернилами. Вторая деталь — характерная буква «А». Правда, записка написана большими печатными буквами, но буква «А» сильно отличается: она очень высокая, с высоко расположенной перекладиной. Это может оказаться главной уликой против Твердой Руки. Теперь рассмотрим мотив.

— Что?

— Мотив. Почему некто разрезал покрышку? Какие у него с Микулой счеты?

— Это же ясно! Соревнования. Хотел Микулу обезвредить, как он сам выразился.

Шимек покачал головой.

— Я в этом вовсе не уверен. Такое предположение звучало бы правдоподобно, если бы преступник был из седьмого класса и хотел устранить опасного соперника. Но Твердая Рука, как нам теперь известно, пятиклассник.

— Может, его семиклассники подговорили, — сказал я. — Чтобы избежать подозрений.

— Может быть, — согласился Шимек после краткого раздумья. — Но и тогда Твердая Рука должен был за что-то не любить Микулу. Без серьезной причины он бы на это не пошел.

Мы оба задумались.

— Оставим пока мотив, — решил Шимек. — Сперва попробуем установить личность Твердой Руки, для этого у нас достаточно улик. Я рассчитываю прежде всего на тебя. Ты живешь на одной улице с Микулой, знаешь там всех. Пошевели мозгами, прикинь, кто мог быть Твердой Рукой? Помни: пятиклассник, маленького роста, живет недалеко от Микулы... Ну!

Я стал перебирать дом за домом, заглядывая мысленно в квартиры, осматривая дворы. Я уже был в двух домах от дома Микулы, когда в голове у меня вдруг прояснилось, как будто кто-то включил прожектор.

— Шимек, есть!

—Значит, ты найдешь этого типа?
— Попробую,—
осторожно ответил Шимек.

— Кто?

— Лукаш Венгжик! — гордо ответил я.

— Венгжик?!

— Да! Все сходится...

— Венгжик... — повторил Шимек без капли энтузиазма. — Малыш Венгжик... Глупая история!

В первый момент я хотел было обидеться, но по тону, каким Шимек произнес «Малыш Венгжик», я понял, что Лукаш не походил на того преступника, которого мы создали в своем воображении. Твердая Рука представлялся нам опасным, мстительным, таинственным злодеем... И вдруг вместо грозного мстителя — обыкновенный мальчуган, который никому не делал зла. Моя мама о нем говорила: «Лукаш — хороший брат. Он каждый день водит свою сестренку в детский сад». Шимек был прав: глупая история! Мы охотились на хищника, а поймали кролика.

— Что же делать? — спросил я уныло.

— Надо удостовериться... Пойдем к нему. Попросим у него какую-нибудь книгу, поговорим... Может, он чем-нибудь выдаст себя, а может, окажется, что мы ошиблись...

Я чувствовал, что Шимек предпочел бы последнее. Я тоже.

Мы пошли на Зеленую улицу. По дороге я наблюдал за Шимеком. Он изменился за эти несколько минут. Когда он объяснял мне значение следов на листке, он напоминал бегуна, который мчится за высоким призом, а теперь он напоминал бегуна, упустившего победу перед самым финишем.

На Зеленой, тихой улочке с одноэтажными домами, утопающими в садах, мы замедлили шаги. Остановились у калитки.

— Тихо... — сказал я. — Может быть, его нет дома?

— Увидим! — сказал Шимек и толкнул калитку.

Калитка отчаянно заскрипела.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Шимек. — Похоже, никого нет.

Он пошел по дорожке к дому, но на полпути остановился и схватил меня за руку.

— Смотри! Там на дверях...

За табличку, на которой была написана фамилия владельца дома, был засунут листок бумаги. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять волнение Шимека. Записка была написана з е л е н ы м и чернилами.

Мы побежали к двери. Содержание записки подтверждало мое предположение, что Лукаша нет дома. Большие печатные буквы гласили: «Я У РЕКИ. КЛЮЧ ТАМ, ГДЕ ВСЕГДА. ЛУКАШ».

Но содержание уже не имело для нас никакого значения. Важен был цвет чернил и то, что троекратно повторяющаяся буква «А» поразительно напоминала ту, которая была в записке Твердой Руки.

Шимек покачал головой.

— Это он! Видимо, написал сразу после того, как разрезал покрышку. — И добавил с сожалением: — Почему он это сделал?

И тут я вспомнил, что произошло перед весенними каникулами. Я видел все так отчетливо, словно это случилось вчера. Было воскресенье, цвели каштаны, на небе ни облачка. Мы собрались на сквере и поджидали Микулу. Десять ребят с нашей улицы. Все с велосипедами, потому что Микула организовал поездку к озеру. Среди нас был и Лукаш. Он держался поодаль и не принимал участия в наших шумных разговорах. Возможно, из-за своей обычной робости, а может быть, из-за своего велосипеда. Это была старая, обшарпанная колымага на широких шинах. Наши тоже были не последней модели, но велосипед Лукаша даже рядом с ними выглядел жалким.

Точно в десять появился Микула. Подъехал на своем гоночном, как триумфатор на колеснице: «Привет! Готовы?» Мы ответили, что готовы, и окружили его.

Микула оглядел нас и, обнаружив среди нас Лукаша, состроил такую рожу, будто заметил пятно на новом костюме. «А ты чего?» — спросил он Лукаша. Лукаш ужасно смутился и пролепетал, что он тоже хочет ехать. «На этом утиле?» — бросил презрительно Микула. Лукаш сжал пальцы на раме, уперся взглядом в колесо и молчал. «Ну, отвечай! — разозлился Микула. — Ты хочешь ехать на этом утиле?» Лукаш кивнул головой. Тогда Микула расхохотался и сказал: «Да твоей развалиной только воробьев пугать. Поехали, ребята, жалко время терять!»

Мы сели на велосипеды и поехали. Никто не вступился за Лукаша, все боялись, что их самих постигнет такая же участь. Микула умеет быть жестоким.

Когда мы отъехали уже на порядочное расстояние, я обернулся. Лукаш все еще стоял на том же месте...

Обо всем этом я рассказал Шимеку.

— Это месть, — закончил я.

Шимек молчал. Потом признался:

— Я жалею, что взялся за это дело.

— Но теперь уже поздно, ты должен довести дело до конца.

— Знаю.

— И что ты собираешься делать?

Шимек ответил вопросом:

— А как бы ты поступил на моем месте?

Я беспомощно развел руками.

— Не знаю.

Я понимал его. Перед ним был трудный выбор. С одной стороны, Лукаш, с другой — Микула, а посредине он, Шимек, со славой Шерлока. Если бы я мог ему помочь!..

Вдруг Шимек вскочил со скамейки и сказал:

— Идем к Микуле!

Меня встревожила его решительность.

— Шимек! Может, лучше обождать? К чему спешить? Время еще есть. Подумай!

Но Шимек отрезал:

— Я уже подумал. Идем!

— Что ты ему скажешь?

— Услышишь!

У дома Микулы Шимек вроде бы заколебался. Но только на мгновение, перед тем как позвонить. Едва прозвенел звонок, ключ повернулся в замке, и мы увидели Микулу и Мацека. Они сразу засыпали Шимека вопросами:

— Ну, как? Напал на след?

Шимек глянул на их разгоряченные лица, медленно опустил руку в карман, вынул ножик и подал его Мацеку.

— Он твой! — сказал Шимек.

Этого они не ожидали. Мацек растерялся, он не решался протянуть руку за ножом. Микулу словно окатили холодной водой. А меня раздирали сомнения. С одной стороны, я радовался, что Шимек так поступил, в глубине души я хотел такого конца, но с другой... Во мне пробудилось сожаление: Шимек отказался от славы, добровольно подставил себя под насмешки тех, кто завидовал этой славе.

Изумление постепенно проходило. Мацек наконец решился и протянул руку за ножом, а Микула простонал:

— Как же так? Ты не нашел его?

— Не удалось.

— Но, может быть, еще удастся, — не терял надежды Микула. — Почему ты так быстро отступаешь?

— Знаю, что не справлюсь. Просчитался...

Микула посмотрел на меня, словно искал подтверждения. Я машинально кивнул головой. Он поверил и в одну секунду изменился. Смерил Шимека злым взглядом и вызывающе спросил:

— Зачем же ты брался? Великий сыщик!.. — Он откровенно издевался. — Из тебя сыщик, как из меня дошкольница, понятно? И с вечными перьями была афера, а Мацека засыпал Хальцеж. Вот так-то, братец!

Шимек не защищался. Повернулся и ушел. Я побрел за ним.

Только на улице он заговорил. Я до сих пор слышу его голос.

— Не мог иначе. Пойми, не мог. Если бы Микула был другой. Но ты ведь знаешь Микулу. Не думай, что я одобряю Лукаша. Это было свинство. Но я его понимаю. И хотел бы, чтобы он тоже меня понял. С ним я обязательно поговорю. Это будет труднее, чем с Микулой, но, надеюсь, он поймет. Как ты думаешь?

— Конечно, поймет, — сказал я уверенно.

Прошла неделя. Не знаю, говорил ли Шимек с Лукашем. Но знаю, что о поражении Шимека судачит вся школа; что Мацек всюду хвастает перочинным ножом; что шестой «А» потешается над криминалистическим талантом Шимека и что Шимек принимает эти насмешки спокойно и увлеченно собирает макулатуру.

На пункте приема макулатуры он всегда встречается с Лукашем Венгжиком...

Перевел с польского В. МАРКОВСКИЙ

Раиса САРБИ

МОРОЗ-МОЛОДЕЦ

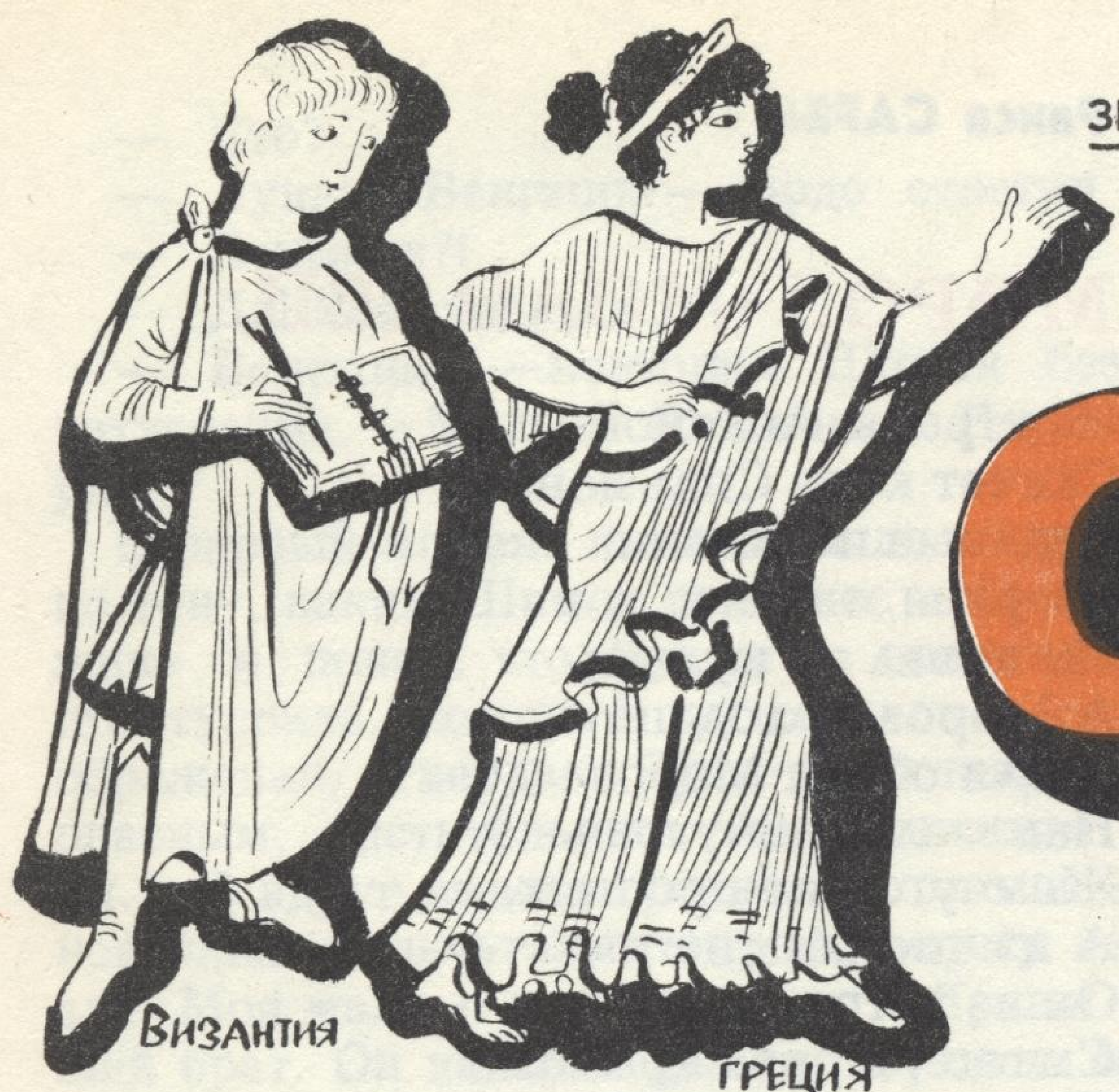
Из страны Ледяной
Скачет конь Сильзюнат[1].
Ледяные подковки,
Сверкая, звенят:
Их ковал не кузнец,
А Мороз-молодец!
А для сбруи Мороз
Нанизал жемчугов —
Жемчугов не простых,
А из чистых снегов.
Он из ветра коню
Смастерил два крыла.
Он коня оседлал,
Пока Осень спала.
Ах, Мороз-молодец,
Всем подарки привез:
Пуховые платки
Для красавиц берез.
И ручьям угодил —
Подарил зеркала.
Да и шапка пеньку
В самый раз — не мала!
Все он сделать успел,
Пока Осень спала.
Я взглянула в окно —
Вся деревня бела...

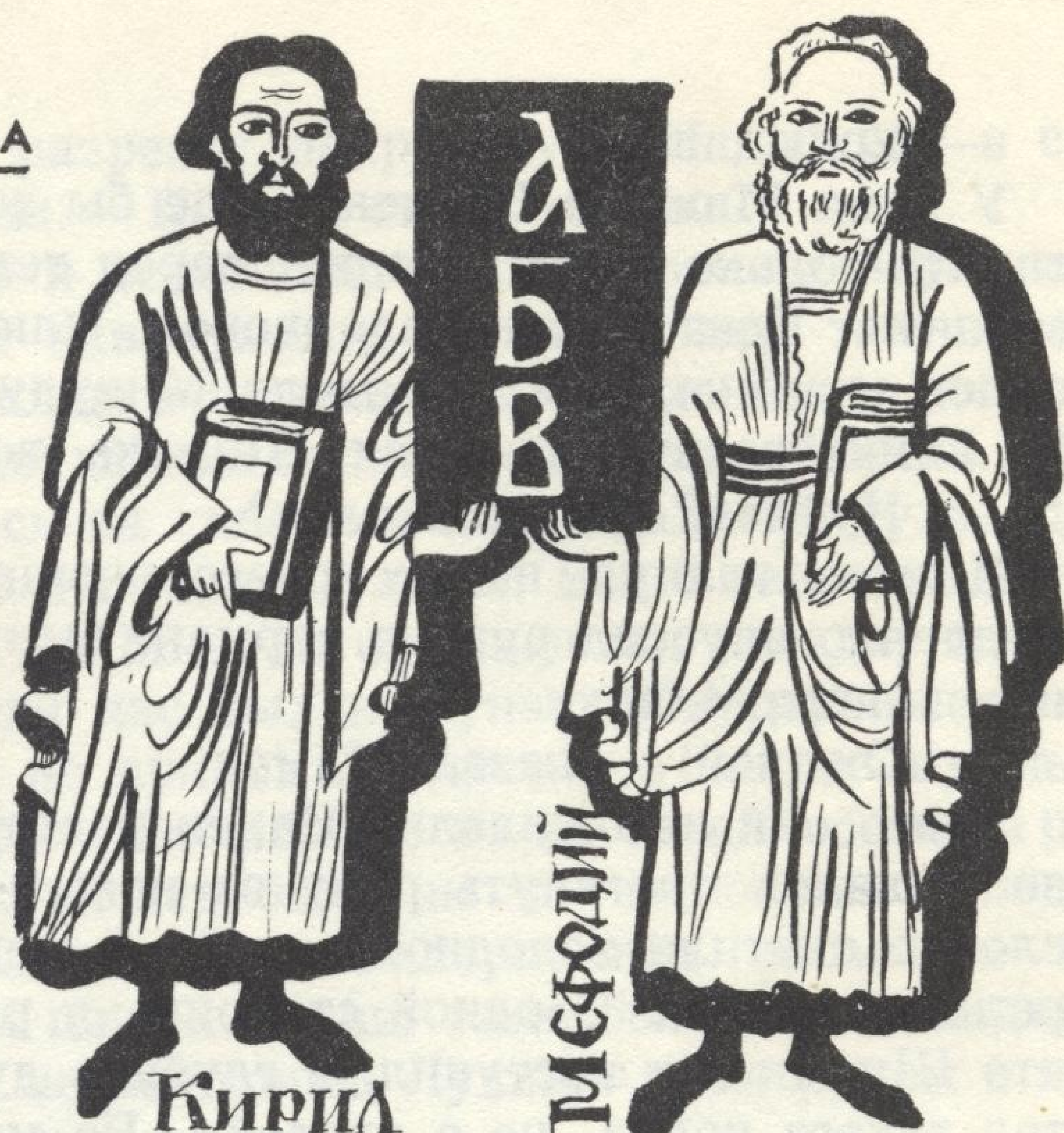
ПРОЩАНИЕ СО СТАРЫМ ГОДОМ

Несутся снежинки по улице,
Словно от страха.
Несутся снежинки, трепещет на ветке
Продрогшая птаха.
Спешит Старый год, словно мы
От себя его гоним,
Спешит, набивает мешки
Серебром прошлогодним.
Ну, что ж, не беда.
Только пусть забирает в придачу
Все двойки, все ссоры, все слезы
И все неудачи!
А счастье и радость,
А смех, что, как солнышко, весел,
Себе мы оставим и завтра
На елку повесим!
Прощай, Старый год!
Мы тебя никогда не забудем.
С горы помаши рукавичкой
Домам, и деревьям, и людям.
Конечно же, ты
Был ко мне не всегда справедливым,
Но все-таки добрым
И главное мирным,
А значит, счастливым!

Перевел с чувашского Юрий КУШАК.

[1] Сильзюнат — сказочный ветрокрылый конь.

Лев УСПЕНСКИЙ

Странная буква

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ

В двадцатых годах два легкомысленных молодых человека решили написать приключенческий роман (и написали). Речь шла о борьбе с зарубежными диверсантами. Хозяева диверсантов посылали им из-за границы зашифрованные приказы. В одной шифрограмме предлагалось обнаружить важнейшие месторождения НЕФТИ в Советской стране.

Молодые «писатели» решили, что роман будет интереснее, если и зашифровываться и расшифровываться этот приказ будет «на глазах у читателей», то есть если шифр будет читателям известен. Для этого им пришлось использовать шифр, в основе которого лежит широко известное литературное произведение. Широко известное и легко доступное. Молодые авторы решили взять однотомник Пушкина: уж он-то везде должен найтись. Из однотомника — он был дореволюционного издания — они выбрали балладу «Русалка» (не пьесу того же имени, а стихотворение).

Юный Р.— один из авторов — работал в следственных органах и считал себя мастером по зашифровке. Молодой У. передал ему свой том Пушкина: «Иди, шифруй!». Назавтра тот позвонил: «Знаешь, не шифруется!» «Как так?» «В слове **нефть** есть буква «ф», а в «Русалке» ее нет! Что делать?» «Возьми «Песнь о вещем Олеге!» — сказал оптимист У... Прошла ночь — звонок: «Слушай: не шифруется. И здесь ни одного «ф» нет...» Странно? Решили попытать счастья на других авторах, взяли «Когда волнуется желтеющая нива» Лермонтова. Нет и там буквы «ф»! «Ворона и лисица» Ивана Андреевича Крылова? Ни признака «ф»! Что такое? Может, у всех русских поэтов начала прошлого века было болезненное отвращение к букве «ф»?

Но вот в пушкинской «Полтаве» буква «ф» все же встречается один раз: в строке «Слагают цифр[1] универсалы».

Если бы издание было послереволюционным, звук «ф» попался бы еще два раза: «Гремит анафема в соборах» и «Гремит анафемой собор». Беда в том, что в те времена звук «ф» изображался в русской азбуке двумя разными буквами «ф» и «ѳ», так называемой «фитой».

Почему же для всех других звуков у нас было по одной букве, а для «ф» — две? Да потому, что такого **звука** в русском языке не то чтобы совсем не было, но вроде как бы и не было. Вот я пишу: «Ты здоров, наколи дров». Крикните

[1] Слово «цифр» тут значит «шифр». «Универсалы» — это чиновники Мазепы. Они шифруют подметные письма изменника.

эту фразу, как можно громче, выйдет: «здороф» и «дроф». На концах этих «слоф» стоят не звуки «ф», а приглушенные звуки «в».

А откуда мы взяли нашу азбуку? Через балканских славян от греков. Зачем она нашим пращурам понадобилась? Чтобы переписывать греческие христианские священные книги: буква в букву, запятая в запятую. У древних же греков, кроме «в», которое никогда не приглушалось, были еще два разных звука «ф». Так, например, имя Феофил значило «Боголюб». По-гречески «бог» — «Θеос», а «любить» — «филэо». Первое «ф» выговаривалось, как «т» с придыханием вроде «тх», а второе — как наше теперешнее «ф». «Ну и что же? — зашумите вы.— Взяли бы только вторую букву, и не понадобилось бы никакой «фиты»...

Ишь, какие умники... А как же вы бы тогда в каком-нибудь 1079 году стали переписывать по-русски греческое «святое писание»? Там, к примеру, рассказывается про Θому и про Филиппа, а у вас беззаконно получится Фома и Филипп? Выйдет искажение святыни! Чур нас, чур!

Так попали в русский язык две разных буквы — «фи» и «тэта», «ф» и «фита». Но таких русских слов, где они могли бы примениться — не находилось: «фи», «фу», «фыркнуть», «фукнуть» и все тут. Естественно, что и в речь наших лучших поэтов тех лет, когда расцветала русская литература, слова с «ф» попадали крайне редко.

Что значит: редко? Да вот, вернитесь к «Полтаве» Пушкина. В ней **приблизительно** шесть с половиной **тысяч** слов. Из них лишь в трех встретилась тем юным авторам буква «ф» (если читать уже и «фиту» по-новому). Удивляться нечему. И сам Пушкин и «птенцы его гнезда» — лучшие русские поэты тех лет — старались писать как можно более «по-русски», допускать в свой стих как можно меньше иноязычных слов. А в русских словах «ф» почти не встречалось.

Но вот что еще интересно. Возьмите пушкинского «Бориса Годунова». Прочтите «Сцену в корчме». Действуют русские мужики. Никаких слов с «ф». Перейдите к сцене «В царских палатах». В первой же ее ремарке сказано «Царевич чертит географическую карту». И зовут царевича Феодором... Долистайте гениальную драму до сцены объяснения Григория с Мариной Мнишек. Дело происходит за границами России. Сцена так и названа: «НОЧЬ. САД. ФОНТАН.»

Ну и что? А мой совет: **перечитайте и «Руслана и Людмилу», и «Бахчисарайский фонтан», и «Цыган» — с точки зрения буквы «ф». Может быть, что-нибудь любопытное вы и обнаружите.**

ВИТАЛИЙ КОРЖИКОВ

КОГОТЬ ДИНОЗАВРА

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в № 10.

Рисунки В. ДУДКИНА

Это академическое дитя

Коля разговаривал с отцом Баты, а Людмила Ивановна в это время вышла за порог. Там терпеливо ждал гостей прекрасный белый верблюд. Улыбаясь, он грациозно поднимал гордую голову, будто говорил: «Неужели вы сомневаетесь? Не сомневайтесь. Я не способен никого обидеть».

Маленькая Цагцурэн подошла к верблюду, подала команду, и он элегантно опустился на колени. Людмила Ивановна решительно уселась между горбами в красивое седло, обшитое белыми бляхами с чеканными верблюжьими головами.

Впереди села Светка, а позади, обняв Людмилу Ивановну за талию, Вика. По знаку Цагцурэн верблюд встал и пошел красивым шагом мимо Генки, которого подсаживали на старую добрую кобылу. Всем своим видом верблюд показывал, какую ценность несет он на своей высокой спине. Цагцурэн протянула Людмиле Ивановне уздечку, и верблюд легкой трусцой побежал по гостеприимной гобийской земле. Вокруг вздымали головы кони, целые моря коней. Знакомые горы, издали напоминавшие верблюжьи горбы, будто приглашали прокатиться на них.

Генка решил, что под ним прекрасный конь, достойный настоящего батыра, и взялся за дело с такой решительностью, с какой брался за руль «газика». Он ударил кобылу ногами и поехал вровень с верблюдом.

Ему казалось, что все табуны смотрели на него. Люди поворачивали к нему головы, словно он отправлялся на Луну. Но будущий астроном и физик понял, что при такой скорости до Луны не доберешься.

Он ударил добрую кобылку сильней. Она покосила на него глазом: «Быстрей? Пожалуйста!» И Генка подпрыгнул в седле. Заржав от восторга, кобылка перешла в галоп. Генка вскрикнул, земля накренилась. Генку стало подбрасывать в седле, и вскоре ему показалось, что он превышает все космические скорости. Он хотел сбавить ход, но «ракета» оказалась незнакомой системы.

— Стой! — крикнул Генка, но кобыла полетела навстречу табуну, и космонавт принял решение покинуть корабль. Он высвободил ноги, подпрыгнул, но не соскочил, а только развернулся на спине. Испуганная кобылка тоже развернулась и понеслась назад.

Теперь Генка мчался задом наперед, его догоняла Цагцурэн, за ней бежал верблюжонок. А за верблюжонком, звеня колокольцами, поспешал верблюд со своим экипажем.

Вот в этот момент и вышел из дома Коля. Он испуганно прижался к стенке.

Церендорж закричал:

— Держи!

Бата включил мотор «газика»...

Наконец Цагцурэн — не зря она была победительницей аймичного надома! — ухватила кобылку под уздцы.

Кобыла встала, и Генка слетел с нее. Возле него остановился белый верблюд, Людмила Ивановна, едва сдерживая гнев и радость, закричала:

— Опять фокусы! Ты что, не можешь ездить нормально?

Но будущий физик не растерялся.

— Ха! — сказал он. — Великий Лобачевский тоже ездил в молодости задом наперед и даже не на лошади, на корове.

Правда это или нет, выяснять не стали: задерживаться здесь было опасно.

— Едем! — сказала Людмила Ивановна.

— Едем! — согласился Церендорж.

Отец Баты тоже собирался уезжать в аймик за буровиками: они должны найти воду. Стадам нужна вода.

Не хватало только Василия Григорьевича. Он исчез и, как ни удивительно, не принимал участия во всех описанных выше событиях.

— Сейчас мы его найдем, — сказал Коля.

Мечта старого мастера

Василий Григорьевич, конечно же, не избегал приключений. Напротив, ему тоже очень хотелось прокатиться на верблюде. Но он уступил женской команде. Теперь он сидел у стены юрты, рядом с маленьким седым стариком, который, напевая, водил ножичком по какому-то странному предмету.

Василий Григорьевич присмотрелся.

В руках у старика вращался обыкновенный козий рог, но то, что делали с рогом сухонькие его руки, державшие резец, было очень интересно... У основания рога старик вырезал горы, юрты, верблюжью и лошадиную головы. Казалось, они живые, дышат и только на какой-то миг задержали дыхание. Головы их были повернуты кверху, глаза весело косили в небо, будто кого-то давно знакомого спрашивали по-свойски: «Ну, как там, наверху? Все в порядке? Хорошо?»

Верхняя часть рога изображала могучий вихрь, который поднимал над стадами, над юртами какой-то легкий, стремительный предмет.

Старик улыбаясь поглядывал на гостя и продолжал аккуратно водить ножичком по рогу.

— Василий Григорьевич! — крикнул Коля, наконец разыскав его.

Но, увидев рог, задержался сам.

За Колей на своей лошадке появилась хмурая Цагцурэн. Она нагнулась к старику, показала на рог, на Василия Григорьевича: подари, мол.

Но старик развел руками: «Разве можно дарить незаконченную работу?»

Наконец все собрались у машины. Отец Баты вынес Коле конверт, на котором рядом с обратным адресом было написано «И. Давыдов», и, поглядев на солнце — оно было уже высоко, — спросил:

— Так куда теперь?

— На Байн Дзак! — сказал Церендорж.

— О, Бата знает! — сказал председатель. — Там динозавры были. Один шофер, как Бата, нашел много яиц!

— Яиц? — недоверчиво переспросила Людмила Ивановна и вытянула руки, будто держала кузовок, из которого высовывали головы десятки будущих динозавров.

Экспедиция бросилась к «газику».

— Баирта! — закричали ребята.

— Баирта! — закачали головами старики, замахали руками.

Бата выезжал уже на каменистую равнину, когда к машине подскакала Цагцурэн. Она протянула Бате бинокль, старый бинокль генерала Давыдова. А Василию Григорьевичу она подала что-то завернутое в шерстяную тряпицу. Бата поспешно снял с запястья свои часы и положил в ее руку. Девочка засмеялась и, махнув плеткой, пришпорила коня. Бата посмотрел вслед, тоже засмеялся: «Сразу выросла!» И погнал машину.

Василий Григорьевич развернул тряпицу и тихо охнул: в ней был подарок старого мастера — козий рог.

Весело озирала пустыню верблюжья голова, по-свойски косил глазом в небо мохнатый гобийский конек. А над юртами, над горами, над Гоби взлетал вверх из завитков козьего рога легкий космический корабль.

Алые скалы Байн Дзака

Дорога была бесконечной. Солнце раскалило плато. Но никаких видений на этот раз в жаркой дымке не было.

А каждому хотелось что-нибудь впереди увидеть: долгожданный Байн Дзак был где-то рядом. И Светка спросила у Баты:

— А можно взять бинокль?

Но Генка схватил его первым и тут же получил легкий подзатыльник. Он повернулся к Светке:

— Ты что?

— Ты думаешь, если сын академика, так тебе всюду можно скакать задом наперед? — сказала Светка.

Генка захлопал глазами:

— Во-первых, подзатыльник не педагогический прием. А во-вторых, — он удивленно пожал плечами, — откуда ты взяла, что мой отец академик?

— Так ты же сам сказал! — удивилась Людмила Ивановна.

— Ха! В работе — да, академик! А так — шофер такси!

Экипаж всколыхнулся, а Людмила Ивановна всплеснула руками:

— Ну, фокусник, ну, академическое дитя!

Но вот «газик» запрыгал по горячей равнине. Из-под баллонов, как бомбочки, вылетали камни. Шелестели сухие стебли полыни и саксаула, да кое-где белели верблюжьи черепа. Вика посмотрела в бинокль и вздохнула: ничего не видно...

Вдруг Бата резко повернул руль, колеса прошли над краем обрыва.

Солнце покраснело и стало погружаться за горизонт. Все заалело: тельняшки Василия Григорьевича и Баты, белые Генкины волосы. Алыми стали песок, трава.

«Газик» пробежал еще сотню шагов — и внизу на дне котловины вспыхнули и задышали жаром массивные древние, как ящеры, осыпающиеся скалы.

— Байн Дзак! — сказал Бата и качнул головой, будто хотел стряхнуть с нее жаркие искры. Но уйти от этого огня было некуда. Все потонуло в океане гобийского заката.

— Едем?! — сказал Василий Григорьевич.

Но Бата показал на обрыв: круто, надо объезжать!

Тогда вся экспедиция бросилась мимо кустов саксаула вниз, к похожим на ящеров скалам.

Песчаный лабиринт

Всех охватила жажда поиска. Этот умирающий островок древнего мира был начинен костями гигантов. Он был из песков и глин, которые принесла в древнее море гигантская река вместе с телами диплодоков, бронтозавров, анкилозавров. Это сюда опускались погрызавшие враг врага ящеры!

Конечно, здесь уже были экспедиции. Конечно, искали и находили. Но этот песчаный лабиринт был неиссякаем. Он был напичкан костями!

Людмила Ивановна водрузила, подобно тому, как это делают женщины в Африке, на голову большой полукруглый камень, покрытый, казалось, остатками яичной скорлупы. Коля выковыривал в глубокой расселине какую-то похожую на позвонок глыбу. А Генка кричал из котлована:

— Ребята! Кажется, черепаха! Гигантская! Вросла! Не вытащить!

И вдруг раздался морской клич: «Братцы! Полундра!» — на который бросились все члены экспедиции.

У самого входа в этот пылающий лабиринт лежал гигантский окаменевший хребет. Он мог принадлежать только динозавру! Вперед!

Это было какое-то безумие. Все бросились

искать кости давно вымерших животных, остатки невероятного ушедшего мира.

Только изредка Коля и Светка беспокойно осматривались: почему не видно Вики?

Пока палеонтологи азартно искали, Бата потихоньку вел «газик» по краю впадины в объезд, потому что напрямик даже на машине времени въезда в древний мир не было.

Церендорж посматривал в бинокль, переводя его с одного искателя на другого.

Но вот он вскрикнул «Ай-яй-яй!» и передал бинокль Бате.

Бата взглянул на скалы и увидел среди них на крохотном выступе Вику. Тропа, по которой взбежала вверх Вика, быстро осыпалась из-под ее ног...

Мгновенно он развернул машину и погнал ее напрямик к скалам.

...Вика вместе со всеми побежала к пылающему острову, но не к его подошве, а вверх, на скалы. Ей хотелось оттуда, с высоты, окинуть взглядом всю впадину.

Она легко пробежала ложбинку, по узкому гребню взлетела на тропу. Но уже не радостная легкость, а какое-то незнакомое волнение подталкивало ее вперед. Кончиками пальцев она придержалась за песчаный выступ, выпрямилась, оглянулась.

И тут она услышала шорох.

Под ней, метрах в десяти, разрушались потревоженные древние глыбы, камень за камнем отрывались от них и устремлялись вниз. Гребень, по которому Вика взбежала, просел и вдруг рухнул.

Под ногами девочки оставался крохотный выступ.

По плечам ее пробежал озноб. Вика прижалась лопатками к шершавой, как наждак, песчаниковой стене и стояла, боясь пошевелиться. Она даже задержала дыхание. Ей показалось, что стена отталкивает ее от себя.

Может быть, до земли было не так далеко, но ей чудилось, что под ногами разрастается бездна.

Каждая травинка внизу накалилась, как электрическая спираль. Солнце побагровело до черноты. Казалось, весь мир сейчас перегорит и рухнет.

И вдруг послышался легкий шум, показался «газик». Из него вышел Церендорж и сделал руками знак: «Не шевелись!»

Вскоре у лица Вики заструился песок. Она подняла глаза, увидела над собой конец веревки и услышала спокойный голос Баты: «Держи...»

Вика ухватилась за веревку, оттолкнулась от выступа, нащупала ногами край тропы и, отпустив канат, съехала вниз по осыпи прямо в руки Церендоржа.

— Фу! — облегченно вздохнул Церендорж. — Ну, кажется, теперь с нами были добрые духи!.. Пойдем скорее! Слышишь, они там, наверное, выкопали динозавра.

Но Вика повела головой. У нее перед глазами все вспыхивало черное солнце, разрасталось алое пространство и умирали раскаленные стебли саксаула.

Она наклонилась над рухнувшей глыбой, подняла темный камушек и подбросила его в руке. Он тоже был из того мира, где умирали динозавры, рушились скалы и догорало это солнце.

Вика отошла к машине, присела на край брезента и, обхватив рукой колено, стала что-то чертить камушком на песке.

Фантазия

Из своих находок члены экспедиции сложили у подножия скал настоящее обо.

— Тут целый музей, — сказал Церендорж.

— Да, пожалуй, — согласился Василий Григорьевич и с сожалением осмотрелся: так не хотелось ему покидать остров! Он положил на плечо огромный каменный позвонок и зашагал к машине.

Тем временем Бата развел маленький костер, разложил на большом платке куски сухого сыра, баранину и, вручив Коле кожаное ведерко, показал ему на выложенный камнем колодец.

Генка вместе с товарищем побежал к колодцу.

Мальчики зачерпнули воды и молча пошли обратно. Они всматривались в этот прекрасный уходящий мир.

Скалы угасли. Энергия солнца иссякла.

Из глубины острова доносилась песня: «А не для леса, а не для речки...» Это возвращалась к машине Светка. Скалы ее не удивляли. Она шла, как по древним улочкам Еревана — этому городу тоже 2750 лет! Неподалеку от него лежали камни государства Урарту, про которое написано даже в «Истории Древнего мира».

На краю расстеленного на земле брезента сидела Вика. Коля поставил подле нее ведро и стал разглядывать рисунок, который она начертила на земле.

— Что это?

— Так, фантазия... — повела плечом Вика.

— Ха! Фантазия?! — воскликнул Генка. — Это же проект!

На красном песчанике был резко прочерчен силуэт байндзаковских скал. Перед ними поднимался высокий купол большого здания. Внутри здания высились фигуры, похожие на динозавров. У входа тоже стоял гигантский динозавр. А в небе виднелась маленькая точка — может быть, Генкин метеорит.

— Неплохо, — подойдя ближе, сказал Василий Григорьевич.

Солнце вдруг дрогнуло, расплющилось, по вершинам скал пробежала легкая ленточка огня, и все погасло. Над Гоби разлилась спокойная ночь. Небо пересек золотистый спутник. Над

уютным костерком пронесся и погас метеор. Загорелось созвездие Кассиопеи, и звездный охотник Орион взялся за палицу.

— Неужели это никогда не повторится?! — восторженно сказала Людмила Ивановна.

Когда экспедиция закончила ужин, Бата, погасив костер, сказал:

— Пора.

Как золотая юрта, из-за горизонта поднялась луна, и прямо на нее «газик» побежал по степи.

Триумф

Полночи динозавры провели перед маленькой гостиницей. Утром под прощальным взглядом Баты и удивленными взглядами пилотов перебрались в самолет. А через несколько часов, вздымая на плечах монолиты доисторических окаменелостей, члены экспедиции поднимались по ступеням отеля «Улан-Батор», и туристы удивленно спрашивали:

— Это что, динозавр?

И слышали гордый ответ:

— Динозавр!

Это был триумф.

Спустя час Василий Григорьевич в отутюженном костюме и галстуке сказал:

— Все находки перенесите ко мне.

— Зачем? — сказала Светка.

— На вывоз динозавра нужно разрешение. А вы сегодня летите в Москву. Вот телеграмма: Людмиле Ивановне нужно на пленум, Вике — в лагерь, а тебе — на Всесоюзный концерт...

— Какой концерт? Не хочу на концерт. Хочу в Гоби! И чтобы мы все были вместе, — заявила Светка.

— Что поделаешь, — сказал Василий Григорьевич, — надо.

— А вы с нами? — спросила Светка.

— У него есть еще журналистское задание, — сказал Церендорж.

— Концерт, задание, — всхлипнула Светка. — Мы хотим лететь вместе! Там, впереди, граница, там Байкал, такая красивая дорога! — И горькие слезы покатились по ее загорелым щекам.

Церендорж улыбнулся и посмотрел на часы.

— Скоро поезд.

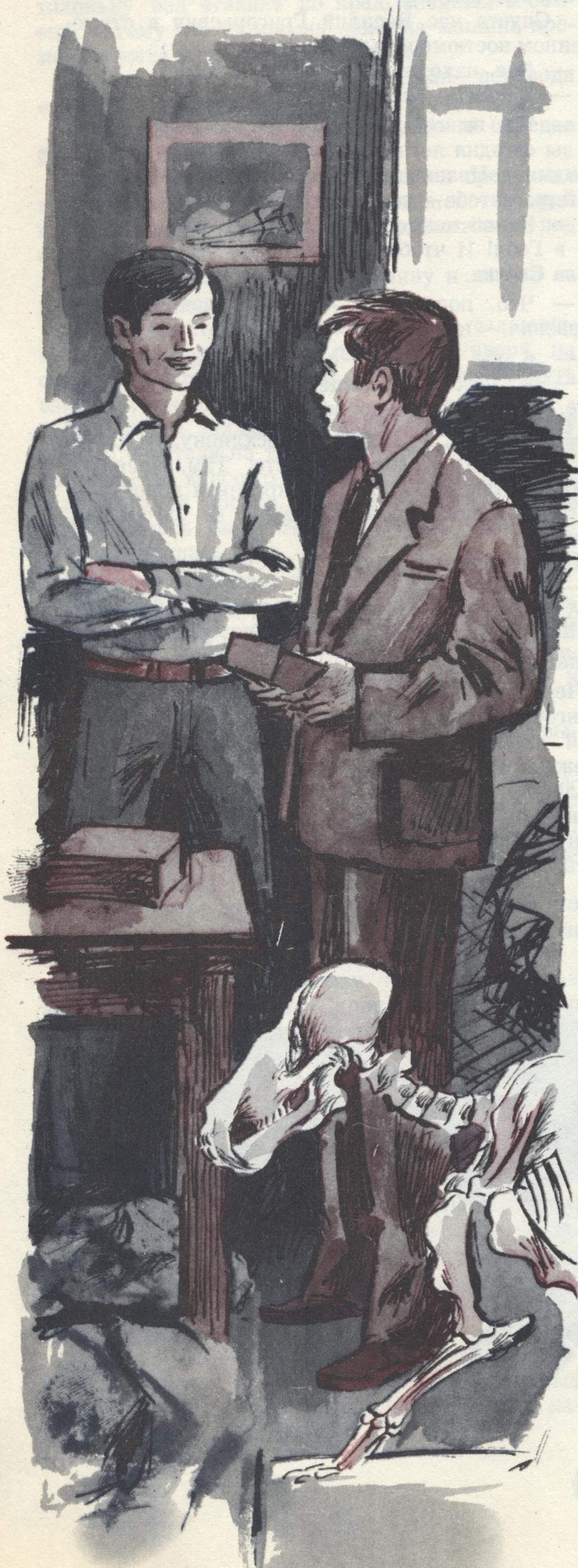
А Генка сказал:

— Ну, хватит. Дело есть дело. Где твои чемоданы?

Через несколько минут в комнате Василия Григорьевича на полу стоял монумент, сложенный из древних костей. В последний момент вбежала Вика, вытащила из рукавички и положила на край стола маленький темный камешек — он ведь тоже был из Байн Дзака — и на минуту задержалась. Ей многое захотелось сказать.

Сказать, что она обязательно приедет еще в Гоби, но уже с настоящей научной экспедицией... Сердце ее сжималось от грусти. Ей жаль было расставаться с теми, с кем она путешествовала, с ночным костром в горах Гоби, где на вершине бьется красный шелковый огонек с удивительным словом «найрамдал» — «дружба».

Коготь динозавра

Ровно через неделю в знакомом уже номере гостиницы «Улан-Батор» Алейников собирал вещи, напевая любимую Светкину песенку: «А не для леса, а не для речки...»

Выгоревшая тельняшка и удивительный козий рог лежали в чемодане, и Василий Григорьевич пристраивал рядом блокноты с командировочными заметками. Все отлично укладывалось в очерк: и новый завод, который строили комсомольцы, и дела молодых трактористок, и ракета, летящая ввысь по козьему рогу...

Осталось только упаковать динозавров.

За окном хлестал проливной дождь. Ливень смывал с улицы все живое. Косые вихри полосовали воздух. Ревущие потоки ввинчивались в асфальт.

В это время кто-то постучал в дверь, и комнату озарила добродушная улыбка Церендоржа. С ним был высокий молодой человек.

— Сайн байну!

— Сайн байну! — откликнулся Василий Григорьевич.

Едва они вошли, как молодой человек — оказалось, это был ученый-палеонтолог — шагнул к драгоценному обо, обошел его со всех сторон, внимательно осмотрел одну находку, другую и сказал:

— Это не кости.

— Как? — изумленно спросил Василий Григорьевич.

— Так, — улыбнулся палеонтолог. — Это тоже ценные находки, но это окаменелые глина, песок, соли, которые осели на том месте, где раньше были кости. Это конкреции. Часто они сохраняют очертания костей. По ним можно судить о тех далеких временах. И все-таки это не кости...

«Так, значит, вся наша экспедиция таскала булыжники?! — с ужасом подумал Василий Григорьевич. — Как я скажу ребятам об этом?»

— Даже самые опытные геологи часто в этом ошибаются, — сказал в утешение палеонтолог.

Но какое дело до геологов было ему, Алейникову?! Пусть себе ошибаются! Он не имел права ошибаться! Нужно было учиться, читать, знать!

И Василий Григорьевич так опустил на стол кулак, что рядом подпрыгнул какой-то предмет.

— А это что? — Палеонтолог тонкими пальцами взял со стола оставленный Викой камень, потер его и воскликнул:

— Вот! Вот это находка! Видите, в камне пятно? Настоящий коготь динозавра! — И он торжественно показал его своим собеседникам.

— Такой маленький? — удивился Василий Григорьевич.

— Динозавры были разные, величиной с шагающий экскаватор и с кенгуру. В палеонтологии нет мелочей. Все гигантское собрано из осколков!

И бывалый моряк горько опустил голову. Вот, сам читал другим стихи о черепках, учил по крупицам собирать улыбку, а сам?! А ведь рядом лежало столько неприметных, но настоящих осколков! Стоило только собрать!

Он раздосадованно сел на кровать. Что же делать?

— Что мы скажем ребятам?

И тогда молодой ученый сказал:

— Пошли!

Тучи уже разбежались в стороны. Лучи солнца снова освещали скачущего всадника — Сухэ-Батора.

Вскоре спутники оказались в музейной мастерской. На столиках и под столами лежали глыбы глины, в которых желтели раздробленные громадные кости.

— Вот из таких кусочков, — показал молодой человек, — мы собираем, склеиваем гиганта. А это... — палеонтолог показал на груду продолговатых серых предметов, — это яйца динозавра. Но их подарить вам я не могу... А вот это, — он достал из ящика небольшую коробку, — это... учитывая ваше особое положение, я вам подарю.

В коробке лежал кусок окаменелой глины и из нее торчали растрескавшиеся пластины серой яичной скорлупы...

— Ну что ж, — вздохнул Василий Григорьевич. — И на том спасибо. Баирла!

Василий Григорьевич долго не мог прийти в себя после такого потрясения. В поезде, рассматривая кости и несколько яичных скорлупок, он с насмешкой думал: «Ну что я скажу? Динозавра нет, помахал хвостиком семьдесят миллионов лет назад. Вот оставил коготь и жалкие скорлупки...»

В это время на красную глину упал луч закатного солнца, такой же закат они все вместе наблюдали на Байн Дзаке. В памяти возникли долина, красные скалы. И вдруг Василий Григорьевич вздрогнул: это же невероятно! Он везет скорлупу яйца, из которого семьдесят миллионов лет назад выбрался ящер и, печатая колоссальные следы, протащил по земле свое гигантское тело! Может быть, он стал пылью, а может быть, это он стоит в улан-баторском музее. Но, может быть, он лежит, окаменелый, где-нибудь в глубине Байн Дзака, и, кто знает, может, еще есть возможность его найти! Найти и поставить в павильон, который начертила Вика на красной байндзакской земле!

Значит, все еще впереди!

Успокоенный Василий Григорьевич, сложив свои сокровища в чемодан, вскоре задремал, и навстречу ему поплыло доброе, улыбающееся лицо Церендоржа.

КОНЕЦ

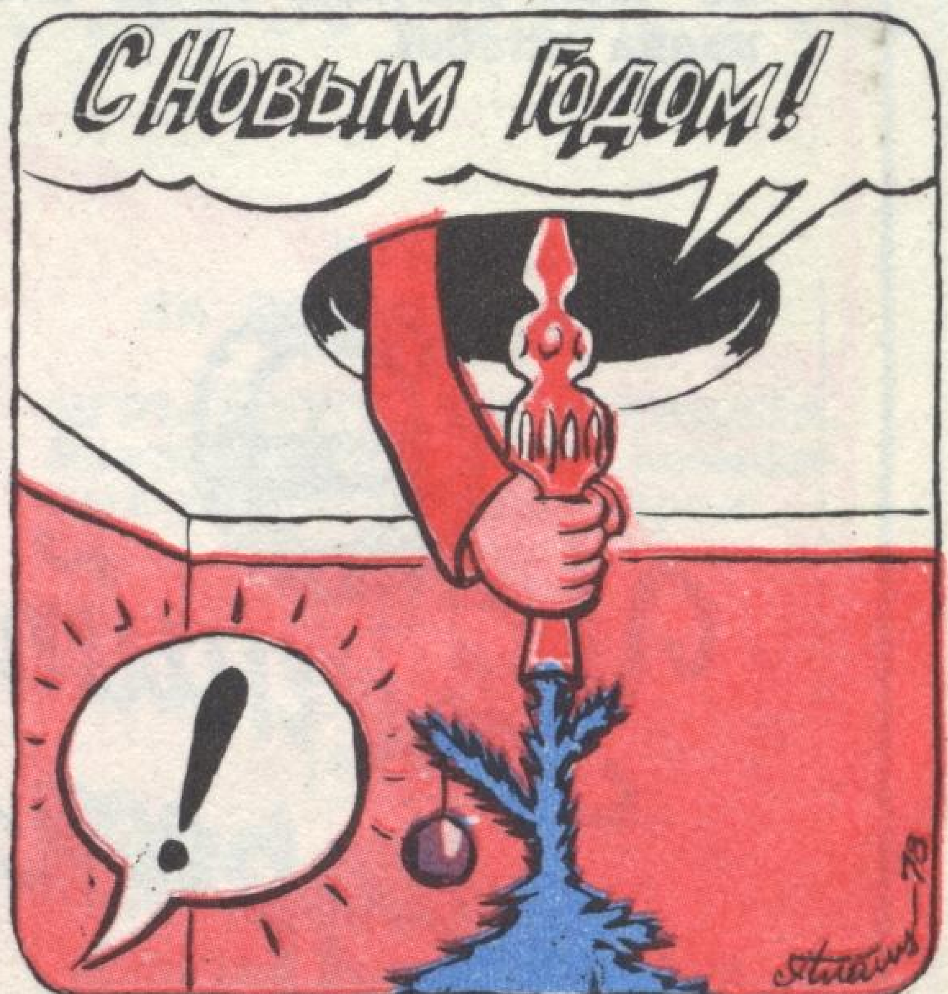

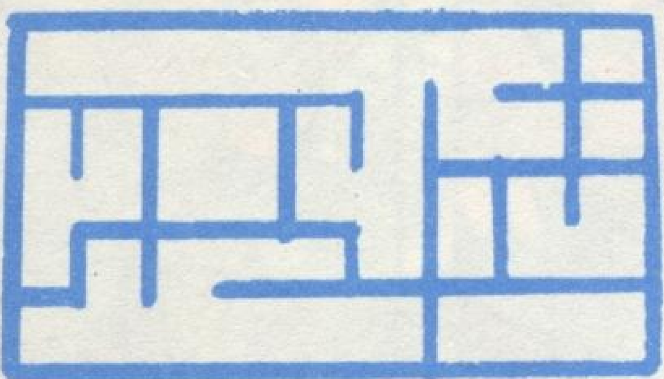

А. АЛЕКСАНДРОВ

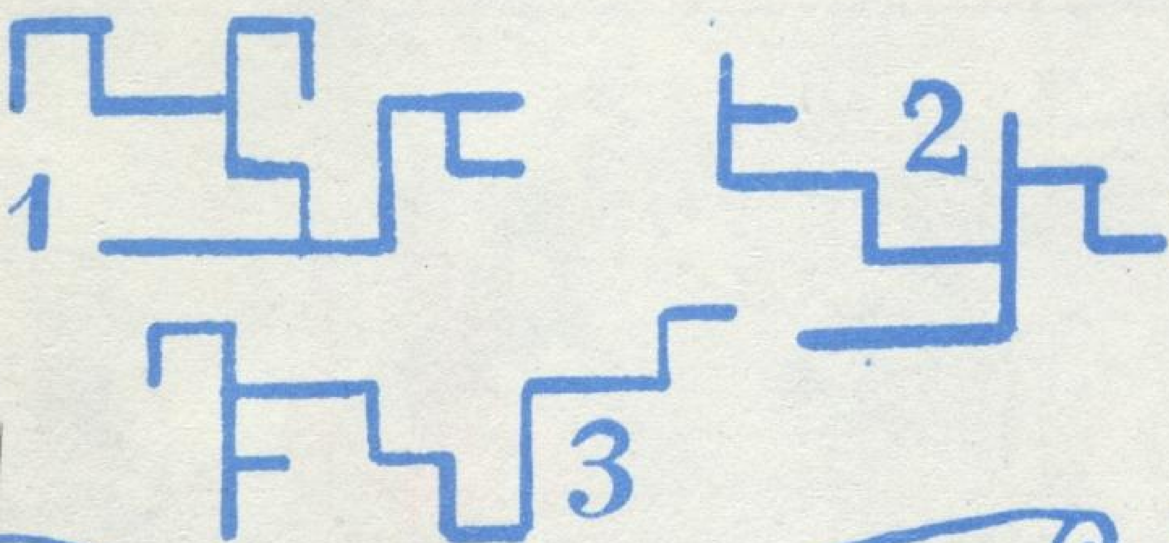

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ
Рисунки А. ВОВИКОВОЙ

Перед вами план штаба Резинок. Трое Карандашей-разведчиков пытались тайно его перерисовать, но времени у них было так мало, что никто не успел закончить свой рисунок. Присмотритесь повнимательней и скажите, кто из разведчиков не допустил ни одной ошибки, на чьем рисунке точно показана часть плана штаба?

МАРКОБУСЫ

ИГРЫ Лупы и Пинцета

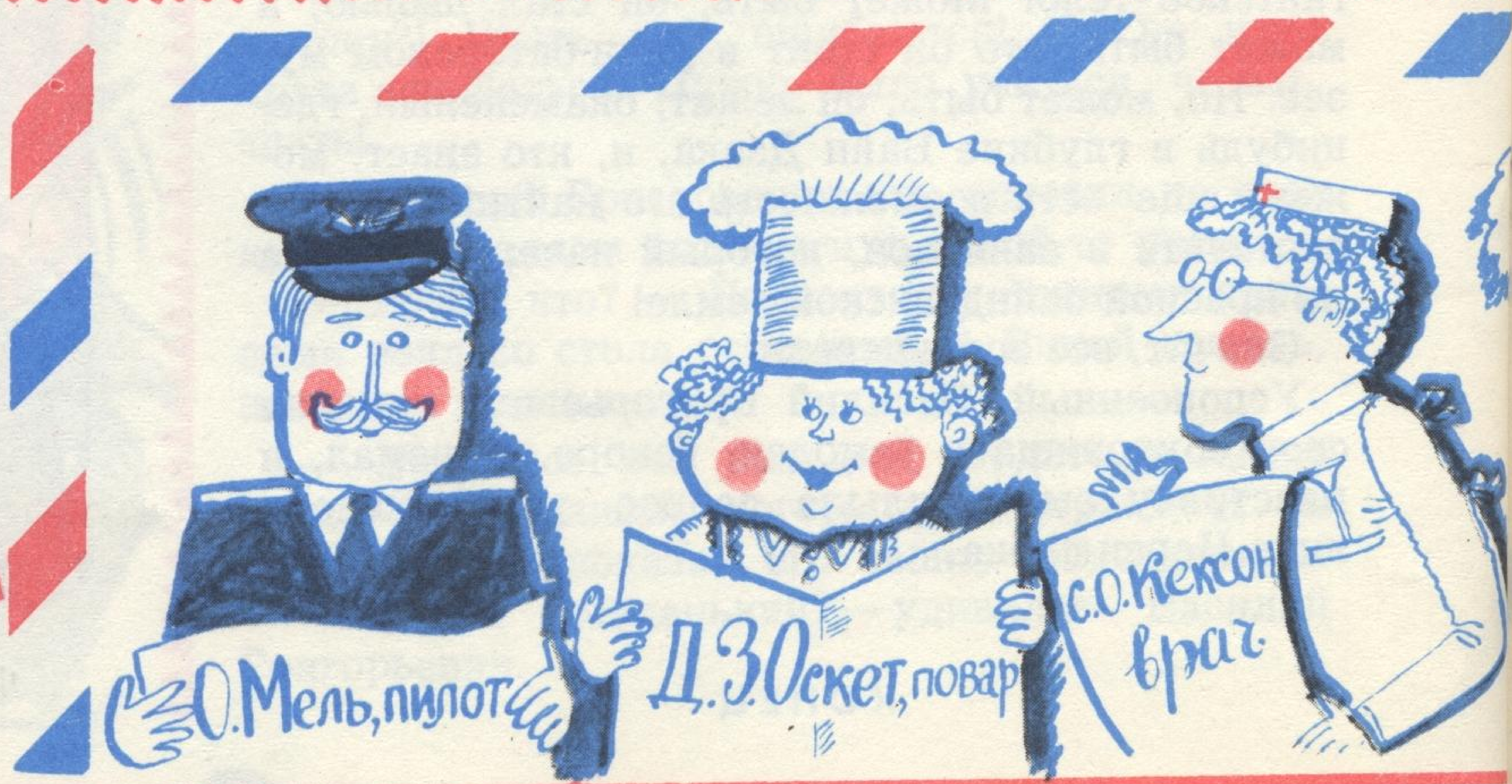

Ребята, вы не забыли, как играть в маркобусы? Из названия страны каждой марки надо взять столько рядом стоящих букв, сколько указано сверху, и вы узнаете, какой страной выпущена перевернутая марка.

Игры деда Буквоеда

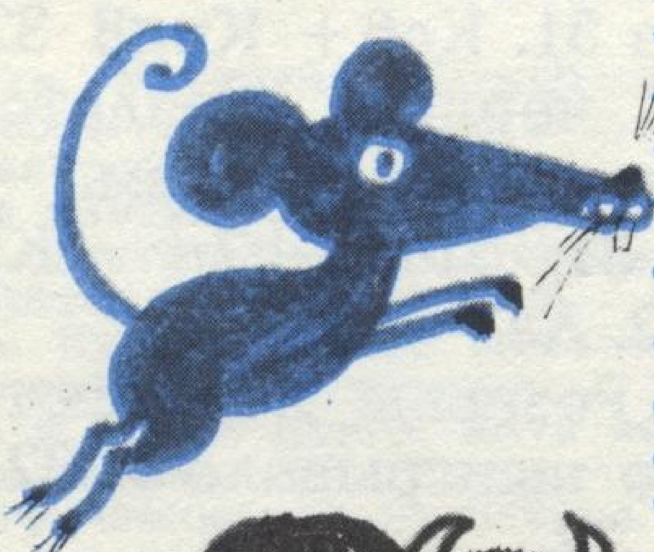
Кто? что?

Кточтосказ

Не спешите!
В кточтосказ
Мы играем первый раз:
Чтобы рифмы подобрались,
Нужен слух и острый глаз.
— Прекрасный день,—
Сказал...
— Но дождь пойдет,—
Сказал...
— Туч нет, мой друг,—
Сказал...
— Уже ползут,—
Сказал...
— Пойду в загон,—
Ворчит...
— Не торопись,—
Сказала...
— Я слышал гром,—
Воскликнул...
— А я боюсь!
Захныкал...
— Ты всех смешишь,—
Сказала...
— Игре конец,—
Сказал...

Кто?

Что?

кто? КТО? КТО? ЧТО?

...

....

КОЛЮЧАЯ задача

Лев старше дикобраза
В два с половиной раза,
А год назад — в три раза старше был.
(Запомните все это для полного ответа,
Но я еще не все вам сообщил).
По сведениям удода,
Тому назад три года
В семь раз лев
Старше был, чем дикобраз.
Учтите все и взвесьте.
А сколько лет им вместе,
Позвольте мне теперь
Спросить у вас!

Живживка.

Недавно я просматривал свой блокнот и обнаружил в нем такие записи:

О. Мель, пилот
Д. З. Оскет, повар
С. О. Кексон, врач
Г. К. Тис, агроном
А. К. Лем, артист.

Это мои друзья. Вам, наверное, интересно узнать, в каких городах они живут? Названия этих городов составьте из всех букв, входящих в инициалы, фамилию и профессию моих друзей. Попробуйте! Ответы присылайте мне.

Дед Буквоед.

С. К. Серб, биолог — Борисоглебск

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 11

ИГРЫ ЛУПЫ И ПИНЦЕТА. Бамилеке: одно из возможных расположений марок:

6	7	2
1	5	9
8	3	4

КАПИТАН ПЕРО ИЩЕТ ПОМОЩНИКА

Тик-так — приборы 7 и 8.

Рекорд Гарика Каспарова

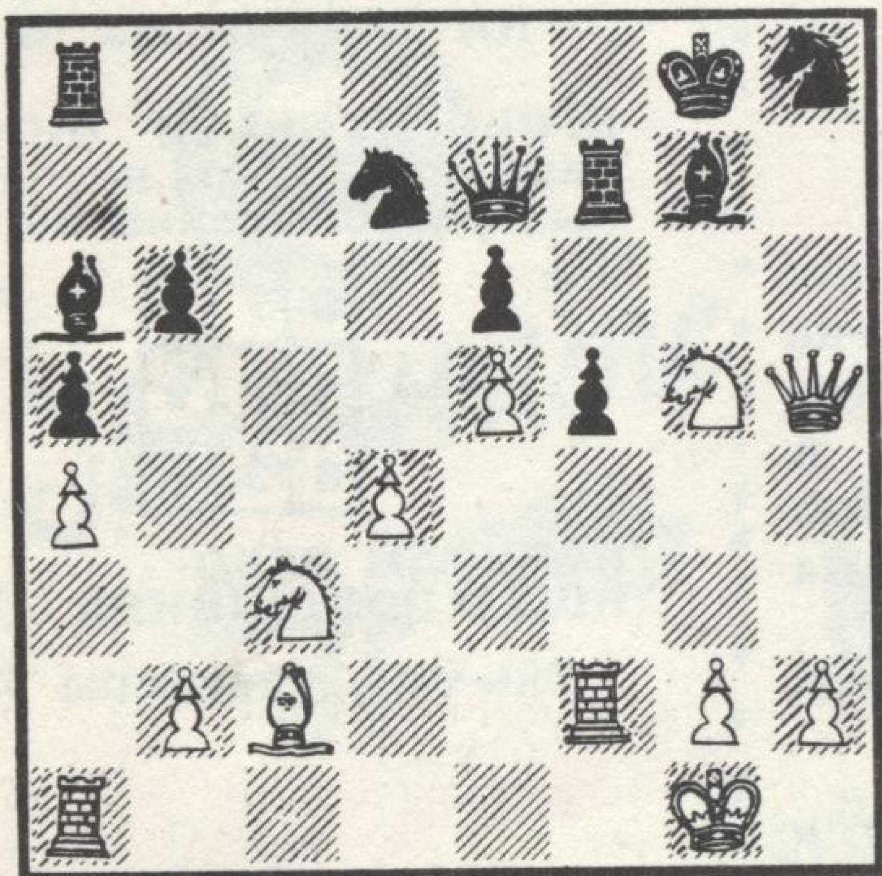
В шахматах рекорды не фиксируются. И все-таки пятнадцатилетнему бакинскому школьнику Гарику Каспарову удалось установить рекорд: этим летом на турнире гроссмейстеров и мастеров Гарик уверенно занял первое место и завоевал право играть в высшей лиге чемпионата СССР.

Эти соревнования проводятся с 1920 года, но еще ни разу столь юный шахматист не оспаривал титул чемпиона СССР!

Соперниками Гарика будут ведущие советские шахматисты, прославленные гроссмейстеры. «Экзамен будет трудным,— говорит Гарик,— но я буду стараться изо всех сил».

Гарик играет в боевом комбинационном стиле, смело атакует, находчиво и изобретательно защищается. Он умеет находить скрытые ресурсы позиции, умело расставляет неожиданные ловушки.

Посмотрите, как провел атаку **Гарик Каспаров** в партии с опытным украинским мастером **С. Палатником.**

В этой позиции, конечно, можно просто взять конем ладью f7, но тогда черные смогут обороняться: ведь у них две легкие фигуры за ладью и две пешки,— получается примерно равное соотношение сил. Но в партии события развивались так:

26. Сс2 : f5! Лf7 : f5.

Плохо 26... ef 27. Кd5 Фе8 28. е6! с разгромом.

27. Лf2 : f5 е6 : f5 28. Кс3—d5! Фе7—е8 29. Фh5—h7 + Крg8—f8. 30. Фh7 : f5 + Крf8—g8.

Выбора нет. Если 30... Кf7, то 31. Ке6+ Крg8 32. Фg6!, и черным придется расстаться с ферзем.

31. Фf5—h7+ Крg8—f8 32. Ла1—а3.

Резервы вступают в бой, но выигрывало и 32. Кс7.

32... Ла8—с8.

Красиво выигрывали белые при ходе 32... Фg6. Проверьте себя, подумайте, как в этом случае надо вести наступление.

33. Ла3—f3+ Кd7—f6.

А теперь Пешкин предлагает вам: найдите, как выигрывают белые при ходе 33... Кf7?

34. h2—h3!

«Тихий» ход, подчеркивающий критическое положение черных. Белым нельзя забывать об опасности, с которой связано вторжение черной ладьи на с1. После хода Гарика у белого короля есть надежное убежище.

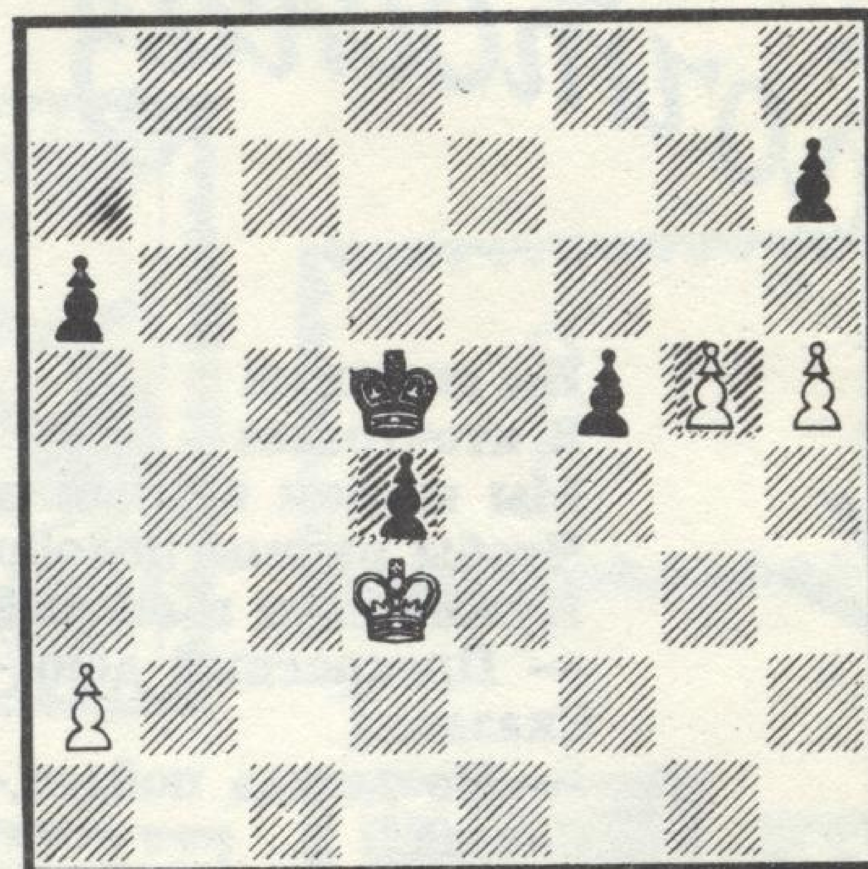
34... Фе8—g6 35. Лf3 : f6 + ! Сg7 : f6 36. Кg5—е6 + Крf8—е8 37. Кd5 : f6+. Черные сдались.

Гарик увлекается разбором партий великого русского шахматиста Александра Алехина. Эту партию он провел в алехинском стиле.

Боевые пешки

Пешкин — знаток шахмат, но все же больше всего ему нравятся позиции, в которых решающее слово остается за пешками.

Сегодня вы увидите две таких позиции.

В этом положении ход черных. Как вы думаете, у кого здесь преимущество?

Нет, нет. Пешкин не забыл, что у черных материальный перевес, на диаграмме ошибок нет...

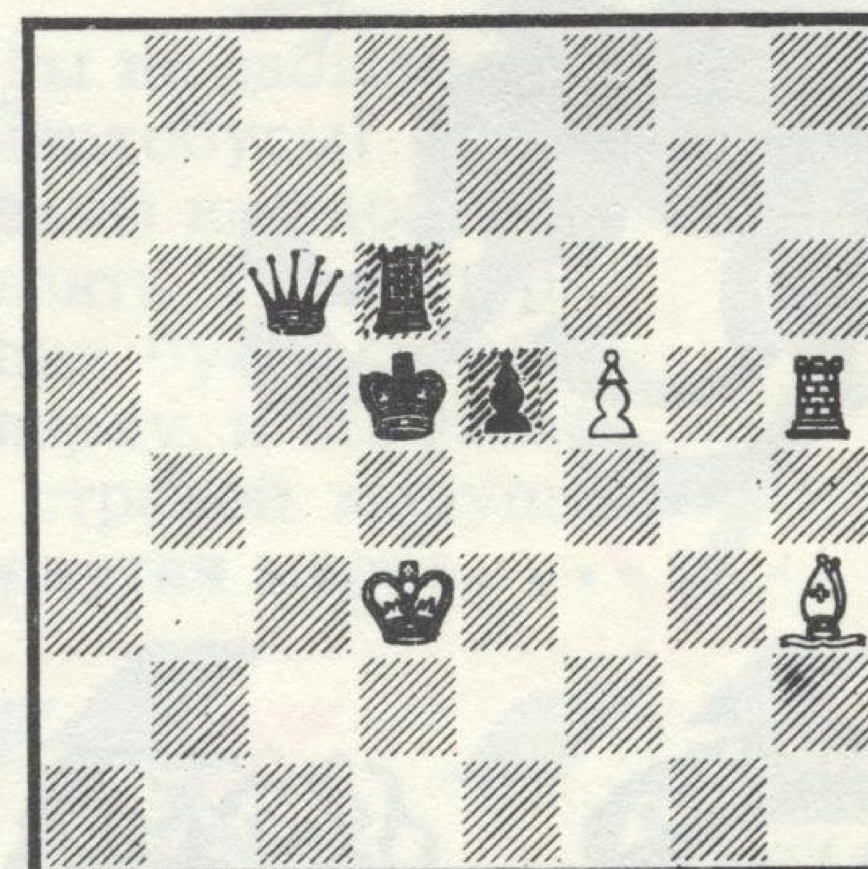
Перед вами позиция, встретившаяся в одной из партий третьего чемпиона мира кубинца Хосе Рауля Капабланки. Он играл белыми и очень быстро добился победы.

Последовало: 1... Крd5—е5 2. h5—h6!, и черные сдались.

Пешкин спрашивает вас: как выигрывают белые при 2... f5—f4?

Что последовало бы в ответ на 2... Кре5—е6?

Могли ли черные добиться ничьей в позиции диаграммы, играя не 1... Крd5—е5, а иначе?

А это задача-шутка. Белые начинают игру и дают мат в один ход. Чтобы решить ее, надо подумать, каким мог быть последний ход черных?

Ребят, которые успешно справятся с этими двумя заданиями и пришлют решения в этом году, Пешкин наградит грамотой.

Содержание журнала «Пионер» за 1978 год

В оформлении «Пионера» принимали участие художники:
С. Аристокесова, А. Бедина, Ю. Бондаренко, А. Борисов, А. Вовикова, Е. Вознесенская, Е. Гладикова, Н. Григорьева, А. Гришин, Б. Гуревич, Н. Доброхотова, В. Дудкин, Ю. Карпова, В. Костицын, И. Красулин, Т. Ларионова, Е. Медведев, П. Пророков, Ю. Родин, Е. Стерлигова, В. Стрижков, С. Трофимов, И. Урманче, В. Федоров, Е. Шабельник.

и фотокорреспонденты:
А. Абрамов, В. Арсирий, П. Асаульченко, В. Борисенко, И. Гаврилов, В. Гусев, М. Доронин, Б. Задвиль, В. Кириенко, А. Кокорева, В. Лиферов, А. Мартиросьян, М. Олимов, С. Петрухин, В. Писаржик, С. Зигуненко, О. Рябцев, Е. Успенский, М. Харлампиев, Н. Хлебодаров, В. Чейшвили, Я. Шахновский, В. Школьный, Б. Юлик.

Поздравляем!

Редакция «Пионера» награждает:

дипломом имени А. П. Гайдара писателя **Бориса Николаевича КАМОВА** за повесть-поиск «Сумка Гайдара» и художника **Семена Андриановича ТРОФИМОВА** за иллюстрации к этой повести;

дипломом имени Л. А. Кассиля писателя **Сергея Анатольевича ИВАНОВА** за очерки «Валентина Голубева — ткачиха, государственный деятель, делегат XVIII съезда ВЛКСМ», «Память», «Моряки с Малой земли», «Памятник Известному солдату».

Редакция премирует авторов лучших произведений года: **Зою Ивановну ВОСКРЕСЕНСКУЮ** за рассказ «Мать и сын», **Татьяну Николаевну ПОЛИКАРПОВУ** за повесть «Листья будущего лета»,
Льва Васильевича УСПЕНСКОГО за материалы отдела «Звуки, буквы, слова»,
Татьяну Викторовну ФЕДОРОВУ за очерк «Мы — первые метростроевцы!».

Поэтов — **Агагельды АЛЛАНАЗАРОВА** и **Анатолия Георгиевича КОСТЕЦКОГО** — за стихи.
Бенедикта Михайловича САРНОВА за очерк «Чтобы жить честно...»
Журналиста **Вл. ВАСИЛЬЕВА** за ведение отдела «Международный пресс-центр «Пионера»,
Юрия Вениаминовича ПОГОСОВА за очерк «Путешествие по столице фестиваля»,
Семена Абрамовича ГУРЕВИЧА, заслуженного учителя РСФСР, за очерк «Любимый предмет».

Художников—**Виктора Петровича ДУДКИНА** за рисунки к повести С. Романовского «Синяя молния», **Анатолия Александровича БОРИСОВА** за обложку № 7 и иллюстрации к материалам об XI Всемирном фестивале, **Аллу Матусовну ВОВИКОВУ** за оформление отдела «Ума палата», **Евгения Семеновича ШАБЕЛЬНИКА** за оформление отдела юмора «Переменка».

Анкета «ПИОНЕР»-78

Каждый месяц почтальон приносит тебе свежий номер «Пионера».

Номер, который ты сейчас держишь в руках, последний в этом году. Если сложить вместе все двенадцать номеров журнала, то получится толстая книжка. Пролистай ее еще раз и вспомни.

1. Чем помог тебе журнал в пионерской жизни. Что подсказал в работе звена, отряда.

2. Назови, что тебе особенно понравилось в «Пионере» и что не понравилось или показалось трудным.

3. Какая повесть, какой рассказ и очерк тебе понравились больше других?

4. Стихи какого поэта пришлись по душе?

5. Рисунки какого художника запомнились?

6. Какие песни вы разучили в звене, отряде, летом в лагере?

7. С чего ты начинал читать каждый номер журнала?

8. О чем тебе хотелось бы прочитать в «Пионере» будущего года, с кем ты хочешь встретиться на его страницах?

Мы будем ждать писем до 15 февраля. Итоги анкеты подведем и опубликуем в журнале. Не забудь только написать свое имя, адрес, в каком классе ты учишься, а на конверте ОБЯЗАТЕЛЬНО сделай пометку: «АНКЕТА-78».

ВАШИ ОТВЕТЫ ОЧЕНЬ ПОМОГУТ НАМ В РАБОТЕ.

СОДЕРЖАНИЕ

Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **Ю. Л. РОДИНА.**

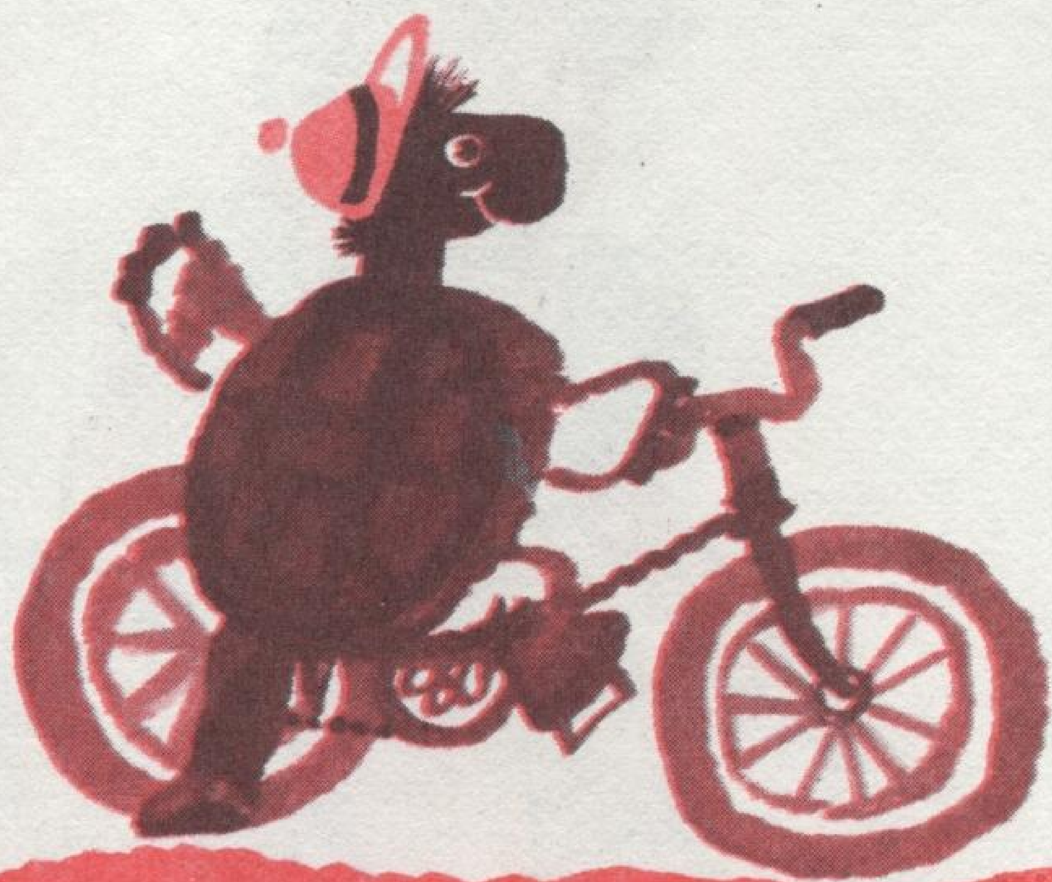
Адрес для писем: **101459, ГСП-4, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

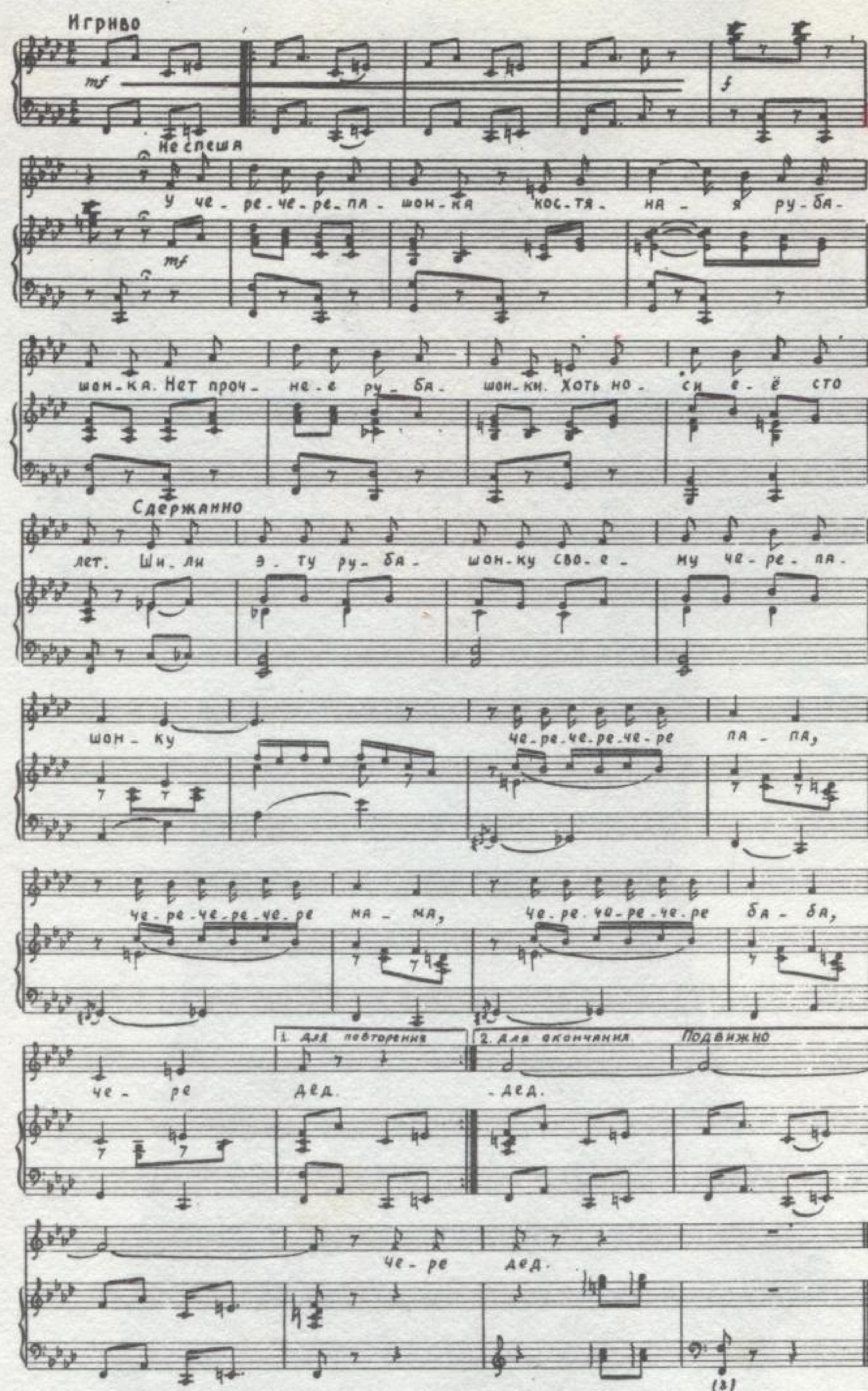
Сдано в набор 27.09.78.
Подписано к печати 27.10.78. А 01478.
Формат 84×60 1/8. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 9,33. Учетно-изд. л. 11,24.
Тираж 1 500 000 экз.
Изд. № 2702. Заказ № 2887.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Музыка М. ПРОТАСОВА

Слова В. ОРЛОВА

Черепашонок

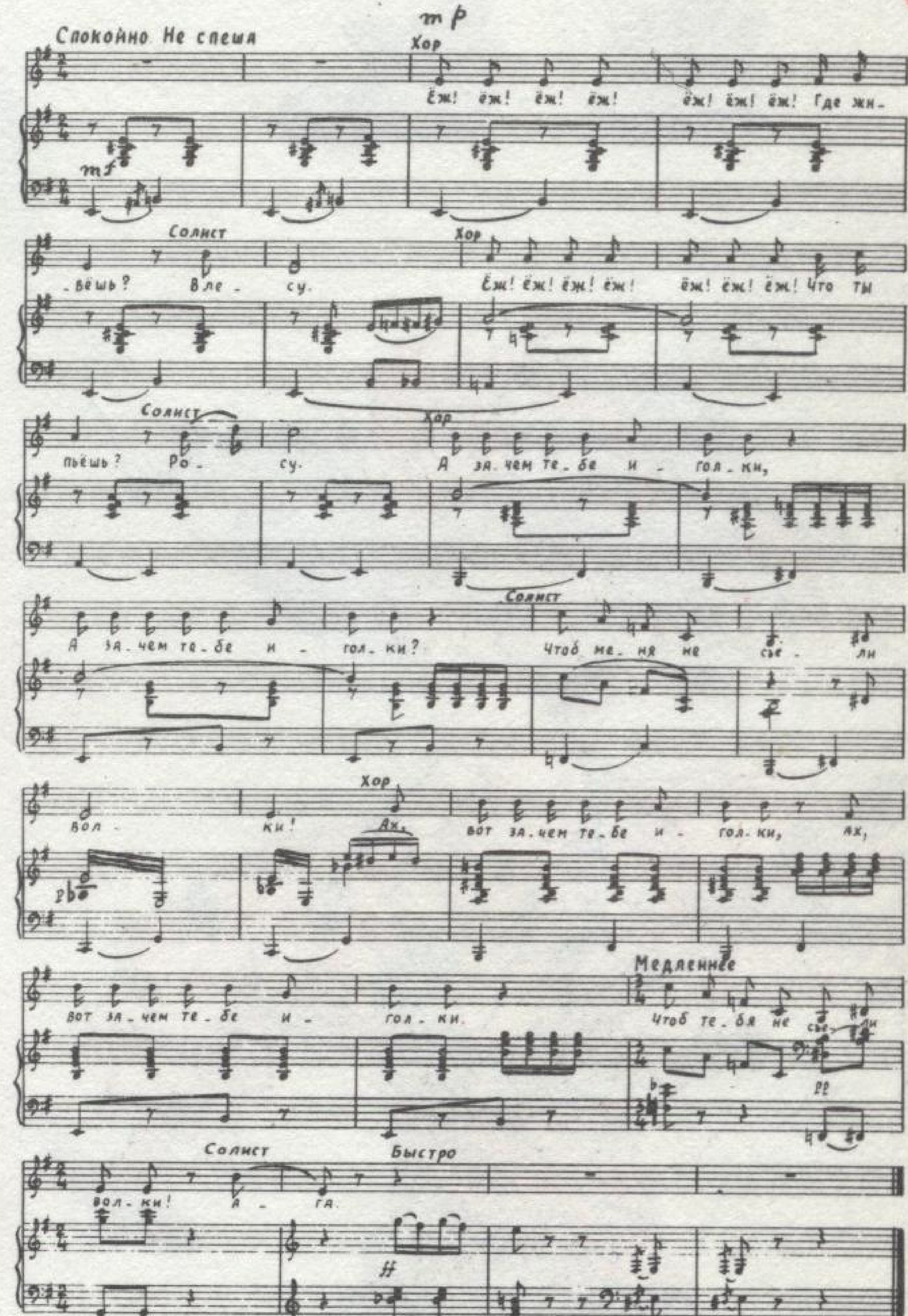
У чере-черепашонка
Костяная рубашонка.
Нет прочнее рубашонки,
Хоть носи ее сто лет.
Шили эту рубашонку
Своему черепашонку
Чере-папа,
Чере-мама,
Чере-баба,
Чере-дед.

У чере-черепашонка
Три игрушечных слоненка,
Тридцать три автомобиля
И один велосипед.
И, как будто в «Детском мире»,
С малышом живут в квартире
Чере-папа,
Чере-мама,
Чере-баба,
Чере-дед.

Просыпается он рано,
Умывается у крана,
По слогам уже читает
Все названия конфет.
И горды черепашонком —
Замечательным ребенком
Чере-папа,
Чере-мама,
Чере-баба,
Чере-дед.

Если встретит вас ребенок —
Небольшой черепашонок,
Если скажет вам «спасибо»
И «пожалуйста» в ответ,
Значит, точно же такие
У ребенка все родные:
Чере-папа,
Чере-мама,
Чере-баба,
Чере-дед.

Ёж

Музыка М. ПРОТАСОВА

Слова А. БЕЛЯВСКОГО

Хор. Еж! Еж!
Где живешь?
Солист. В лесу.
Хор. Еж! Еж!
Что ты пьешь?
Солист. Росу.
Хор. А зачем тебе
Иголки?
Солист. Чтоб меня не съели
Волки!
Хор. Ах вот зачем тебе иголки.
Ах, вот зачем тебе иголки.
Чтоб тебя не съели
Волки!

Рисунки А. БОРИСОВА

Ты не знаешь, в каком костюме, в каком облике появиться на карнавале? Посмотри, что у тебя есть: старые летние платья, цветные платки, какая-нибудь шляпа? Приложи их к себе: может быть, они сами тебе что-нибудь подскажут?

Очень эффектный материал мешковина. В костюм из мешковины могут быть одеты Гаврош, Гек Финн и Том Кенти. Отделка: цветные заплатки и пуговицы.

Завязывать узлами и красить можно не только майки. Идеальный материал для этого — старая простыня, из нее получаются потом фантастические одеяния для магов, фокусников,

Старая рубашка, на которой чернилами, тушью или красками написаны устрашающие изречения, старые штаны с цветными заплатками — костюм для Бармалея и других благородных разбойников.

Девочкам, конечно, объяснения не нужны.

Н. ДОБРОХОТОВА

Цена 25 коп.
Индекс 70694.